

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Научно-образовательный и методический журнал

Человек. Культура. Образование

Research and Instruction Journal

Human. Culture. Education

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 3 (49) 2023

Научно-образовательный и методический журнал «Человек. Культура. Образование»
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

	12+
	<i>Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-68795 от 17.02.2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Журнал зарегистрирован в РИИЦ (регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.) Выходит с 2011 г.</i>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бараксанова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Якутск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулюните Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, независимый исследователь (Сыктывкар, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Лэй, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств, профессор Санкт-Петербургского университета МВД России (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: pce@syktsu.ru

Периодическое издание

**Научно-образовательный и методический журнал
«Человек. Культура. Образование»**

№ 3 (49) 2023

Редактор Л. Н. Руденко. Корректор О. В. Габова
Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой
Выпускающий редактор Е. М. Насирова

Подписано в печать 31.08.2023. Дата выхода в свет 08.09.2023.

Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 10,4. Уч.-изд. л. 10,1. Заказ № 51. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

Research and instruction journal “Human. Culture. Education”
 Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
 Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
 (167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrskiy prosp., 55)

12+	
<p><i>PI Media Registration Certificate No. FS 77-68795 dated 02.17.2017 issued by The Federal Service For Supervision Of Communications, Information Technology, and Mass Media Journal is registered in the Russian Science Citation Index (Registration No. 261-06 of July 7, 2012) Published since 2011.</i></p>	

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elizaveta A. Barakhsanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Olyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Zyuzev, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; fellow of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Belarusian State University of Culture and Arts, Professor of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikalian State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science end Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate, Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a

E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина», 2023

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Казакова Г. М. Цифровой мир и книжная культура	10
Саляева Е. С. «Почему вышивать подушку можно, а книги читать нельзя»: к истории женского чтения в России второй половины XIX века	23
Смирнова А.А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Отсутствие как памятник. Статья 2	41
Черный В. Д. Иностранцы о пародийных театрализованных обрядах в Московии	59

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Пушкарева Т. В. Художественная синестезия в контексте проблемы кризиса искусства и культуры	79
Яковлева Е. Л. Экзистенциально-феноменологический подход к пониманию творческого процесса	101

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Овчинников О. М., Горина Е. Е., Юрова Ю. В. Концептуальные подходы к исследованию профилактики агрессии	120
Терентьева О. С. Применение цифровых технологий при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и перспективы развития	138

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти профессора Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Часть 4 (под ред. А. К. И. Забулионите)	151
--	-----

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Kazakova G. M. Digital World and Book Culture	10
Salyaeva E. S. "Why You Can Embroider a Pillow, but You Can't Read Books": on the History of Female Reading in Russia in the Second Half of the 19th Century	23
Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Absence as a monument. Article 2.	41
Chernyy V. D. Foreigners about Parody Theatrical Rituals in Muscovy	59

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Pushkareva T. V. Artistic Synesthesia in the Context of the Problem of the Crisis of Art and Culture	79
Iakovleva E. L. Existential and Phenomenological Approach to understanding a Creative Process	101

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Ovchinnikov O. M., Gorina E. E., Yurova Ju. V. Conceptual Approaches to the Prevention of Aggression Study	120
Terentyeva O. S. Information Technologies in Teaching Students with Disabilities: Issues and Future Considerations	138

SCIENTIFIC DISCUSSION PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 4 (academic ed. A. K. I. Zabulionite)	152
--	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 002.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-10>

Цифровой мир и книжная культура

Галина Михайловна Казакова

Сыктывкарский университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
kazakovagm@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние цифрового мира на обогащение книжной культуры новыми симбиотическими форматами и коллаборационными трендами. Научный анализ обозначенной темы осуществляется с позиций системного подхода и принципов диалектического единства.

Основные результаты исследования выражаются в следующем:

1. Цифровой мир и книжная культура диалектически взаимосвязаны: книжная культура включает уровень технического и информационного развития, а информационная культура предполагает библиотечно-библиографическую грамотность и культуру чтения.

2. Книжную и информационную культуры отличает разность структуры и разный генезис.

3. Книжная культура более профессиональна, документальна и объективна. Информационная культура по сути своей менее стабильна, менее централизована, менее структурирована. Потребители ее информации становятся и ее создателями. Пользовательский контент в этой связи менее надежен и авторитетен. Интерактивность — главное качество пользовательской среды.

4. Современные тренды коллаборации цифрового мира и книжной культуры: целенаправленные (государственная поддержка книжной отрасли в целом и стимулирование электронного книгоиздания в частности, а также поддержка крупных частных книгоиздательских компаний) и стихийно-организованные (со стороны отдельных авторов и/или потребителей) и т. д.

Книжная культура и цифровой мир соотносятся не как противоположности (развитие одного — например, многократный рост потребления видеоконтента как неотъемлемой части современного цифрового мира — не означает автоматического падения интереса к чтению), а как взаимодополняющие и взаимоподдерживающие друг друга процессы: активный интернет-пользователь и активный читатель — это одна и та же персона. Это делает перспективы бытования книжной культуры в цифровом мире более оптимистичными.

Keywords: book culture, information culture, screen culture, media culture, digital world

Для цитирования: Казакова Г. М. Цифровой мир и книжная культура // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 10–22. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-10>

Digital World and Book Culture

Galina M. Kazakova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
kazakovagm@mail.ru

Abstract. The article analyzes the influence of the digital world on the enrichment of book culture with new symbiotic formats and collaborative trends.

The scientific analysis of the designated topic is carried out from the standpoint of a systematic approach and the principles of dialectical unity.

The main results of the article are: 1. The digital world and book culture are dialectically interrelated: book culture includes the level of technical and information development, and information culture presupposes library and bibliographic literacy and reading culture.

2. Book and information culture are distinguished by a difference in structure and different genesis.

3. Book culture is more professional, documentary and objective. Information culture is inherently less stable, less centralized, less structured. Consumers of its information also become its creators. User-generated content is therefore less reliable and authoritative. Interactivity is the main quality of the user environment.

4 Modern trends of collaboration between the digital world and book culture can be the targeted ones (state support for the book industry in general and promotion of electronic book publishing in particular, as well as support for large private publishing houses) and the spontaneously organized ones (initiated by individual authors and/or consumers), etc.

Book culture and the digital world are correlated not as opposites (development of one of them, for example, the multiple growth of video content consumption as an integral part of the modern digital world, does not mean an automatic decline in interest in reading), but as complementary and mutually supportive processes — an active Internet user and an active reader are one and the same person. This is what makes the prospects for existence of book culture in the digital world more optimistic.

Keywords: *book culture, information culture; screen culture; media culture; digital world*

For citation: Kazakova G. M. Digital World and Book Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 3:10–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-10>

Введение. Цифровой мир значительно влияет на книжную культуру. Проблемы сохранности книги и книжной культуры в аспекте цифровизации являются предметом ярких дискуссий и профессиональных споров уже более полувека. Однако назрел переход от эмоциональной оценки «гибели» и «крушения» книжной культуры к научно взвешенной и доказательной позиции, пре-

красно отраженной в цитате Умберто Эко: «Спите спокойно, книги никуда не денутся». Настала необходимость разработки научно-теоретических оснований бытования и прогресса книжной культуры в условиях цифровизации и далее, искусственного интеллекта. Это необходимо для процессов управления книжной культурой как нишей сохранения культурно-творческих практик человечества.

Методы исследования. Проблема взаимодействия книжной и информационной культур поднималась неоднократно в наших публикациях [1; 2].

С опорой на методологию системного и культурологического подхода, с позиций интегративного знания книжная культура определялась нами как «целостная *саморазвивающаяся система* и часть общей культуры, которая включает в себя: человека как объекта и субъекта культуры одновременно, его специфическую *деятельность* по производству, распространению и потреблению всего связанного с книгой/документом, а также многоосновное предметное *бытие книги/документа* — материальное, духовное и художественно-образное» [3].

Теоретическая база. В настоящее время расширилось научное понимание книжной культуры через арсенал исследовательских механизмов разных отраслей наук. Можно выделить: документоведческий (Ю. Н. Столяров), книговедческий (В. В. Добровольский и др.), эволюционный (Ю. В. Тимофеева и др.), историко-культурный (В. И. Васильев и др.), феноменологический (Н. А. Кривич, А. Ю. Чукуров), синергетический (В. Я. Аскарлова), культурологический (Г. М. Казакова, В. Л. Бенин, Р. А. Гильмиянова и др.) и т. д. Отдельно отметим специалистов, занимающихся бытованием и прогнозом книжной культуры в так называемой инфосфере: А. В. Соколов, Н. В. Лопатина, Е. В. Динер, Е. А. Сайко и др. Справедливо говорить о синтезирующем процессе интегрирующего знания о цифровом мире и книжной культуре.

Результаты исследования и их обсуждение. История книги многократно переживала процесс смены эпох, всякий раз угрожающий ее бытованию. Например, когда рукописная книга сменя-

лась печатной на протяжении XVI–XVIII веков. Долгое время печатная книга соседствовала с рукописной и зачастую уступала ей в своем развитии. Однако затем, с возможностями технологии И. Гутенберга, И. Федорова и П. Мстиславца, начался нарастающий рост печатных изданий: в 1600 г., спустя 150 лет после начала книгопечатания, в мире было выпущено 6 тыс. названий печатных книг, а 1900 год принес восьмикратное увеличение — почти 160 тысяч, что стало ярким примером достижений научно-технического прогресса. Аналогично в 2000 году Интернет и компьютерные технологии привели к тому, что мировой выпуск книжной продукции вырос до двух с лишним миллионов названий в год [4, с. 130–131]. При подобном «взрывном» характере интереса к книжной продукции миллионные выпуски стимулировали пропорциональное развитие процессов книгопечатания, книгораспространения и книгопотребления.

Сам факт присутствия интернет-технологий совершенствовал стратегии книжной культуры. Версий данных стратегий существует несколько.

Одна из них изложена М. Маклюэном в середине XX века в «Галактике Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» [5]. Автор в своих эссе давал представление о книгопечатании не просто как о рядовом технологическом процессе узкой отрасли, но как о большом коммерчески выгодном предприятии, как о социальном механизме и орудии влияния на массовое сознание; как способе рефлексии человека и воспроизводстве его бытия.

Еще одна предполагаемая стратегия книжной культуры определена Майком Шацкиным в совокупности четырех процессов: атомизации, масштабирования, вертикальной интеграции и разуконплектации издательских функций. Атомизация книгоиздания, по мнению автора, приведет к тому, что издателями станут университеты (что, собственно, уже происходит), отдельные факультеты, адвокатские конторы, бухгалтерские и консалтинговые фирмы, библиотеки, клубы, музеи и др. Наряду с этим возрастет роль масштаба, т. е. использования размеров производства как конкурентного преимущества; вертикальной интеграции — ис-

пользования Интернета для адресной доставки продукта — и разукомплектации, т. е. дезинтеграции комплекса услуг, которые традиционно предлагали авторам издатели [6, с. 133].

Таким образом, книжная культура наряду с духовными, социальными, интеллектуальными составляющими включает уровень технического и информационного развития [6, с. 88], а информационная культура предполагает библиотечно-библиографическую грамотность и культуру чтения [7, с. 24]. Однако информационная среда по сути своей менее стабильна, менее централизована, менее структурирована. Потребители ее информации становятся и ее создателями. Пользовательский контент в этой связи менее надежен и авторитетен. Интерактивность — главное качество пользовательской среды. В отличие от этого, книжная культура более профессиональна, документальна и объективна.

Книжную и информационную культуры также отличает разность структуры и разный генезис. На структуру книжной культуры преимущественно влияют состояние материальной и духовной культуры общества, его интеллектуальный потенциал, достигнутый уровень книжного дела, культура производства и распространения книги, сложившиеся традиции в отношении к произведениям письменности и печати и др.

Структура информационной культуры характеризуется уровнем информатизации и компьютерной грамотности, объемов и особенностей информационных ресурсов, сформировавшихся навыков взаимодействия с информационной средой и т. д. Что касается разности генезиса, то в первом случае у истоков находится книга с присущим ей свойством фиксированной информации; во втором случае — телевидение или Интернет с его оперативностью и глобальным охватом аудитории [8, с. 128–129]. Информационные средства предоставили книжной культуре новые возможности генерации, хранения, передачи информации, они привели к появлению новых форм и средств коммуникации — электронной почты, чатов, форумов, сервисов мгновенных публикаций, а также социальных медиа.

Рассмотрим тренды коллаборации цифрового мира и книжной культуры в современных социокультурных реалиях.

К новым трендам книжной культуры в цифровом мире можно отнести:

– расширение и оптимизацию литературных порталов (например, «БИБЛА», «Большая бесплатная библиотека», литературно-художественный портал «Книголюб» (с сайтами Проза.ру, Вавилон, Минуты поэзии, Литпричал, Изба-читальня, Литсовет, Поэзия.ру, Стихи.ру и т. д.); русскоязычные книжные сообщества LiveLib, Bookmate, Two-books, Vfeed, Либриссимо... и др.);

– бытийное и социобытийное сопровождение книжных новинок со стороны как специалистов-литераторов, так и любого желающего любителя книжного чтения, лидеров общественного мнения в социальных сетях;

– появление блогеров-киноманов и/или специальных страниц, посвященных книге и чтению и т. д.

Условно говоря, обозначенные тренды можно разделить на *целенаправленные* (государственная поддержка книжной отрасли в целом и стимулирование электронного книгоиздания в частности, а также поддержка крупных частных книгоиздательских компаний) и *стихийно-организованные* (со стороны отдельных авторов и/или потребителей).

Целенаправленные тренды — это, например, многократно увеличенные новые предложения разработчиков мультимедийных книг-приложений и устройств для чтения книг, появление ридеров с гибкими дисплеями, с технологиями цветных чернил, добавление к тексту звукового сопровождения, когда книги говорят, поют, откликаются на касания.

Стихийно-организованные — это активно формирующиеся сообщества в социальных медиа, где книга становится средством общения, самовыражения, идентификации. Появляются специализированные книжные сервисы универсальных социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», «Яндекс.Дзен» и др. с многомиллионным охватом, активно продвигающих чтение в русскоязычной и зарубежной части Интернета. Развивается саморегуляция

читательской деятельности всех возрастов в социальных сетях. Читатели продуцируют различные формы продвижения чтения: через уточняющие, фактографические, тематические, адресные справки; через текущее и справочное обслуживание с использованием интернет-приложений — рассылок и форумов; через обсуждения прочитанного на форумах; через обзоры и рекомендации в рамках сообществ и социальные сети [9]. Современность возродила в сети подзабытое «клубное движение» книголюбов — это стихийное, самоорганизованное сетевое сообщество, консолидирующееся вокруг того или иного автора/персонажа/фантазийного мира.

Результат возрожденного клубного движения стал довольно значимым и отразился на коммуникационном направлении книжной культуры: сокращается дистанция между читателем и писателем (клубные сессии и автограф-сессии в читательских клубах — это неотъемлемый элемент книжной культуры); прогрессирует реклама изданий; осуществляется бесперебойный информационный поток; происходит масштабная популяризация книжной культуры как таковой. Более того, именно распространение цифровых технологий, их тотальная открытость и доступность актуализировали проблему авторского права, вывели ее на цивилизованные рельсы [10, с. 113]. Интернет масштабирует институциональные и корпоративные формы, которые поощряют и поддерживают книжную культуру, чтение как ее деятельность. В Сети появляются феномены фан-групп героев книг (например, последователей Гарри Поттера или саги «Звездные войны»). Расширяется перечень читательских групп.

Цифровизация значительно увеличила потенциал литературной и арт-критики, тем самым расширила пространство диалога с реальной и потенциальной аудиториями (включая порталы и сайты музеев, театров, кино, личные блоги и т. д.), предпочитающими тот или иной жанр литературы и искусства. При этом неизбежно была актуализирована проблема качества как художественного контента, так и собственно критического высказывания (посколь-

ку кредо литературной и арт-критики позиционируется как «суждение о качестве» [11, с. 255–256].

Заключение. Таким образом, цифровой мир вдыхает жизнь в вечную книжную культуру, является началом ее перерождения. Согласно исследованию социологов Венди Грисфолда, Терри Мак-Даннела, Натана Райта «Чтение и класс читателей в XXI веке» в 2010 года, охватывающего читательскую практику США, Великобритании, Нидерландов, Китая, Африки и т. д., культура чтения оказалась в состоянии соперничать с интернет-времяпровождением. Ссылаясь на авторитетные мнения, авторы заявляют, что Интернет способствует чтению и наоборот (расширение списка гигантов книжной интернет-торговли и их пользователей, распространение интерактивных книжных групп; чтение онлайн, а затем переход от онлайн- к оффлайн-чтению как маркетинговый ход книжных интернет-магазинов и т. д.). А образованные представители среднего класса («обжоры от культуры») поддерживают диверсифицированный портфель культурного капитала, куда входит и сеть Интернет [12]. Аналогичная тенденция подтверждается отечественными социологическими исследованиями 2014 [13], 2017 [14], 2019 [15] годов: в 2017 году по результатам онлайн-опроса, проведенного международным институтом маркетинговых исследований GfR, Россия по количеству времени, затраченного на чтение, оказалась в тройке читающих стран мира [15, с. 260]; а по данным ВЦИОМ 2018 года, у 87 % россиян есть домашняя библиотека [15, с. 265]. Интенсивность развития цифрового мира вызвала повышенный интерес к печатной книге и ее будущему как одному из символов традиционных ценностей, социокультурной и индивидуальной самобытности людей.

Все обозначенные в статье процессы доказывают, что книжная культура и цифровой мир соотносятся не как противоположности (развитие одного — например, многократный рост потребления видеоконтента как неотъемлемой части современного цифрового мира — не означает автоматическое падение интереса к чтению), а как взаимодополняющие и взаимоподдерживающие процессы: активный интернет-пользователь и активный читатель

— это одна и та же персона [16]. Это делает перспективы бытования книжной культуры в цифровом мире более оптимистичными.

Изучение законов бытования книжной культуры в цифровую эпоху имеет важный прикладной аспект для прогностических действий библиотечной инфраструктуры, ее масштабирования и структурной перестройки: быть библиотекой реальной и виртуальной, офлайн и онлайн одновременно. Все это, в свою очередь, вновь отразится на процессах динамики книжной культуры, вновь породит ее новые формы и содержание.

Список источников

1. Казакова Г. М. Книжная культура Урала: дискуссионность методологий // Казакова Г. М. Природное и культурное наследие Урала : материалы XI науч.-практ. конф. Челябинск, 2020. С. 37–42.
2. Казакова Г. М. Книжная культура: диалектика статичного и динамичного // Г. М. Казакова. Научные и технические библиотеки. 2021. № 5. С. 109–128.
3. Казакова Г. М. О содержании и качественных границах понятия книжной культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2(30). С. 71–73.
4. Ленский Б. В. Книжная культура: смена технологической парадигмы // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге. М.: Наука РАН, 2014. Ч. 1. С. 129–133.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568> (дата обращения: 11.07.2023).
6. Васильев В. И. История книжной культуры: Теоретико-методологические аспекты. М., 2005. 112 с.
7. Киричек П. Н. Информационная культура общества. М.: Изд-во РАГС, 2009. 220 с.
8. Лютов С. Н. Книжная культура в формирующемся информационном обществе // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: К 285-летию основания Академической типографии в России : материалы V межд. науч. конф./ отв. ред. В. И. Васильев : в 2 т. Т. 2. Научная книга и проблемы книжной культуры на пространстве СНГ. М.: Наука, 2012. С. 127–130.

9. Матвеева И. Ю. Читать подано! Социальные сети в поддержку и продвижение чтения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 3. С. 25–31.

10. Кривич Н. А., Чукуров А. Ю. Книжная культура: вызовы современности // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 110–115.

11. Сайко Е. А. Книжная культура в аспекте цифровизации: современные тенденции и практики // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : материалы Межд. науч. конф. (XVI Колосницынские чтения). Екатеринбург, 2021. С. 253–257.

12. Грисфолд В., Мак-Даннел Т., Райт Н. Чтение и класс читателей в XXI веке // Научное литературное обозрение. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/chtenie-i-klass-chitatelej-v-xxi-veke.html> (дата обращения: 11.07.2023)

13. Калугина Т. А. Информатизация в сфере чтения: взгляд молодежи (на примере молодых людей г. Саратова) // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1(76). С. 171–174.

14. Зубова О. Г. Трансформация практик молодежного чтения в современном российском обществе // Общество. Социология, психология, педагогика. 2018. № 10. С. 32–35.

15. Каргаполова Е. В., Давыдова Ю. А., Дьякова В. В., Симоненко М. А. Динамика читательских практик современного российского студенчества: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 258–275.

16. Лопатина Н. В. Субъекты книжной культуры цифрового мира: роли, статусы, ответственность // Современные тенденции книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы XIV Белорусско-российского науч. семинара-конф. М., 2021. С. 258–262.

References

1. Kazakova G. M. Book culture of the Urals: discussion of methodologies. *Natural and cultural heritage of the Urals: Mat. XI scientific-practical. conf.* [Natural and cultural heritage of the Urals: mat. XI scientific-practical. conf.] Chelyabinsk, 2020, pp. 37-42. (In Russ.)

2. Kazakova G. M. Book culture: the dialectic of static and dynamic. *Nauchnyye i tekhnicheskkiye biblioteki* [Scientific and technical libraries], 2021, no. 5, pp. 109–128. (In Russ.)

3. Kazakova G. M. On the content and qualitative boundaries of the concept of book culture. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2012, No. 2(30), pp. 71–73. (In Russ.)

4. Lensky B. V. Book culture: a change of technological paradigm. *Nauchnoye i kul'turnoye vzaimodeystviye na prostranstve SNG v kontekste razvitiya knigoizdaniya, knigoobmena i nauki o knige* [Scientific and cultural interaction in the CIS space in the context of the development of book publishing, book exchange and book science]. Moscow: FSBI of Science SIC "Science" RAS, 2014, Part 1, pp. 129–133. (In Russ.)

5. McLuhan M. *Sotvoreniye cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The Creation of a Man of Print Culture]. (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568> (accessed 06.05.2020)

6. Vasiliev V. I. *Istoriya knizhnoy kul'tury: Teoretiko-metodologicheskiye aspekty* [History of book culture: Theoretical and methodological aspects]. Moscow, 2005. 112 p. (In Russ.)

7. Kirichek P. N. *Informatsionnaya kul'tura obshchestva* [Information culture of society]. Moscow: Izd-vo RAGS, 2009. 220 p. (In Russ.)

8. Lyutov S. N. Book culture in the emerging information society. *Knizhnaya kul'tura: opyt proshlogo i problemy sovremennosti. K 285-letiyu osnovaniya Akademicheskoy tipografii v Rossii: mat. V mezhd. nauch. konf./ otv. red. V. I. Vasil'yev. V 2-kh t. T. 2 Nauchnaya kniga i problemy knizhnoy kul'tury na prostranstve SNG* [Book culture: the experience of the past and the problems of the present. To the 285th anniversary of the founding of the Academic Printing House in Russia: mat. 5 International Scientific Conf. Ed. V. I. Vasiliev. In 2 vols. 2 Scientific book and problems of book culture in the CIS]. Moscow: Nauka, 2012. pp. 127–130. (In Russ.)

9. Matveeva I. Yu. Read submitted! Social networks to support and promote reading. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2010, no. 3, pp.25-31. (In Russ.)

10. Krivich N. A., Chukurov A. Yu. Book culture: challenges of modernity. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Wednesday. Development], 2016, no. 4, pp. 110-115. (In Russ.)

11. Saiko E. A. Book culture in the aspect of digitalization: modern trends and practices. *Istoricheskiye transformatsii kul'tury: kontsepty, smysly, praktiki. Mat. Mezhd. nauch. konf. (XVI Kolosnitsynskiy chteniya)* [Historical transformations of culture: concepts, meanings, practices. Mat. International Scientific Conference (XVI Kolosnitsyn readings)]. Yekaterinburg, 2021, pp. 253–257. (In Russ.)

12. Grisfold W., McDunnell T., Wright N. "Reading and the class of readers in the XXI century". *Nauchnoye literaturnoye obozreniye* [Scientific Literary Review], 2010, No. 2 (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/chtenie-i-klass-chitatelej-v-xxi-veke.html> (accessed 1.07.2023)

13. Kalugina T. A. Informatization in the field of reading: the view of youth (on the example of young people in Saratov). *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo*

tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Saratov State Technical University], 2014, vol. 3, no 1. (76), pp. 171–174. (In Russ.)

14. Zubova O. G. Transformation of youth reading practices in modern Russian society. *Obshchestvo. Sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society. Sociology, psychology, pedagogy], 2018, no. 10, pp. 32–35 (In Russ.)

15. Kargapolova E. V., Davydova Yu. A., Dyakova V. V., Simonenko M. A. Dynamics of reading practices of modern Russian students: a sociological analysis. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 258–275. (In Russ.)

16. Lopatina N. V. Subjects of the book culture of the digital world: roles, statuses, responsibility. *Sovremennyye tendentsii knizhnoy kul'tury: osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya : mat. XIV Belorussko-Rossiyskogo nauch. seminara-konf.* [Modern trends in book culture: main trends and development prospects: Mat. XIV Belarusian-Russian scientific. seminar-conf.]. Moscow, 2021, pp. 258–262. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Казакова Галина Михайловна

Galina M. Kazakova

доктор культурологии, профессор
кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

Doctor of Culture-studies, Professor,
Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

167001, Россия, г. Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Av. Syktyvkar, 167001,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.05.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

24.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

15.07.2023

Научная статья / Article

УДК 02 (2Рос)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-23>

**«Почему вышивать подушку можно, а книги читать
нельзя»: к истории женского чтения
в России второй половины XIX века**

Елена Сергеевна Саляева

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия, lena.salyaeva@gmail.com

Аннотация. *Статья представляет собой краткий очерк истории чтения в контексте женской культуры повседневности второй половины XIX века в России. До сих пор наиболее широкий круг исследований женского чтения в России XIX века связан с изучением чтения в дворянской среде. Для написания данной статьи использован большой корпус личных дневников и воспоминаний женщин разных сословий, раскрывающих ранее неисследованную сторону женской интеллектуальной истории России второй половины XIX века. Это отвечает сразу двум тенденциям современных гуманитарных исследований — повышенному интересу к источникам личного происхождения как к уникальному виду исторических источников (особенно культурному феномену) и к женской интеллектуальной истории как к актуальной области социокультурных исследований. Большое количество упоминаемых читательских практик и описание круга чтения в женских дневниках и воспоминаниях позволяет проследить, как чтение в российской женской культуре повседневности постепенно становится распространенным и многообразным опытом. В статье проанализирована динамика развития основных сфер повседневной жизни российских женщин второй половины XIX века: частной жизни, образования, трудовой и общественной деятельности – и рассмотрено, как чтение проявлялось в женской культуре повседневности. Для более глубокого понимания феномена повседневности рассмотрены характерные особенности исследований в западной и российской гуманитаристике.*

Ключевые слова: культура повседневности, история чтения, женская история, читательские практики, личные дневники

Для цитирования: Саляева Е. С. «Почему вышивать подушку можно, а книги читать нельзя»: к истории женского чтения в России второй половины XIX века // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 23–40. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-23>

"Why You Can Embroider a Pillow, but You Can't Read Books": on the History of Female Reading in Russia in the Second Half of the 19th Century

Elena S. Salyaeva

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky,
St. Petersburg, lena.salyaeva@gmail.com

Abstract. *This article is a brief sketch of the history of reading in the context of female culture of everyday life in the second half of the 19th century in Russia. Until now, the widest range of studies of female reading in Russia of the 19th century is associated with the study of nobility's reading. To write this article, we used a large corpus of personal diaries and memoirs of women of different classes, revealing the previously unexplored side of the female intellectual history of Russia in the second half of the 19th century, which corresponds to two trends in modern humanitarian research — an increased interest in sources of personal origin, as a unique type of historical sources (a special cultural phenomenon) and to female intellectual history as an actual field of socio-cultural research. A large number of mentioned reading practices and a description of the reading circle in women's diaries and memoirs allows us to trace how reading in the Russian female culture of everyday life is gradually becoming a widespread and diverse experience. The article analyzes the dynamics of the development of the main spheres of everyday life of Russian women in the second half of the 19th century: private life, education, work and social activities, and examines how reading manifested itself in the female culture of everyday life. The article deals with the characteristic features of everyday life research in Western and Russian humanities for a deeper understanding of the phenomenon of everyday life.*

Keywords: culture of everyday life, history of reading, female history, reading practices, personal diaries

For citation: Salyaeva E. S. "Why You Can Embroider a Pillow, but You Can't Read Books": on the History of Female Reading in Russia in the Second Half of the 19th Century. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 3:23–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-23>

Введение. На основе анализа большого корпуса источников личного происхождения (дневники, мемуары) выявлены основные области культуры повседневности, в которых женщины второй половины XIX века могли сталкиваться с практиками чтения.

Теоретическую базу исследования составили труды А. Шюца, Н. Л. Пушкаревой, А. В. Беловой, В. В. Пономаревой.

Проблематика и методология. История повседневности — молодая для российской гуманитаристики сфера направлений научных исследований. Особую проблематику в контексте истории повседневности занимает ее «гендерная чувствительность», то есть то, насколько по-разному проживается опыт повседневности мужчинами и женщинами. При написании статьи мы использовали гендерный подход, выделяя женскую повседневность как особый тип жизненных и культурных практик.

Идея проследить историю женского чтения в контексте культуры повседневности в России второй половины XIX века связана с отсутствием крупных теоретических работ в этой области. Наиболее широкий круг исследований женского чтения в России XVIII–XIX вв. связан с изучением чтения в дворянской среде. До сих пор предметом отдельного интереса ряда ученых становится комплектование усадебных библиотек и формирование семейного круга чтения российского дворянства. В одном из трудов У. Г. Иваска, «Частные библиотеки в России», написанном в 1911–1912 гг., даны сведения о 1346 библиотеках. Однако основными источниками сведений о женской читательской культуре до сих пор остаются материалы мемуарного характера: дневники, письма, воспоминания. Уже к концу XVIII века и дневники, и частная переписка являлись неотъемлемой частью дворянской культуры повседневности. Эти документы составляют основу данного исследования.

Результаты исследования. История повседневности в западной историографии существует с 1960-х гг. Многие видные теоретики истории повседневности отмечали необходимость «гендерной чувствительности» подобных исследований, так как образ жизни людей разного пола разительно отличается друг от друга. В трудах теоретика немецкой истории повседневности А. Людтке отмечается, что в любом факте или явлении «можно различить специфические способы переживания опыта, характерные для мужчин и женщин» [1, с. 4]. Некоторыми исследователями также отмечаются черты, объединяющие это направление исторических исследований с исследованиями женской истории.

Общую характеристику этимологических параллелей между двумя направлениями дает А. В. Белова в статье «Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты»: «...сразу замечу, что время и обстоятельства возникновения на волне бурных общественно-политических изменений и связанного с ними методологического бума в историографии 1960-х, а также пройденный путь от маргинализации к академическому признанию роднят ее [историю повседневности] с предшественницей — гендерной женской историей» [2, с. 32].

Таким образом, развитие женской истории как отдельного направления исследований способствовало появлению повседневноведения. В определении содержания понятия «повседневность» работа опирается на феноменологический подход, рассматривающий повседневность как непрерывность и многомерное пространство жизненных и культурных практик. Так, повседневность по А. Шюцу является «высшей реальностью», оказывающейся основой, на которой формируются все прочие миры опыта [3, с. 129]. Эта реальность основывается на повторяющихся изо дня в день мыслях, событиях, действиях самых обычных людей. При этом важно отметить, что повседневность, в том числе и женская, не исчерпывается лишь частной сферой жизни, включая и публичную сферу.

Чтение в российской женской культуре повседневности постепенно становится распространенным и многообразным опытом. Судить об этом можно по количеству читательских практик, описываемых в дневниках и воспоминаниях. С учетом принятого выше определения повседневности как непрерывного континуума социальной и культурной реальности кратко рассмотрим динамику развития основных сфер повседневной жизни российских женщин второй половины XIX — начала XX в.: частную жизнь, образование, трудовую и общественную деятельность — и проанализируем, как чтение проявлялось в женской культуре повседневности.

Весь уклад жизни женщин во второй половине XIX века был подчинен традициям патриархальной семьи. Женщина в первую очередь была женой и матерью, при этом постоянно находилась в подчинении главы семьи — отца или мужа: «...несмотря на все реформы Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, несмотря на все радикальные полуторавековые преобразования, психологически русское общество оставалось традиционалистским и во многом продолжало жить по канонам “Домостроя”» [4, с. 3]. До начала XX века, согласно утвержденному в 1893 году Положению о видах на жительство, замужние женщины не имели права получать данные документы отдельно от мужа. Жену вписывали в паспорт супруга, и без его согласия женщина не могла перемещаться по стране, поступать в учебные заведения, устраиваться на работу. Лишь с принятием циркуляра 1902 года Положение 1893 года подлежало соблюдению при условии совместного проживания мужа с женой и предоставления ей средств к существованию. В условиях ограниченной мобильности за женщинами закреплялась «частная сфера» жизни, связанная в первую очередь с обустройством дома и ведением хозяйства, в которой чтение зачастую становилось «локусом» внутренней свободы: «...для провинциалок, не имеющих возможности получить высшее образование, лишенных порой умных собеседников, чтение воплощало в себе и “общение”, и “образование”» [5, с. 372].

Самым распространенным повседневным занятием девушек и женщин всех сословий было рукоделие: «обучение рукоделию

дворянок начиналось довольно рано, иногда даже в детском возрасте, до 13 лет, то есть еще до начала периода собственно девичества. Среди видов рукоделия девочками, или “младшими барышнями”, практиковались вышивка, вязание шнурков и плетение кружева, “старшими барышнями” — вышивание бисером <...> шитье и вязание относились к более старшему возрасту и считались занятиями уже взрослых женщин» [6, с. 287–288]. Если для богатых дворянок эти занятия имели воспитательный характер, то для большинства девушек в будущем становились ремеслом, которое помогало заработать на жизнь. С критикой подобного повседневного времяпрепровождения, отнимающего у женщины возможность интеллектуальных занятий, выступали многие авторы дневников второй половины XIX века. Совсем юная Мария Башкирцева запишет в дневнике 31 мая 1876 года: «...нет ничего лучше, как занятый ум; работа все побеждает — особенно умственная работа. Я не понимаю женщин, которые все свободное время проводят за вязаньем и вышиваньем, сидя с занятыми руками и пустой головой... Им, должно быть, приходит масса ненужных, опасных мыслей, а если еще есть что-нибудь особенное на сердце, то мысль, постоянно работая над одним и тем же, неизбежно даст прискорбные результаты» [7, с. 115]. Через десять лет в дневнике Анны Ивановны Волковой, представительницы замоскворецкого купечества 1850-х годов, уже зрелой женщины, добившейся профессиональной реализации в журналистском и издательском деле, появится запись, практически идентичная рассуждениям Башкирцевой: «Женщина должна интересоваться нарядами, пирогами, соленьями, вареньями и проч.; пожалуй, вышиваньями, и только; если же презренная задумает поинтересоваться чем-нибудь другим, то конец — погибла; обидные насмешки, улыбочки, приправленные сарказмом, — вот рука помощи от общества. И далеко не одни только мужчины топчут в женщинах всякое проявление мысли, нет, женщины, сами женщины беспощаднее мужчин в этом случае. Отупев в своей женственности, женственные женщины, как принято называть женщин, занимающихся нарядами и кухней, озлобляются против тех мучениц, которые несут, спотыкаясь, тя-

желое знамя женского вопроса» [4, с. 115]. В еще одном воспоминании Анны Ивановны есть интересный фрагмент об отношении мужа к интеллектуальным занятиям жены: «Заговорила с мужем о книгах, о библиотеке, о желании читать, воображая, что и он, мой идеал, думает так же, как и я, и стремится к тому же. И вдруг разочарование! Муж обругал меня дураю, что меня очень удивило. Денег на книги не дал, а приказал купить подушку и вышивать ему к ангелу. Я повиновалась, хотя никак не могла понять, почему вышивать подушку можно, а книги читать нельзя...» [4, с. 24].

Картину девичьей жизни в купеческой семье Щукиных оставила Мария Александровна Рыбникова в «Горбовской хронике»: «Они занимали особое помещение в мезонине, где время проходило в занятиях рукоделием и в ожидании жениха. Зачитывались в свободное время романами Александра Дюма и Загоскина, часто отправлялись на богомолье, любили беседы со странниками, юродивыми и кликушами, на святках непременно занимались гаданием и подолгу гостили у родственников, при помощи которых заводились знакомства и устраивались браки» [8, с. 126]. Из приведенного отрывка видно, что женское чтение становится нормализованной повседневной практикой в провинциальной купеческой семье в конце XIX века.

Также неслучайно в приведенном фрагменте упоминание о многочисленных религиозных практиках. Неотъемлемой частью повседневности всех сословий было соблюдение церковных обрядов и жизнь в соответствии с церковным календарем. Утренние молитвы, чтение Библии, посещение храмов, строгое соблюдение постов — всё это было естественной частью распорядка каждого дня. Неудивительно, что достаточно большую часть женского круга чтения составляли духовные сочинения. В воспоминаниях представителя московского купечества Николая Петровича Вишнякова можно найти детальное описание особенностей практик чтения его матери и няни: «Большие праздники она проводила по-пуритански, считая грехом какое-нибудь светское занятие, даже свои невинные ручные работы — вязанье или вышивание на пяльцах: допускалось только чтение духовных книг <...> будучи

грамотной, она, когда не вязала чулка, охотно читала духовные книги. Я живо помню ее молитвенник, насквозь просаленный и почерневший, с кучей закладок в виде разноцветных бумажек, ленточек и шнурочков. Сидит, бывало, с ним, надевши на нос свои огромные очки, и, отставивши книгу чуть не на аршин, шевелит губами, шепотом произнося слова» [9, с. 24].

Если в купеческой и мещанской среде женщина была больше погружена в ведение домашнего хозяйства, торговую или предпринимательскую деятельность и воспитание детей, то в дворянской среде мы часто сталкиваемся с примерами низкой вовлеченности женщин как в бытовую деятельность, так и в воспитание детей на ранних этапах их жизни. А. В. Белова отмечает, что лишь в пореформенное время увеличивается интенсивность общения матерей и детей в дворянских семьях и мать становится «активной участницей воспитания собственных детей» [10, с. 27]. С начала XIX века новыми требованиями европейского образования к женщинам стали знание современной и актуальной литературы, умение говорить на французском, музицировать; «если прежде мать обучала началам грамотности и религии, то теперь она должна была обеспечить детям образование» [11, с. 29]. Встретить примеры подобных образованных и просвещенных женщин можно было даже в купеческой среде. А. И. Волкова вспоминает: «Мать знала хорошо французский язык, любила читать по-французски и вышивать, что было особенно в моде в то время. Изящество матери, ее эстетический вкус выражались во всем: она любила хорошо одеваться, играла на фортепьяно, изобретала различные работы, которые наполняли ее досуг. С раннего детства помню я различные французские журналы, которые получала мать, так что первые детские воспоминания мои сливаются с книгой, картинками, французским языком, французскими баснями, роялью» [4, с. 55].

Воспоминания о библиотеке матери встречаются во многих женских дневниках и воспоминаниях второй половины XIX века. Несомненно, что для многих девочек формирование читательских интересов и круга чтения начиналось именно с материнской библиотеки, так же, как и само обучение чтению. В воспоминаниях

А. И. Волковой есть фрагмент, описывающий домашнее обучение чтению: «Читать и писать по-русски мы учились с матерью, которая применяла для обучения нас азбуке названия букв *а, бе, ве* и т. д. Это было новостью в конце 50-х годов и применялось еще очень мало, а обучали — *аз, буки, веди, глаголь* и проч. Вообще, выучиться скоро читать и писать, как это делается в настоящее время по звуковой системе, считалось прямо тогда невозможным, даже и по новому, облегченному методу. Французская азбука преподавалась так же, как и русская. Я и брат читали и писали по-русски и по-французски под руководством матери уже в 5–6 лет, так как мать начала учить нас в очень раннем возрасте. По утрам после молитвы мы принимались за чтение и письмо» [4, с. 71].

Несмотря на то, что многие семьи предпочитали давать дочерям домашнее образование, в России намного раньше и стремительнее, чем в других странах, начинает складываться система женского образования. Уже с конца 1840-х гг. вопросы о женском воспитании и образовании становятся ведущими на страницах столичной и провинциальной периодической печати.

Говоря о женском образовании второй половины XIX века, стоит отметить грандиозные изменения, которые произошли буквально за несколько лет вследствие общественного подъема конца 1850-х гг. Женское образование все больше уходит из сферы государственного влияния в сферу общественного участия. Благодаря участию выдающихся педагогов, в первую очередь К. Д. Ушинского и Н. А. Вышнеградского, меняются фундаментальные основы женского образования: новыми принципами становятся «всесловность и открытость женских учебных заведений; гуманистический характер женского образования и его равенство с образованием мужским; единство воспитательного влияния семьи и школы; общественно-государственный характер женского образования и участие общественных сил в его развитии» [12, с. 8]. Н. А. Вышнеградский, профессор педагогики и редактор «Русского Педагогического вестника», был автором проекта первого открытого женского училища в Петербурге, который одобрила сама императрица Мария Александровна. В 1858 году открылось первое всесловное

Мариинское женское училище. Это был настоящий прорыв для сферы женского государственного образования, которое с конца XVIII века формировалось в рамках жесткой сословной системы. В четырехтомной работе известной российской деятельницы женского образования Е. И. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России» отмечается, что «поразительная быстрота, с которой была принята в правительственных сферах и осуществилась в столице идея, еще так недавно казавшаяся неосуществимой, — всесословной, открытой женской школы, составляет огромную заслугу перед русским обществом Н. А. Вышнеградского» [13, с. 34–35]. К концу XIX века женских гимназий было открыто больше, чем мужских, соответственно 320 и 299. С середины 1890-х гг. до 1912 года в стране были открыты 28 из 29 высших женских учебных заведений.

Многие мемуаристки-учащиеся женских институтов до 1860-х гг. отмечают недостаточность комплектования фондов библиотек женских учебных заведений и трудности, связанные с поиском книг, необходимых для написания учебных работ. Однако с расцветом общественного движения, охватившего передовую часть России в конце 1850-х — начале 1860-х годов, система женского образования также претерпела ряд преобразований: были переделаны учебные планы, появились более последовательные и систематические требования к чтению девушек в рамках государственного образования.

Если Н. А. Вышеградский стоял у истоков организации всесословных женских училищ, то благодаря приходу К. Д. Ушинского на должность институтского инспектора в 1859 году происходит реформа старейшего Смольного института. Подробный анализ произошедших изменений отражен в воспоминаниях писательницы и мемуаристки Е. Н. Водовозовой. Вспоминая о чтении институток в дореформенный период, Водовозова отмечает, что в институте не было ни библиотеки, ни свободного доступа учащихся к текстам произведений: «...таким образом, через сто лет после основания института совершенно был забыт устав, данный ему Екатериною II, в котором так много говорилось о том, чтобы для “це-

лости здравия увеселять юношество невинными забавами”, приучать к чтению и устраивать библиотеки, которых у нас не было и в помине <...> Сами мы никогда не читали ни одного произведения знаменитого русского писателя, а преподаватель знакомил нас с ним лишь в отрывках. Таким образом, мы не имели ни малейшего понятия ни о фабуле произведения, ни об идее, которая осуществлялась в том или другом художественном образе» [14, с. 249].

Е. Н. Водовозова также описывает урок литературы, на который впервые приходит К. Д. Ушинский в должности инспектора и поражается низкому качеству преподаваемого предмета: «Старов начал вызывать воспитанниц и спрашивать заданный урок о Пушкине. Вызванная воспитанница прекрасно отвечала.

– Очень твердо заучено... — заметил Ушинский. — Но вместо “фразистых слов учебника” <...> расскажите мне содержание «Евгения Онегина»!

Старов начал объясняться за воспитанницу. В классе не существует библиотеки. Свой единственный экземпляр он, Старов, не может нам оставлять, так как об одном и том же писателе в один и тот же день читает нередко в двух-трех заведениях.

– В таком случае я совсем не понимаю преподавания литературы! Вы обращались по этому поводу с запросом к администрации заведения?

– Дело здесь испокон века так ведется... Забота о библиотеке — не мое дело...

– Девицы, кто из вас читал «Мертвые души»? Потрудитесь встать...

Никто не двинулся с места.

– Это невозможно! Вы, сударыня, читали? А вы? Но, может быть, что-нибудь другое читали из Гоголя? «Тараса Бульбу» знаете? Неужели и произведений Пушкина никто не читал? А Лермонтова, Грибоедова? Но это невозможно! Я просто этому не верю! Как, ни одна воспитанница, проходя курс русской литературы, не поинтересовалась прочесть ни одного наиболее капитального произведения!...» [14, с. 257]. По воспоминаниям Водовозовой,

только благодаря новому инспектору у институток наконец-то появился доступ к книгам, необходимым для учебного процесса.

Параллельно реформа женских образовательных учреждений происходила и в Москве. Практически в одно и то же время с Водозовой воспитанница московского Ермоловского училища отмечает, какой эффект произвело на учебное заведение вступление в должность нового инспектора Ф. И. Буслаева. «...С тех пор, как учебная часть нашего училища перешла в руки Ф. И. Буслаева, мы получили возможность удовлетворять нашу страсть к чтению уже не тайком, а совершенно открыто, и притом совсем не такими произведениями, какими нам приходилось довольствоваться в дореформенное время и какковые очень скоро утратили всякую прелесть в наших глазах. Ф<едор> И<ванович> начал развивать наши литературные вкусы с помощью произведений английских романистов — Вальтера Скотта, Диккенса и Теккерея, которыми он снабжал нас при всяком удобном случае и нередко вступал с нами в рассуждения по поводу прочитанных нами романов <...> Случалось иногда — и даже очень часто, что мы возвращали Ф<едору> И<вановичу> его книги в таком истрепанном виде, что нам самим становилось совестно за нашу крайнюю неряшливость. Когда же мы начинали извиняться и уверять Ф<едора> И<вановича>, что в другой раз мы не позволим себе такого варварского обращения с его книгами, то он добродушно успокаивал нас, утверждая, что он предпочитает даже, чтобы книги возвращались ему потрепанными, так как это служит для него несомненным доказательством того, что они нам понравились и прошли через все руки; если же они возвращаются ему чистенькими, то у него возникает предположение, что они не имели большого успеха “в среде нашей читающей публики”» [15, с. 199]. В воспоминаниях другой институтки, М. М. Воропановой, воспитанницы Киевского института благородных девиц в 1860-е гг., можно также встретить критику институтского образования, например «хаотическую программу знаний». Но при этом Воропаева отмечает, что «в конце концов [многие институтки] воодушевлялись необыкновенной любовью к книге, к чтению, и к серьезному чтению, и эта любовь

побуждала дальше идти к самоусовершенствованию. <...> Я прочитывала с жадностью Белинского, Добролюбова, Вальтера Скотта» [15, с. 310].

Несмотря на большие различия в культуре повседневности женщин-представительниц различных сословий, можно говорить об общей тенденции модернизации российского общества во второй половине XIX века. В пореформенной России менялась не только экономическая и социальная картина повседневности, росло противостояние поколений, нарастал кризис патриархальной семьи и увеличивалось количество разводов. И конечно, радикальные изменения произошли в положении женщин. Отмена крепостного права дала толчок распространению образования в деревне, многие крестьянки начали учиться грамоте в силу ухода мужчин на длительные сроки на заработки. Женщины из более высоких сословий также зачастую оставались без средств к существованию и вынуждены были искать работу. Молодые девушки, зараженные революционными идеями, жаждали получить образование и трудиться на благо радикального переустройства мира. Многие предчувствовали наступление нового времени. В воспоминаниях Софьи Ковалевской есть упоминание о том, что девушки 1860–70 гг., вдохновленные новыми идеями, убегали из дома: «...девушками овладела в то время словно эпидемия какая-то — убегать из родительского дома. В нашем непосредственном соседстве пока еще, бог миловал, все обстояло благополучно; но из других мест уже приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу — учиться, которая в Петербург — к “нигилистам”» [16, с. 57].

О значении книжной культуры в контексте социальных изменений в пореформенной России и нарастающего противостояния поколений также есть интересное воспоминание Софьи Ковалевской, которое она предваряет словами: «...Вскоре и в непосредственной близости от нашего дома стали обнаруживаться признаки времени». Ковалевская вспоминает, как сын соседского священника после окончания духовной семинарии наотрез отказался идти в священники, уехал учиться в Петербург и вернулся в лоно

семьи с атеистическими убеждениями. Именно с поповичем начала общаться сестра Софьи Анна: «На Анну разговоры с поповичем произвели сильнейшее впечатление. Она изменилась даже наружно: стала одеваться в простые черные платья, зачесывала волосы назад, занималась с крестьянскими детьми, обучая их грамоте. Ящичками выписывала книги: “Физиология жизни”, “История цивилизации” — словом, все то, чем зачитывалась в те годы передовая Россия. Наконец она осмелилась потребовать (!) у отца, чтобы он отпустил ее учиться в Петербург» [16, с. 59].

К концу XIX века увеличивается тенденция феминизации наемного труда. Этому способствовало как распространение образования, так и идеи нового времени. Шестидесятники на страницах книг и в периодической печати призывали женщин к труду и независимости, и зачастую общественное мнение становилось решающим фактором для женщины к началу поиска трудовой деятельности. «Эмансипация женщин и тесно связанный с этим вопрос об их самостоятельном заработке был прежде всего вызван экономическими условиями этой эпохи, а также и ее демократическими идеями, но сильный толчок к распространению этих идей был дан, конечно, и романом “Что делать?”. С его выходом в свет женщины несравненно энергичнее стали стремиться к самостоятельному заработку, к высшему образованию и вести борьбу за свое освобождение <...> среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерицами, переписчицами, стенографистками» [17, с. 175].

К концу XIX века в связи с развитием высшего женского образования женские занятия наукой также перестают быть чем-то эксцентричным. В последнее время появляется все больше работ, посвященных исследованию академического женского труда во второй половине XIX — начале XX века. В статье Н. Л. Пушкиревой и О. И. Секеновой «К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых»

[18] появляется первая попытка исследования быта и повседневности интеллектуалок второй половины XIX — начала XX в., в том числе практик чтения. Среди выделяемых практик упоминается о традиции ведения читательских дневников женщинами-учеными, посещение библиотек (публичных и профильных, российских и зарубежных), покупка книг.

Заключение. Можно сказать, что чтение на протяжении всего XIX века являлось неотъемлемой частью женской повседневности и присутствовало как в частной, так и в публичной сферах жизнедеятельности. В кругу семьи многие девочки начинали свое знакомство с чтением библиотеки матери в процессе домашнего обучения чтению. Чтение духовных сочинений также было естественной частью повседневных практик. С развитием женского образования девочки и девушки приобщались к книгам через учебную программу. Большое значение для распространения просвещения и пересмотра основ преподавания литературы в женских учебных заведениях имели реформы 1860-х гг. С приходом новых инспекторов и преподавателей изменились как основные принципы образования, так и подходы к преподаванию. Идеи шестидесятников, желающих «освободить» женщину от домашнего гнета и заставить ее трудиться, также привели к еще большему желанию женщин получать образование и дальнейшую профессионализацию. Помимо распространенных еще в середине XIX века гувернанток и классных дам начинают появляться женщины, входящие в академическую среду и всерьез занимающиеся научным трудом. При этом среди них встречаются и те, для кого научная работа была единственным средством заработка. Для женщин-ученых чтение становится не только досуговой, но и рабочей практикой.

Список источников

1. Пушкирева Н. Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 3–11.
2. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // *Российская*

повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с.

3. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

4. Волкова А. И. Воспоминания. Дневник. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2015. 393 с.

5. Морева О. В. Уральские читательницы во второй половине XIX — начале XX века // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 367–391.

6. Белова А. В. Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014. 480 с.

7. Башкирцева Мария. Дневник. М.: РИПОЛ классик, 2017. 596 с.

8. Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом. М., 1928. С. 107–128.

9. Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых (с 1848 по 1854 г.), собранные Н. Вишняковым : в 3 ч. Ч. 3. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1911. 176 с.

10. Белова А. В., Мицюк Н. А. Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе (от «великих реформ» до «великих потрясений») // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 20–35.

11. Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII — начало XX века. М.: Ломоносовъ, 2016. 288 с.

12. Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. Среднее женское образование в России. М., 2009. 270 с.

13. Лихачева Е. И. Материалы для истории женского образования в России : в 4 кн. СПб., 1890–1901. Кн. 2.

14. Водовозова Е. Н. Дневники смолянки : воспоминания об институтских нравах. М.: Алгоритм, 2017. 300 с.

15. Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц / составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2013. 288 с.

16. Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Наука. 1974 г. 560 с. (Литературные памятники. К 125-летию со дня рождения).

17. Водовозова Е. Н. На заре жизни. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. 511 с.

18. Пушкарева Н. Л., Секенова О. И. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. № 149. С. 130–153.

References

1. Pushkareva N. L. On empathy in anthropology and the importance of a separate description and study of male and female everyday life. *Zhenshchina v Rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2014, no 1, pp. 3–11. (In Russ.)
2. Belova A. V. Women's everyday life as a subject of the history of everyday life: historiographical and methodological aspects. *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij: Sbornik statej* [Russian everyday life in the mirror of gender relations: Collection of articles] / Ed. N. L. Pushkareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 864 p. (In Russ.)
3. Shyuc A. The structure of everyday thinking. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1988, no 2, pp. 129–137. (In Russ.)
4. Volkova A. I. *Vospominaniya. Dnevnik* [Memories. Diary]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 2015. 393 p. (In Russ.)
5. Moreva O. V. Ural female readers in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij: sb. st.* [Russian everyday life in the mirror of gender relations: a collection of articles] / otv. red. i sost. N. L. Pushkareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. pp. 367–391. (In Russ.)
6. Belova A. V. *Chetyre vozrasta zhenshchiny. Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII — serediny XIX v.* [Four ages of woman. Daily life of a Russian provincial noblewoman of the 18th — mid-19th centuries]. SPb.: Aleteiya, 2014. 480 p. (In Russ.)
7. Bashkirceva Mariya. *Dnevnik* [Diary]. Moscow: RIPOL klassik, 2017. 596 p. (In Russ.)
8. Kafengauz B. B. Merchant memoirs. *Moskovskij kraj v ego proshlom* [Moscow region in its past]. Moscow, 1928. pp. 107–128. (In Russ.)
9. Vishnyakov N.P. *Svedeniya o kupecheskom rode Vishnyakovyh (s 1848-1854 g.), sobrannye N. Vishnyakovym. V 3 ch. Ch. 3* [Information about the merchant family of the Vishnyakovs (from 1848–1854), collected by N. Vishnyakov. At 3 p.m. Ch. 3]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1911. 176 p. (In Russ.)
10. Belova A. V., Micyuk N. A. Sexual education of a Russian noblewoman in the family, educational institution and society (from "great reforms" to "great upheavals"). *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2016, no 1 (47), pp. 20–35. (In Russ.)
11. Ponomareva V., Horoshilova L. *Mir russkoj zhenshchiny: sem'ya, professiya, domashnij ukklad. XVIII — nachalo XX veka* [The world of a Russian woman: family, profession, home life. 18th — early 20th century]. Moscow: Lomonosov, 2016. 288 p. (In Russ.)
12. Dneprov E. D., Usacheva R. F. *Srednee zhenskoe obrazovanie v Rossii* [Secondary female education in Russia]. Moscow, 2009. 270 p. (In Russ.)

13. Lihacheva E. I. *Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii* [Materials for the history of women's education in Russia: In 4 vol. of vol. 2]. SPb., 1890–1901. Vol. 2. (In Russ.)

14. Vodovozova E. N. *Dnevnik smolyanki : vospominaniya ob institutskih nrvah* [Diaries of a Smolyanka: Memories of Institute Mores]. Moscow: Algoritm, 2017. 300 p. (In Russ.)

15. *Instituty blagorodnyh devic v memuarah vospitannic / Sostavlenie, podgotovka teksta i primechaniya G. G. Martynova* [Institutes of noble maidens in the memoirs of pupils / Compilation, preparation of the text and notes by G. G. Martynov]. Moscow: Lomonosov, 2013. 288 p. (In Russ.)

16. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti. Seriya: Literaturnye pamyatniki. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Memories. Tales. Series: Literary monuments. To the 125th anniversary of his birth.]. Moscow: Nauka. 1974 g. 560 p. (In Russ.)

17. Vodovozova E. N. *Na zare zhizni* [At the dawn of life]. Of vol. 1. Moscow: hudozh. Lit., 1987. 511 p. (In Russ.)

18. Pushkareva N. L., Sekenova O. I. To the history of everyday life of the first Russian women historians of the late 19th — early 20th centuries: leisure and recreation. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2021, no 149, pp. 130–153. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Саляева Елена Сергеевна

Elena S. Salyaeva

аспирант кафедры культурологии,
педагогике и искусств
Русской христианской гуманитарной
академии

post-graduate student of the
Department of Cultural Studies,
Pedagogy and Arts
of Russian Christian
Academy for the Humanities
named after F.M. Dostoevsky

191011, Россия, Санкт-Петербург,
набережная реки Фонтанки, 15

15, Fontanka Embankment,
Saint-Petersburg, 191011,
Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

07.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

15.05.2023

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-41>

Отсутствие как памятник. Статья 2

**Алла Александровна Смирнова¹, Иван Владимирович Леонов²,
Игорь Викторович Кириллов³**

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ allasmir@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6739-2489](http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489)

² ivaleon@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-0026-3807](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807)

³ os84@yandex.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-3401-1798](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798)

Аннотация. *Статья является продолжением исследования, опубликованного в первом номере журнала за 2023 г. и посвящённого изучению проблемы «отсутствия» в практиках работы с культурным наследием. Отмечается, что фактор «отсутствия» в реальности тех или иных памятников способен выступать как источник знаний об историко-культурной действительности различных объектов. В первой части статьи были рассмотрены такие формы «отсутствия» в реальности артефактов, как частичные утраты материальной составляющей; полная утрата материальной компоненты; «разлучение» элементов материальной формы памятников. Соответственно, во второй части будет уделено внимание следующим подгруппам артефактов, связанных с темой «отсутствия»: перемещённым объектам, оторванным от своего «месторазвития»; артефактам с «заполненным отсутствием»; невоплощённым памятникам, которые тем не менее обозначили своё присутствие в культуре. Материал статьи подкреплён конкретно-историческими примерами, которые иллюстрируют изучаемую проблему и выдвигаемые авторами теоретические положения.*

Ключевые слова: культурное наследие, памятник, артефакт, отсутствие, «воображаемая реальность» памятника, образ, «месторазвитие», «невоплощённые артефакты», «заполненное отсутствие»

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Отсутствие как памятник. Статья 2 // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 41–58. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-41>

Absence as a monument. Article 2

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³

^{1, 2, 3} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ allasmir@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489>

² ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807>

³ os84@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798>

Abstract. *The article is a continuation of the research published in the first issue of the journal for 2023 and devoted to the study of the problem of «absence» in the practices of working with cultural heritage. It is noted that the factor of «absence» in the reality of certain monuments can act as a source of knowledge about the historical and cultural reality of various objects. In the first part of the article, such forms of «absence» of artifacts in reality were considered as partial loss of a material component; complete loss of a material component; «separation» of elements of the material form of monuments. Accordingly, in the second part, attention will be paid to the following subgroups of artifacts related to the topic of «absence»: displaced objects, torn away from their «place of development»; artifacts with «filled absence»; non-embodied monuments, which nevertheless marked their presence in culture. The material of the article is supported by concrete historical examples that illustrate the studied problem and the theoretical propositions put forward by the authors.*

Keywords: *cultural heritage, monument, artifact, absence, «imaginary reality» of the monument, image, «locality», «non-embodied artifacts», «filled absence»*

For citation: Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Absence as a monument. Article 2. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 3:41–58 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-41>

Развивая тему восприятия «отсутствия» в реальности памятников историко-культурного наследия, напомним, что данный фактор может выступать как значимый аспект их бытия. «Отсутствие» способно аккумулировать и транслировать память об ушедших формах объектов посредством различных образов, аллюзий, «припоминаний», тем самым конструируя и поддерживая реальность памятников (включая те объекты, изначально матери-

альная составляющая которых понесла частичные утраты либо исчезла полностью). Анализ изучаемой проблематики показывает, что практики работы с «отсутствием» в сфере сохранения и трансляции культурного наследия весьма разнообразны, хотя и не всегда в должной мере отрефлексированы. Так, пустота на месте утраченного фрагмента способна сообщать о том, что она заместила; артефакт, материальная компонента которого утрачена полностью, может бытовать на уровне воображения, отталкиваясь, как бы это парадоксально ни звучало, в числе прочего и от факта своего исчезновения; «разлучённые» элементы памятников могут сохранять общее «гравитационное поле» и стремиться друг к другу, напоминая о факте разлуки. Продолжая анализ данной проблематики, рассмотрим другие формы взаимодействия реальности памятников с фактором отсутствия, которые были названы, но не раскрыты в первой части статьи.

Итак, четвёртая группа рассматриваемых памятников — *перемещённые артефакты, оторванные от своего «месторазвития»*, — весьма богата примерами. Многие артефакты создаются с учётом их привязки к определённой местности, локации и с прицелом на то, что в этой локации памятник будет устойчиво бытовать. Как следствие, отрыв артефакта от своего «месторазвития» может породить ситуацию «страдания» опустевшего пространства и ситуацию «страдания» артефакта, который был перемещён. Представляется справедливым замечание Д. Лоуэнтала: «Возможно, наиболее печальные последствия рассеяния предметов старины — это утрата контекста. Перемещение реликвий, чьи черты неразрывно связаны с местоположением, уничтожает их историческую ценность, обрывает мириады связей с данным местом. Вся ценность некоторых предметов старины связана с их местоположением; межевая веха, если она действительно размечает земельные владения, должна оставаться строго на своем месте» [1, с. 439]. При этом учёный указывает на то, что «перемещение старины, помимо всего прочего, имеет жизненно важные последствия для национальной и культурной идентичности. Если речь идет о нацио-

нальных символах, то их перемещение ведёт тем самым к десакрализации» [1, с. 440].

Укажем, в частности, на интересное и малоизученное наукой явление — перевоз в 1910–1930-х гг. из Западной Европы в США ряда средневековых монастырей, замков, дворянских усадеб, жилых домов, часовен, амбаров и т. п. объектов. Особенно большой размах указанная деятельность приобрела в период между окончанием Первой мировой войны и началом Великой депрессии, когда американцы смогли за дешёво приобрести некоторые памятники, представляющие большую культурную ценность. Речь идёт о грандиозном по масштабу явлении — архитектурные ансамбли весом в сотни тысяч тонн нередко разбирали до основания и перевозили за океан полностью. Приведём несколько примеров.

Одна из наиболее известных историй такого рода — перемещение монастыря св. Бернара де Клерво (XII в.) из испанской Сеговии в Майами [2, с. 484–485]. Указанный перенос был осуществлён вопреки действовавшему испанскому законодательству об охране памятников истории. Часть оригинальных камней при сборке монастыря на новом месте использована не была, и одновременно с этим к оригинальному комплексу были добавлены чужеродные декоративные детали — также в прошлом относившиеся к старинным испанским зданиям, но к иным. В настоящее время рассматриваемый объект выполняет функции действующего храма Епископальной церкви и одновременно с этим является популярной у туристов достопримечательностью.

Также стоит упомянуть про перемещение готической часовни, построенной не позднее начала XV в., из французского Шасс-сюр-Рона в Милуоки. Ныне эта часовня (известная как часовня Жанны д'Арк) принадлежит католической церкви и считается самым древним зданием штата Висконсин [3, с. 134–135]. В «ткань» памятника за океаном были внесены существенные нововведения, которые вряд ли возможно считать органичными для него, — был устроен, в частности, подогрев полов.

Одна из самых драматичных историй перевоза памятников в Новый Свет связана с монастырём XII в. Санта-Мария-де-Свила в

Гвадалахаре (Испания) [4]. В 1931 г. монастырский комплекс был выкуплен газетным магнатом У. Хёрстом, после чего большую часть построек демонтировали и вывезли в Калифорнию. Изначально Хёрст предполагал использовать древние камни для постройки роскошного особняка, однако планы эти воплощены не были, и ящики с камнями несколько десятилетий простояли в Сан-Франциско невостребованными; они неоднократно страдали от пожаров. В 1990-х гг. монастырские камни активно применяли для декоративного украшения парка «Золотые ворота»; отдельные фрагменты монастырского убранства оказались в Университете Сан-Франциско. В 2000-х гг. каменные блоки Санта-Мария-де-Свилы были использованы для возведения католического аббатства Нью-Клерво в Северной Калифорнии. При этом в Гвадалахаре, в первоначальной локации, сохранилось несколько вспомогательных монастырских построек и фундаменты.

Перевозили в США, разумеется, не только сооружения, относящиеся к объектам религиозного культа. Так, в Ричмонд (штат Вирджиния) была перенесена британская усадьба XV в.¹ Список примеров можно продолжать довольно долго. Рассматриваемые действия американских нуворишей, которые стремились присвоить европейское культурное наследие, придать себе за счёт обладания древними артефактами пушью авторитетность и символически усилить свой статус, были весьма болезненно восприняты общественностью западноевропейских стран и спровоцировали в нескольких государствах ужесточение законодательства об экспорте объектов историко-культурного наследия. Примечательно, что восприятие данных артефактов в современных условиях непременно учитывает факт их перемещения из Западной Европы в США, поскольку указанные недвижимые объекты были перенесены, несмотря на огромные технические трудности. То, что до начала социокультурной (в т. ч. и технологической) модернизации было невозможным, стало воплощаться в подобных современных проектах, поражая воображение даже наших современников.

---

¹ Agecroft Hall & Gardens. URL: <https://www.agecrofthall.org> (дата обращения: 26.11.2022).

Одним из показательных примеров концентрации памятников, отделённых от их «месторазвитий», является московский парк искусств «Музеон». Он содержит множество артефактов советского периода, демонтированных в 1990-х гг., но сохранных, включая такие известные монументы, как памятник Ф. Э. Дзержинскому работы скульптура Е. В. Вучетича (ранее установленный на Лубянской пл.), памятник И. В. Сталину работы С. Д. Меркурова и др. Аналогичные парки искусств, в которых собраны демонтированные монументы предыдущей эпохи, есть и в некоторых других городах Восточной Европы — назовём, к примеру, будапештский парк «Мементо». В этом музее под открытым небом собраны 42 памятника, которые были вывезены с городских улиц после 1989 г.

В контексте рассматриваемой проблематики нельзя обойти вниманием вопрос перемещения культурного наследия многих древних цивилизаций (прежде всего наследия Египта и античной Греции, интерес к которым со стороны западноевропейцев в последние столетия значительно возрос). В XVIII — первой трети XX в. множество артефактов были вывезены из указанных локаций, причём зачастую их перемещали откровенно грабительски либо в результате заключения неравноправных договоров. По замечанию Э. Хобсбаума, «ни один крупный музей третьего мира, даже сколь угодно богатый, не может соревноваться с превосходящей концентрацией “высокого искусства” в Европе и США, в то время как западные коллекции, благодаря завоеваниям, грабежам и обману, оказались не лишены сокровищ других великих культур» [5, с. 183]. Необходимо отметить, что данная тема является весьма сложной, поскольку вывоз значимых объектов, наряду с тем, что он причинил наследникам древних цивилизаций огромный материальный и культурный ущерб, в то же время во многих случаях объективно способствовал сохранению, введению в научный оборот и популяризации этих памятников. Мировая практика перемещения культурных ценностей не должна восприниматься исключительно как череда несправедливых и трагичных изъятий, поскольку она содержит ситуации вполне обоснованных переме-

щений. Тем не менее в пространстве многих культур остались зияющие пустоты: «Разделение лордом Элгином Парфенона на части, возможно, и помогло спасти отдельные мраморные детали от последующих невзгод, но обеднило храм в целом и лишило греческую нацию высшего символа её идентичности» [1, с. 440]. Отметим, что образовавшиеся в «культурах-донорах» *отсутствия*, провалы, прорехи дают о себе знать, постоянно напоминая о вывезенном. Представители этих культур в последние десятилетия активно ставят вопрос о реституции несправедливо вывезенных древностей. В отдельных случаях реституция культурных ценностей уже состоялась: так, в 2005 г. из Италии вернулся на родину, в Эфиопию, знаменитый Аксумский обелиск¹.

В то же время следует отметить, что международное взаимодействие в области культурного наследия всё же сопровождается перемещением объектов из одной страны в другую, что может происходить и вполне легально — вследствие легитимных договоров, обменов и дарений. В качестве примеров можно назвать находящиеся в Англии иглу Клеопатры и обелиск с острова Филы, установленный в Париже Луксорский обелиск и петербургских сфинксов. И в этом случае лакуны, которые образуются во многих культурах, дают о себе знать не так болезненно; представляется, что «гравитация пустоты» в таких ситуациях носит менее выраженный характер.

Значимый пример места, «тоскующего» по перемещённым артефактам, — Государственный Эрмитаж периода Великой Отечественной войны. Многим нашим соотечественникам знакомы фотографии опустевших эрмитажных залов, из которых были изъяты эвакуированные экспонаты. Осиротевшие рамы, которые лишились своих полотен, опустевшие постаменты производят сильное эмоциональное воздействие. «Пустые рамы! Это было мудрое распоряжение Орбели: все рамы оставить на месте <...> в войну они так и висели, пустые глазницы-рамы...» [6, с. 53]. В блокадном Эрмитаже имела место уникальная практика — экскурсии по опу-

---

¹ Obelisk arrives back in Ethiopia // BBC. News. 19.04.2005. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4458105.stm> (дата обращения: 26.11.2022).

стевшим залам, проведённые музейным научным сотрудником П. Ф. Губчевским. «Пустые рамы, оказывается, впечатляют. <...> Можно представить себе, как это было — замороженные за зиму стены Эрмитажа, которые покрылись инеем сверху донизу, шаги, гулко разносившиеся по пустым залам... Прямоугольники рам — золотых, дубовых, то маленьких, то огромных, то гладких, то с вычурной резьбой, украшенных орнаментом; рамы, которых раньше не замечали и которые теперь стали самостоятельными: одни — претендуя заполнить собой пустоту, другие — подчеркивая пустоту, которую они обнимали. Эти рамы — от Пуссена, Рембрандта, Кранаха, от голландцев, французов, итальянцев — были для Губчевского обозначением существующих картин. Он неотделимо видел внутри рам полотна во всех подробностях, оттенках света, красок — фигуры, лица, складки одежды, отдельные мазки. <...> Считается, что словом нельзя передать живопись. Это так, однако в той блокадной жизни слово воссоздавало картины, возвращало их, заставляло играть всеми красками, причем с такой яркостью, с такой изобразительной силою, что они навсегда врезались в память. Никогда после экскурсоводу Павлу Филипповичу Губчевскому не удавалось проводить экскурсии, где люди столько бы увидели и почувствовали...» [6, с. 53–54]. Таким образом, в отечественной музейной практике возник выдающийся пример работы с пустотой, которая взывала к образам прошлого, к отсутствующим объектам. Данный сюжет получил значительный резонанс в российской (и не только) культуре; «пустая рама, по которой читается изображение, — одна из основных фигур блокадной визуальности» [7, с. 22].

Следует упомянуть, что во время Великой Отечественной войны перемещены были не только сокровища многих музеев, но и другие памятники историко-культурного наследия. Образ опустевших во время войны пьедесталов — одна из ярких блокадных картин. Примечательны воспоминания драматурга Е. Л. Шварца, касающиеся памятника Петру I, расположенного у Инженерного замка: «Я каждый раз в страшные дни 1941 года, глядя на пустой постамент, говорил себе, что Пётр на фронте» [8, с. 17].

Кроме того, «разрывы» артефакта с его «месторазвитием» могут быть обусловлены политико-идеологическими обстоятельствами. Весьма ощутимо указанный фактор проявляется в рамках современных «войн памяти», связанных с пересмотром оценок тех или иных историко-культурных событий. В странах Восточной Европы в последние десятилетия было снесено множество памятников советским воинам-освободителям и полководцам. Примерами применения таких технологий деконструкции памяти являются, в частности, демонтаж памятника генералу И. Д. Черняховскому в Вильнюсе (впоследствии памятник перенесён в Воронеж), демонтаж памятника маршалу И. С. Коневу в Праге (обрёл новое «месторазвитие» в Кирове) и перенос таллинского Бронзового солдата в иную локацию в том же городе.

Представляется, что во многих случаях указанные акты демонтажа угрожают национальной безопасности и вопросам сохранения национальной идентичности, ценностно-смысловым векторам современной российской культуры. «Одним из средств противостояния указанным вмешательствам, негативно интерпретирующим значительные периоды отечественной истории и деформирующим историческую память, а потому представляющим, согласно разделу II Основ государственной культурной политики Российской Федерации, один из опасных факторов для будущего России, является культивация и закрепление представлений о военном прошлом, соответствующим национальным российским интересам (включая и поддержание определенного набора мест памяти как в России, так и за рубежом — и его дальнейшее расширение)» [9, с. 190–191].

Продолжая линию примеров, связанных с «отрывом» памятников от «месторазвитий», напомним, что не все они носят выраженный трагический характер. Можно назвать ряд случаев, когда в сознании представителей конкретной культуры покинутое «месторазвитие» переставало тосковать по перемещённому артефакту. Можно также привести примеры, когда артефакт вполне успешно «приживался», «закреплялся» в новой системе пространственных координат, «сближаясь» с новым местом, становясь его

органической частью. Например, с течением времени, когда меняются поколения и меняются представления о том, какое состояние ландшафта является «правильным», «эталонным», перенос может перестать восприниматься болезненно.

Порой отрыв от «месторазвития» является способом сохранения исторического наследия. Рассредоточенные реликвии, заслуживающие восстановления и общественного внимания, нередко komponуются вместе, отделяясь при этом от своих изначальных «месторазвитий» и образуя новые ансамбли. Выразительный пример применения подобной практики — создание музеев деревянного зодчества. Укажем на всемирно известный музей Кижы, в котором ныне находится множество перевезённых из различных русских, карельских и вепсских деревень артефактов — церквей, жилых домов, хозяйственных построек, предметов быта и т. п. (Упомянем, в частности, такие известные артефакты, как церковь Преображения Господня, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, церковь Воскрешения Лазаря, часовню Михаила Архангела, часовню Успения Божьей Матери, дом Ошевнева, ветряную мельницу Биканина.) Аналогичные музеи есть в Великом Новгороде, Костроме, Суздале и некоторых других городах. Достойны упоминания также американские «исторические деревни», которые типологически схожи с отечественными музеями деревянного зодчества.

Кроме того, отделение артефактов от «месторазвитий» может быть вызвано народно-хозяйственными соображениями. Упомянем о массовом переносе древних памятников, имевшем место в Египте в ходе строительства Асуанской ГЭС в 1960-х гг.; эти события вызвали широкий интерес во всём мире и неоднозначные оценки. Древние храмы Абу-Симбела (изначально вырубленные в скале) считаются одной из главных достопримечательностей Египта; эта характеристика справедлива и для храма в честь богини Хатхор, исторически находившегося на острове Филе. Перенос указанных памятников считается одной из крупнейших инженерно-археологических операций в мире. С точки зрения сторонников форсированной модернизации в Египте, строительство гидроэлектростанции и сопряжённый с ним перенос артефактов были

совершенно необходимы и приемлемы. Но для части консервативных египтян перенос, возможно, был нежелательным и даже трагичным.

Отметим также, что некоторые переносы бывают обусловлены градостроительными нуждами. Назовём переносы памятников Минину и Пожарскому, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, произошедшие в Москве в 1930-х гг., которые были восприняты частью москвичей с неодобрением. Однако спустя время памятники «приросли» к новым местам дислокации, «укоренились» в них. В указанный период в рамках масштабной реконструкции Москвы перемещали с места на место также некоторые жилые дома и мосты через Москву-реку. Подобного рода ситуации бывали и в Санкт-Петербурге: дважды переезжал Румянцевский обелиск, перемещали памятники А. В. Суворову, Н. А. Некрасову и т. д.

Выделения в особую подгруппу достойны памятники, которые были перенесены вследствие природных или технологических катастроф. В контексте данного вопроса заслуживает внимания история бюста дважды Героя Советского Союза генерала Д. А. Драгунского, установленного изначально на его малой родине, в селе Святск Брянской области. После аварии на Чернобыльской АЭС все жители Святска были переселены, а бюст был переустановлен в г. Новозыбкове и обрёл там новое «месторазвитие».

Наконец, укажем, что памятники способны «путешествовать», менять свои «месторазвития» неоднократно. В результате памятник оказывается связанным с несколькими локациями, которые хранят память об артефакте, помнят его и в той или иной степени «тоскуют» о нём. Так, памятник Александру III, созданный П. П. Трубецким, после 1917 г. не покидал пределов Санкт-Петербурга, однако был перемещён со своего законного места на Знаменской площади (ныне пл. Восстания) в запасники Русского музея, а позднее установлен у Мраморного дворца. Очевидно, что вследствие этих перемещений памятник был вырван из первоначального историко-культурного контекста. По мнению многих петербуржцев, он до сих пор сохраняет «бездомный» статус и нахо-

дится в неорганичном для него окружении. Другой пример — такой значимый памятник, как Царь-пушка, который в более раннее время также неоднократно перемещали.

Рассмотренные примеры показывают, насколько может быть важен факт отрыва от «месторазвития», переноса в другую локацию для «провенанса» памятника. Насколько бы самоценным ни был тот или иной артефакт, факт переезда, «смены прописки» непременно становится частью его биографии, независимо от того, были ли обстоятельства переезда трагичными или вполне приемлемыми. Памятник может помнить своё «месторазвитие», может «страдать» на чужбине, может укореняться на новом месте. В свою очередь, локация, из которой он был извлечён, также может хранить память о присутствии артефакта, его устойчивый «отпечаток», его «эхо». Показательно, что при работе с подобными артефактами в сфере сохранения и трансляции культурного наследия практически всегда упоминают о факте их переезда (это замечание справедливо и для описания работы с локациями, где ранее находились те или иные памятники).

Пятая группа изучаемых объектов — *артефакты с «заполненным отсутствием»* — носит весьма специфический характер. Её составляют памятники, материальная компонента которых была частично утрачена, но впоследствии образовавшийся пробел был заполнен материалом чужеродного происхождения. При этом различные составляющие данных памятников (изначально эклектичных) в некоторых случаях вступали в симбиотическое взаимодействие, вследствие чего формировался гармоничный синтез элементов в рамках обновлённых артефактов.

Практика заполнения лакун в работе с культурным наследием достаточно ярко проявилась в отношении античной скульптуры. «Представляет интерес “носотека” из Новой глиптотеки Карлсберга (Копенгаген), сформированная в XIX веке на основе удаленных с античных статуй носов и ушей, которые были прикреплены к ним ранее на основании распространенной практики возвращения перводанного облика скульптуре в угоду её эстетическим качествам. Тем не менее на фоне изменения исторического контекста и

вкусовых предпочтений времени и в интересах подлинности данные дополнения были сняты, а искаленные временем памятники обрели эстетическую целостность, при этом являясь артефактами с явными утратами» [10, с. 179].

Ещё один пример — экспонируемая в Меншиковском дворце античная «Цыганка». «Данная скульптура являет собой «составной» памятник: античный женский торс без рук до половины бедёр, материал порфир. Более поздние реставрационные дополнения — из черного мрамора: женская голова, ноги. Античный фрагмент использован итальянским мастером XVII в. для создания целостного художественного произведения» [11, с. 147]. Указанный пример не единичен; в музейных собраниях (в частности, в собрании Государственного Эрмитажа) есть немало «античных скульптур, подвергшихся реставрации и составленных из разрозненных фрагментов различных эпох, это так называемые статуи-пастиччо» [11, с. 148].

Среди множества примеров, относящихся к пятой группе, обращает на себя внимание феномен «срастания» монументов с чужими пьедесталами. На многих постаментах в различных российских городах на протяжении последнего столетия менялись памятники, причём порой не по одному разу. И в некоторых случаях формировалось представление о гармоничном сочетании памятника и пьедестала. К таким случаям можно отнести постамент в Ульяновске (Симбирске), на котором памятник П. А. Столыпину сменил бюст И. А. Гончарова. Другой пример — постамент в Петергофе, на котором изначально находился памятник императору Николаю I, уничтоженный в советское время; ныне на этом пьедестале установлен памятник цесаревичу Алексею Николаевичу. (В то же время многие монументы — в силу разных обстоятельств — не приживались на чужих пьедесталах. Есть немало случаев возврата памятников к первоначальной целостности пьедестала и скульптуры. Например, в Екатеринбурге на одном и том же постаменте побывали Пётр I, М. Горький и вновь Пётр I, воссозданный в первоначальном виде. Аналогичный случай имел место в Херсоне: на постаменте последовательно находились кн. Г. А. Потёмкин-

Таврический, В. И. Ленин, И. В. Сталин, а потом — после периода, когда пьедестал стоял опустевшим, — на него возвратился князь Потёмкин. На момент окончания работы над статьёй (январь 2023 г.) памятник эвакуирован из Херсона.)

Перед тем как резюмировать рассмотренную тему, укажем на достаточно интересный феномен, который формирует последнюю группу — *невоплощённые артефакты, чьё материальное присутствие не состоялось, но которые тем не менее бытовали в культуре на уровне воображаемого присутствия*. Яркий пример подобного рода памятников — московский Дворец Советов, грандиозный невоплощённый проект 1930-х — начала 1940-х гг.; по определению Л. В. Никифоровой, «метапроизведение советской культуры» [12, с. 550]. Задуманный дворец обрёл исключительный статус в советской культуре данного периода: «Нет более популярного в нашей стране сооружения, чем Дворец Советов. Он символизирует в глазах народа все достижения социализма» [13, с. 14]. Дворец Советов призван был встать в один ряд с «чудесами света» [13, с. 12] и простоять тысячелетия. Эффект незримого присутствия памятника, осознания неизбежности его воплощения был настолько велик, что реальность указанного объекта начинала воплощаться во множестве образов, в разного рода «текстах». «Проект все дорабатывается, тогда как образ Дворца Советов уже существует в культуре как самоочевидность. Станцию метрополитена называют, разумеется, «Дворец Советов». Еще в 1934 г. Лев Славин пишет сценарий фильма, где герой показывает гостю из провинции, как встанет Дворец Советов над рекой. <...> В нескольких кинофильмах это здание уже как бы существует» [14]; назовём, к примеру, к/ф «Космический рейс» (1935, реж. В. Н. Журавлёв) и к/ф «Новая Москва» (1938, реж. А. И. Медведкин). «ДС существует задолго до того, как в 1939 г. был завершён технический проект и начали рыть котлован» [14]. И даже в послевоенные годы «интерес к строительству ДС не был полностью погашен. Напротив, когда возник проект выстроить вокруг Кремля череду высотных зданий, весьма аргументированно доказывалось, что они выстраиваются вокруг ДС. Пустота на месте главного соору-

жения играла роль фокусирующего узла. Только в хрущевское время затея была отброшена. <...> И всё же, в течение четверти века оказывая огромное воздействие на архитектуру страны, ДС был в некотором смысле построен» [14]. Рассмотренный пример показывает, насколько сильным может быть эффект воображаемого присутствия нематериализованных памятников, которые «опредмечиваются» в «играх разума». Данное обстоятельство лишний раз подчёркивает значимость «ауры» артефактов, которые могут быть как несостоявшимися, так и утраченными, но продолжать при этом бытовать в культуре.

Подводя итог двухчастной статьи, заметим, что тема *отсутствия как парадоксального маркера реальности памятников историко-культурного наследия* весьма интересна и перспективна для дальнейшего изучения. Будучи довольно распространённой в сфере работы с культурным наследием, тема *отсутствия как формы напоминания о тех или иных объектах* (частично сохранённых; исчезнувших; разделённых; перемещённых; артефактов с «заполненным отсутствием»; «неопредмеченных» памятников) недостаточно разработана методологически и не вполне раскрыта на практическом уровне. Трудности в изучении данной тематики во многом связаны с её ярко выраженной субъективной природой, с тем, что «переживание» ушедших, изменённых или не проявившихся форм реальности памятников происходит в сознании человека, что способствует усложнению бытия артефактов, соприсутствию в сознании множества их пространственно-временных воплощений, которые могут весьма значительно отличаться от конкретно-исторических материальных состояний данных объектов. Пустота может о многом сообщить, она может наполняться присутствием чего-либо, может «втягивать» в себя информацию и сообщать о том, что она вытеснила, заместила, поскольку природа памятника, бытующего в сознании человека, пустоты не терпит.

Список источников

1. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль; Русский остров, 2004. 623 с.
2. Bond E. An Episcopal Church in a Medieval Spanish Monastery // *Anglican and Episcopal History*. 1987. Vol. 56, № 4. Pp. 484–487.
3. Hollis C. Medieval Milwaukee: Unlikely Graffiti at the St. Joan of Arc Chapel // *Peregrinations: Journal of Medieval Art & Architecture*. 2017. Vol. VI, № 1. Pp. 132–146.
4. Olaya V. El viaje del monasterio medieval español que William Randolph Hearst se llevó a EE UU // *El País*. 19.06.2021. URL: <https://elpais.com/cultura/2021-06-19/el-viaje-del-monasterio-medieval-espanol-que-william-randolph-hearst-se-llevo-a-ee-uu-hace-90-anos.html> (дата обращения: 26.11.2022).
5. Хобсбаум Э. Разорванное время. Культура и общество в двадцатом веке / пер. с англ. Н. Охотина. М.: АСТ, CORPUS, 2017. 384 с.
6. Адамович А., Гранин Д. А. Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1983. 432 с.
7. Арлаускайте Н. Блокадные анаморфозы // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2019. № 6 (128). С. 21–31.
8. Шварц Е. Л. Живу беспокожно...: Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990. 752 с.
9. Леонов И. В., Грусман Я. В., Кириллов И. В. Памятник с военным «шрамом»: практики сохранения и экспонирования (с опорой на материалы Центрального военно-морского музея) // *Ярославский педагогический вестник*. 2021. № 4 (121). С. 185–193.
10. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 6 (111). С. 176–183.
11. Филиппова-Стоян Л. Е., Игнатьева Е. И. Экспонирование памятников со сложной историко-культурной структурой (на примере экспозиции «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа) // *Человек. Культура. Образование*. 2021. № 2 (40). С. 141–156.
12. Никифорова Л. В. Чертоги власти: Дворец в пространстве культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2011. 703 с.
13. Атаров Н. С. Дворец Советов. М.: Московский рабочий, 1940. 164 с.
14. Глазычев В. Л. Россия в петле модернизации: 1850–1950 // Сайт памяти В. Л. Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/books/petlya/petlya_10_1931_graal.htm (дата обращения: 26.11.2022).

References

1. Louental' D. *Proshloe — chuzhaya strana / Per. s angl. A.V. Govorunova* [The past is a foreign land]. St. Petersburg: Vladimir Dal'; Russkij ostrov, 2004. 623 p. (In Russ.)
2. Bond E. An Episcopal Church in a Medieval Spanish Monastery. *Anglican and Episcopal History*, 1987, vol. 56, no 4, pp. 484–487.
3. Hollis S. Medieval Milwaukee: Unlikely Graffiti at the St. Joan of Arc Chapel. *Peregrinations: Journal of Medieval Art & Architecture*, 2017, vol. VI, no 1, pp. 132–146.
4. Olaya V. El viaje del monasterio medieval español que William Randolph Hearst se llevó a EE UU. *El Pais*. 19.06.2021. (In Span.). Available at: <https://elpais.com/cultura/2021-06-19/el-viaje-del-monasterio-medieval-espanol-que-william-randolph-hearst-se-llevo-a-ee-uu-hace-90-anos.html> (accessed: 26.11.2022).
5. Hobsbaum E. *Razorvannoe vremya. Kul'tura i obshchestvo v dvadcatom veke / Per. s angl. N. Ohotina* [Broken time. Culture and society in the twentieth century]. Moscow: AST, CORPUS, 2017. 384 p. (In Russ.)
6. Adamovich A., Granin D.A. *Blokadnaya kniga* [Blockade book]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1983. 432 p. (In Russ.)
7. Arlauskajte N. Blockade anamorphoses. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency reserve. Debate about politics and culture], 2019, no 6 (128), pp. 21–31. (In Russ.)
8. Shvarc E. L. *Zhivu bespokojno...: Iz dnevnikov* [The willow is restless...: From the diaries]. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1990. 752 p. (In Russ.)
9. Leonov I.V., Grusman Ya. V., Kirillov I. V. P Monument with a military "scar": practices of conservation and exposure (based on the materials of the Central Naval Museum). *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2021, no 4 (121), pp. 185–193. (In Russ.)
10. Leonov I. V., Kirillov I. V. "Suffering" artifact: main forms of incarnations and features of perception. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2019, no 6 (111), pp. 176–183. (In Russ.)
11. Filippova-Stoyan L. E., Ignat'eva E. I. Exposition of monuments with a complex historical and cultural structure (on the example of the exposition "A. D. Menshikov's Palace" of the State Hermitage). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2021, no 2 (40), pp. 141–156. (In Russ.)
12. Nikiforova L. V. *Chertogi vlasti: Dvorec v prostranstve kul'tury* [Halls of power: Palace in the space of culture]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2011. 703 p. (In Russ.)
13. Atarov N. S. *Dvorec Sovetov* [Palace of Soviets]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1940. 164 p. (In Russ.)

14. Glazychev V. L. Russia in the loop of modernization: 1850–1950. Russia in the loop of modernization: 1850–1950. *Sayt pamyati V. L. Glazycheva* [Site in memory of V. L. Glazychev]. (In Russ.). Available at: http://www.glazychev.ru/books/petlya/petlya_10_1931_graal.htm (accessed: 26.11.2022).

Сведения об авторе / Information about the author

Смирнова Алла Александровна

Alla A. Smirnova

доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-President in Charge of Academic and Educational Work, Head of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Леонов Иван Владимирович

Ivan V. Leonov

доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Doctor of Culture-Studies, Associate Professor, Professor of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Master student of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

15.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.03.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

17.04.2023

УДК 930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-59>

Иностранцы о пародийных театрализованных обрядах в Московии

Валентин Дмитриевич Черный

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-0363-1313>, tchernie@rambler.ru

Аннотация. *Рассматриваются заведомо пародийные театрализованные обряды, преследующие цель опорочить, унижить, осмеять личность конкретного персонажа и уподобить его скomoroxу. Иностранные путешественники в своих сочинениях выделяли два таких эпизода — глумление Ивана Грозного над новгородским епископом Пименом во время налета на Новгород в 1570 г. и инспирированное будущим царем Василием Шуйским изуверское поругание тела Лжедмитрия в 1606 г., выставленного на посмешище на Лобном месте торговой площади в Москве. Во время этих экзекуций использовались элементы из сложившегося к XVI столетию обряда «Шествия на осяти» и традиционных похоронных церемоний с дифференцированным подходом к «правильным» и «неправильным» покойникам. Иноземцы, увидев непосредственно или узнав из вторых рук о такого рода публичных зрелищах, с удивлением, подчас детально описывали происходившее в незнакомой им стране и выражали свое критическое отношение к потрясшим их явлениям. Как правило, они не догадывались об основе пародийных церемоний, имевших под собой не только потехи скomoroxов, но и устойчивые традиции местных обрядов, которые, по мнению бушующей толпы, имели позитивную окраску, связанную с порицанием чего-то несправедливого и несправедливого. Одновременно на восприятие иностранцами конкретных эпизодов русских пародийных зрелищ накладывались ассоциации с библейскими событиями, собственная ментальность и культурные представления. В плане содержания свидетельства иностранцев позволяют воссоздать в общих чертах пародийные театрали-*

зованные обряды с их семантическим подтекстом и театрализованным воплощением.

Ключевые слова: иностранцы, Московия, обряды, зрелища, скomorохи, пародии, театрализация.

Для цитирования: Черный В. Д. Иностранцы о пародийных театрализованных обрядах в Московии // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 59-78. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-59>

Foreigners about Parody Theatrical Rituals in Muscovy

Valentin D. Chernyy

Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/ORCID:0000-0002-0363-1313>, tchernie@rambler.ru

Abstract. *The article deals with deliberately parodic theatrical rituals aimed at defaming, humiliating, ridiculing the personality of a particular character and likening him to a buffoon. Foreign travelers in their writings singled out two such episodes — the mockery of Ivan the Terrible over the Novgorod bishop Pimen during the raid on Novgorod in 1570 and inspired by the future tsar Vasily Shuisky, the fanatical desecration of the body of False Dmitry in 1606, exposed to ridicule on the Frontal place of the shopping area in Moscow. During these executions, elements from the "Donkey Procession" rite that had developed by the XVI century and traditional funeral ceremonies with a differentiated approach to the "right" and "wrong" dead were used. Foreigners, having seen directly or learned second-hand about such public spectacles, were surprised, sometimes in detail, described what was happening in an unfamiliar country and expressed their critical attitude to the phenomena that shocked them. As a rule, they did not guess about the basis of the parody ceremonies, which had not only the fun of buffoons, but also the stable traditions of local rituals, which, according to the raging crowd, had a positive connotation associated with the censure of something unjust and unfair. At the same time, the perception of foreigners of specific episodes of Russian parody spectacles was superimposed on associations with biblical events, their own mentality and cultural representations. From the point of view of the content, the testimonies of foreigners allow us to recreate in general terms parody theatrical rituals with their semantic subtext and theatrical embodiment.*

Keywords: foreigners, Muscovy, rituals, spectacles, buffoons, parodies, theatricalization

For citation: Chernyy V. D. Foreigners about Parody Theatrical Rituals in Muscovy. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 3:59–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-59>

Введение. После восстановления в конце XV в. единого государства, прозванного в Европе Московией, в его города, прежде всего в Москву и Новгород, хлынул поток иностранцев, стремившихся наладить выгодные для них контакты [1, с. 254–255]. Для путешественников, выполнявших дипломатические, торговые, миссионерские и иные поручения, устраивались торжественные приемы, им были доступны многочисленные уличные зрелища, посвященные великокняжеским, позже царским, выездам. Гостей приглашали на массовые религиозные торжества, а иногда и на дворцовые пиры. Свидетелями некоторых зрелищ иностранцы становились случайно. Это в первую очередь относилось к острому политическому конфликту Москвы и Новгорода в 1569–1570 гг. и расправе в 1606 г. с Лжедмитрием I. Тогда в ходе так называемых торговых казней, помимо телесных наказаний, использовались и другие способы публичного поругания виновных. Таким «казням» была придана видимость законности, поскольку это понятие было включено в Судебники конца XV–XVI вв. [2, с. 135–138]. Именно так можно истолковать расправу царя Ивана Грозного над новгородцами, включая местного архиепископа Пимена, заподозренного в измене, а также уже в Смуту поругание тела Лжедмитрия I, убитого во время московского бунта.

Эти эпизоды, детально рассмотренные в исторической литературе, практически не истолковывались с точки зрения обрядовой пародийной театрализации. Исключением можно считать замечание Г. М. Коваленко по поводу издевательств царя над новгородским епископом, посаженным на коня задом наперед и тем самым уподобленным скомороху. Само же это действие было расценено как «театрализованное представление», пародировавшее христианский ритуал «Шествие на осляти» [3, с. 21–22]. Специальных же исследований о пародийных театрализованных обрядах русского Средневековья еще не было.

Цель данной статьи — рассмотреть описание пародийных обрядов, увиденных иностранцами в России, и определить связи этих публичных зрелищ с традиционными церемониями, выявить способы театрализации и семантику таких «представлений».

Методы исследования, теоретическая база. Основным объектом исследования являются сочинения иностранцев о России XVI–XVII вв., называемой ими Московией. Как представители иной культуры, зарубежные авторы чаще всего видели только внешнее проявление пародийных обрядов, не связывая их с особыми традициями местного народного «карнавала», проводниками которых были скоморохи [4, с. 164]. Не чужды были театрализации своих игровых перевоплощений, но уже со своих позиций, и представители власти, активно боровшиеся со скоморохами [5, с. 25–35]. Таким образом, взгляды иноземцев, скоморохов и властей представляли три ментальности со своим пониманием сути такого рода зрелищ, анализ которых требовал дифференцированного подхода к их особенностям. По этой причине метод изучения пародированных театрализованных обрядов можно определить как комплексный, включающий элементы типологического, структурно-функционального, семиотического и культурологического осмысления этого феномена. М. М. Бахтин в своем основополагающем труде о народной смеховой культуре выделяет три ее основных вида, первым из которых назвал «обрядово-зрелищные формы» [6, с. 9]. Одновременно основоположник направления изучения смеховой средневековой культуры признавал, что «организованные на смеховом начале и освященные традицией обрядово-зрелищные формы были распространены во всех странах средневековой Европы» [6, с. 9]. Однако на русской почве эта форма обрела свою специфику.

О пародийной театрализации сцены с архиепископом новгородским Пименом, «поставленной» Иваном Грозным, можно судить по целому ряду описаний иностранных авторов, прежде всего немцев, находившихся в то время на русской службе. Все они могли быть свидетелями этого события. Элерт Крузе и Иоганн Таубе уже в заголовке своего сочинения отметили, что «сами видели,

слышали и испытали», о чем повествуют [7, с. 8]. Участником новгородского похода с высокой степенью вероятности был опричник Генрих фон Штаден, впрочем, не сообщивший подробностей об издевательствах над архиепископом [8, т. 1, с. 115]. Наиболее словоохотливым оказался Альберт Шлихтинг, служивший переводчиком личного врача царя и, несомненно, сопровождавший в этом походе Ивана IV. Именно ему принадлежит самый подробный рассказ о театрализованном унижении Пимена, заподозренного в «заговоре и измене» [9, с. 31]. По свидетельству Шлихтинга, Иван Грозный уподобил архиепископа скомороху на шутовской свадьбе, он велел «стащить с его головы тиару, которую тот носил, ...все епископское облачение», усадив его на лошадь («жену»), к которой привязали его ноги, снабдил лирой «со струнами» и отправил в Московию, таким образом нанес ему «бесчестие и позор». Сорванную с владыки Пимена шапку финский епископ Павел Юстин, думается, не без оснований называет «белым клобуком» [10, с. 43–44], знак церковного главенства, которым так гордились в Новгороде [11, с. 393–437]. Сходным образом, но с некоторыми уточнениями, передали в своем тексте картину перевоплощения архиепископа в скомороха Крузе и Таубе. По их версии, царь посадил Пимена на белую кобылу, «дав ему в одну руку русские гусли, а в другую дурацкую палку, и приказал в таком виде привести его к себе». Палка, надо полагать в насмешку, должна была заменить епископский посох. Как свидетельствуют эти авторы, «то же самое совершил он со многими тысячами священников, игуменов, купцов и ремесленников» [7, с. 50].

Интерес к этому эпизоду новгородского разгрома сохранялся у иностранцев и в последующее время. Можно сказать, по горячим следам карательного похода царя на Великий Новгород в 1578 г. был опубликован труд итальянца Александра Гваньини, служившего польскому королю. Этот труд включил «Описание Московии» с эпизодом, касающимся сцены с нанесением Пимену «несказанного бесчестия и позора». Во многом повторяя версию Шлихтинга, он уточнил в деталях его рассказ об унижении владыки. Свое повествование он дополнил описанием вида кобылы, названной «брюха-

той», перечнем широкого набора музыкальных инструментов, на которых было предложено играть опальному архиепископу, отправленному в Москву в «труппу гитаристов», и водить медведя [12, с. 117].

Следуя свидетельствам своих предшественников, но с ценным уточнением пересказал историю унижительного пародийного обряда с новгородским владыкой лютеранский священник из Литовского княжества Павел Одерборн. Он один написал, что епископ был посажен на лошадь «постыдным образом», т. е. задом наперед, и под крики глашатая провезен по городу [13, с. 19]. Такой способ посадки на лошадь наказуемого вполне вероятен, ведь так же Иван Грозный обошелся и с опальным митрополитом Филиппом Колычевым, «сорвав с него святительские одежды и посадив «вола опоко», т. е. *задом наперед*» [14, с. 327].

Таким образом, судя по информации иностранных источников, в ритуальном публичном наказании владыки фигурировали два основных пародийных компонента — свадебная тема и способ необычного проезда Пимена на лошади по городским улицам. Обе эти темы связаны с процессом принудительного перевоплощения иерарха в его противоположность — скомороха. Основные признаки такого перевоплощения проявлялись и в смене епископского облачения с «тиарой» (здесь — белого клобука или митры) на лохмотья, а роскошного посоха — на палку. Его совсем не так, как он шествовал обычно, усаживают нелепо на лошадь задом наперед, да еще со связанными ногами. В то время, как в торжественных случаях, в частности в Вербное воскресенье, при проведении обряда «Шествие на осляти», появившегося в Новгороде предположительно еще в конце XV столетия [15, с. 318], все выглядело совершенно иначе. Обряд был построен «по образу и подобию» сюжета «Вход Иисуса Христа в Иерусалим», где главное духовное лицо, судя по христианским иконам, восседал боком на белой лошади с муляжом ослиных ушей на ее голове, которую в Новгороде вел под уздцы воевода (в Москве сам царь) [16, с. 106–111]. Эта многолюдная церемония наделялась в России исключительной

сакральной значимостью. Считалось, что, пропустив ее, совершишь «смертный грех и никогда не будешь в раю» [17, с. 458].

Устойчивые традиции «Шествия на осляти» в Новгороде связываются с именем архиепископа Геннадия, «егда шествие творя на жребяти и осле к церкви святого Иерусалима» [15, с. 232]. Тот же Геннадий, отталкиваясь от чина шествия в Вербное воскресенье, «разработал сложный ритуал казни своих врагов». По его приказу еретики были одеты в шутовскую одежду и посажены на коней лицом назад, чтобы они видели «уготованный им огонь», и в таком виде проведены по новгородским улицам [18, с. 130]. В отличие от православного обряда шествия, ориентированного на Иерусалим, прочно ассоциировавшегося на Руси с «земным раем» (находившегося, по христианским представлениям, на Востоке), участники шутовского шествия должны были смотреть на запад, конечную точку бытия и место Страшного суда. Разумеется, начитанный Иван Грозный, склонный к постановочным театрализованным зрелищам [5, с. 25–35], не преминул изощренно унизить и осмеять своего предполагаемого врага, новгородского владыку Пимена. Форме, сложившейся к этому времени театрализованной христианской церемонии, приуроченной к Вербному воскресенью, Иван Грозный противопоставил своеобразный антипод, поместив пародийную процессию в атмосферу народной свадьбы, главную роль в которой играли скоморохи. Вопрос о месте священника и скомороха в процессии, идущей на церемонию венчания, обрел остроту в период правления Ивана IV и даже рассматривался на Стоглавом соборе. На нем констатировали нелепость ситуации, когда подходящих к церкви венчаться возглавляет не священник, а скоморохи со своими «бесовскими» песнями и играми [19, с. 124–130].

Таким образом, вместо выполнения почетной миссии на официальных церковных шествиях новгородскому епископу пришлось предстать перед публикой в совершенно иной ипостаси. Он, обряженный скоморохом, вынужден был двигаться неестественным образом в противоположную от праведной цели сторону, погруженным в атмосферу хаоса ярмарочного спектакля.

Черты пародии на похоронный обряд и карнавальная вакханалия у тела покойного проступают в описаниях иностранцев по смертным действиям москвичей в 1606 г. вокруг убитого Лжедмитрия I. Авторами этих заметок были преимущественно очевидцы или современники этого события.

В ряде сочинений сообщалось о намерении схваченного бунтовщиками Лжедмитрия выступить на Лобном месте перед подданными, чтобы подтвердить свои законные права на русский престол. Об этом, в частности, писал немецкий проповедник Мартин Бер, проживший в Москве с 1600 г. более 12 лет. Он с сочувствием отнесся к только что поверженному правителю Московии. По его мнению, именно так евреи в свое время надругались над Христом [20, с. 62–63]. Ту же мысль, но выраженную другими словами, высказал немецкий лютеранский пастор Конрад Буссов: «Они разыграли с бедным Димитрием действо о муках страстных нисколько не хуже, чем евреи с Иисусом Христом» [21, с. 65]. Сравнение нельзя считать случайным, поскольку Лобное место, упомянутое в Библии, означало Голгофу, на которой был распят Христос («И егда приидоша на место, нарицаемое Лобное, ту распяша его...» — Ев. От Иоанна: 23:43). Однако на «московскую Голгофу» Лжедмитрий попал только мертвым и уже в преображенном, пародийном виде. Буссов не только описал сцену поругания Лжедмитрия, но и привел слова его участников. С убитого «содрали... царское платье и надели на него грязный кафтан пирожника»; один говорил другому: «Смотрите, каков царь всея Руси», другой говорил: «Такой царь есть у меня дома на конюшне» [21, с. 66]. Лишив самозванца царского одеяния, имевшего ярко выраженный социальный признак, и обрядив в обноски низших слоев общества, его, расстригу, как бы вернули в исходное состояние. Только после этого, уже мертвого, его в насмешку притащили на Лобное место. Некоторые очевидцы утверждали, что на торговой площади тело убитого было уже голым [22, с. 171; 23, с. 184; 24, с. 427; 25, с. 231]. Лжедмитрия уложили на стол, а его любимчика Петра Басманова — на лавку так, чтобы ноги самозванца лежали на его груди [20, с. 73], в чем угадываются признаки специальной театрализован-

ной постановки. По версии, изложенной немецким священником Матвеем Шаумом, ноги Лжедмитрия и Басманова даже связали вместе («нога об ногу»), «в знак, что они были верные сотрудники в делах своих» [26, с. 14]. Голое тело бывшего правителя России специально выставили на площади для всеобщего осмеяния («чтобы каждый мог смеяться над ним») и даже приставили к нему стражу [27, с. 225].

На следующем этапе началось «превращение» трупа бывшего «государя» с непомерными амбициями в скomorоха. О его гоноре сообщает, в частности, шведский дипломат Петр Петрей: «Он так был горд, самолюбив и надменен, что, подобно Александру Великому, требовал к себе уважения от своих служителей и подданных, приличного не императору, королю и государю, а Богу» [17, с. 315]. В назидание за его гордыню и прижизненное лицедейство на него и возложили маску, о чем написал чуть ли не каждый очевидец. Маску на трупе характеризуют как «безобразную» и «бесстыдную» [28, с. 347] или «отвратительную» [29, с. 13; 30, с. 228]. Так иностранцы называли маски с образами демонов [31, с. 232].

Голландский купец Исаак Масса пишет сразу о нескольких масках, найденных в покоях Марины Мнишек и принесенных к телу Лжедмитрия, изначально приготовленных для очередного маскарада. Масса считал, что «московитам не было ведомо, что это такое, и они не разумели [назначения] подобных предметов, и были твердо уверены, что то боги, коим он поклонялся» [32, с. 141]. Петрей сообщает о некоем дворянине, привезшем с собой из Кремля маскарадное платье и волынку, которые бросил на живот расстриги, а в рот ему вложил дудку [17, с. 315]. Буссов повышает статус человека, приехавшего из Кремля с маской и волынкой, называя его боярином [21, с. 74]. Организатором же посмертного «карнавала» для Лжедмитрия был не кто иной, как будущий царь, о нем прямо сообщает проницательный Маржерет. Вакханалия у тела должна была продолжаться три дня, «пока... глава заговора Василий Иванович Шуйский, тот, о ком мы столько говорили, не был избран императором» [22, с. 171]. В течение этих трех-четырех («до четвертого дня») дней «ежедневно большое число мужчин и

женщин приходили смотреть на сие радостное зрелище» [33, с. 478]. Другие авторы отмечали: «множество мужчин и женщин наслаждались этим ужасным зрелищем» [29, с. 13], третьи видели «великое поругание, которое над ними с большой жестокостью чинили, посыпая песком, оплевывая, колотя, обмазывая дегтем, и другую срамоту творили на вечный позор» [34, с. 63]. Бер замечает: «бабы московские, бесстыдно ругаясь над телом Димитрия, поносили царицу такими словами, что и сказать невозможно» [20, с. 73]. Сдержанно, но по существу не противореча приведенным выше словам, оценил отношение людей к телу бывшего царя находившийся на русской службе грек, архиепископ Арсений: «Все, видевшие его, насмехались над ним и называли его преступником, лжецом и расстригою. Позорили его и жестоко насмехались над ним мужнины и женщины, малые и большие» [23, с. 184].

На карнавальные действия вокруг покойника указывает не только разгульное действие толпы, но и повсеместное упоминание в иностранных записках разнообразных музыкальных инструментов, будто бы предложенных мертвому Лжедмитрию. Здесь фигурировали дудка и волынка, подобная тем, которые используют польские крестьяне [30, с. 228]. Последняя на Руси была не столь популярной, как в Европе, но ее упоминание иностранцами среди возложенных предметов к телу имеет глубокий смысл. Дело в том, что «по средневековым поверьям, дьявол охотно пользуется волынкой, которую сам же и изобрел» [31, с. 391].

Такое своеобразное «музыкальное сопровождение» должно было усилить оформление сцены жестокого осмеяния уже поверженного самозванца. Для какой цели положили около него музыкальные инструменты? Иностранцы улавливали отдельные нюансы такого игрового сценария, полагая, что инструменты и монета даются Лжедмитрию как оплата за музицирование и позволяют ждать, «что он сыграет им за сии деньги» [33, с. 478–479]. Сходное истолкование данных деталей отразилось и в записках Бера и Буссова о фразе, которую будто бы изрек некий боярин. По Беру, она звучала примерно так: «Долго мы тешили тебя, курвин сын и обманщик! Теперь сам нас позабавь!» [20, с. 73], а по Буссову не-

сколько иначе: «Ты, сукин сын и обманщик земли нашей, достаточно долго заставлял нас свистеть для тебя, посвисти же разок теперь и ты для нас» [21, с. 74]. С некоторыми вариациями, но, по сути, также о назначении музыкального инструмента написали неизвестный англичанин [35, с. 66], Ту [28, с. 347] и некоторые другие авторы записок, как бы удостоверяя, что публика, собравшаяся на торговой площади, видела в нем не царя, а скомороха.

Варианты использования монеты (здесь — «динария») приводит шведский хронист Петр Патерсон, писавший о России в начале XVII в., опираясь на свои источники. В данном случае динарий предназначался «для награждения музыкантов или, как говорили другие, это была монета, которую он (Лжедмитрий) должен был заплатить за провоз в ад...» [30, с. 228]. Такой путь самозванца в загробном мире, как бы ему предназначенный, противопоставлен судьбе праведных покойников. Английский дипломат Джайлс Флетчер, побывавший в России в конце XVI в., писал о «множестве суеверных и языческих обрядов», бытовавших в то время. В качестве примера он упоминал о письме, которое вкладывалось в руки усопшего, адресованном святому Николаю, признававшемуся на Руси главным заступником и стражем врат Царствия Небесного [36, с. 151]. Подробнее о подготовке покойного в мир иной сообщил Аксель Гюльденстиерне, член датского посольства 1602 г. в Москве. Он писал об обувании умершего «русскими красными башмаками», укрытии полотном, «жертвуемом царицей», к которому «пришивается записка по-русски нижеследующего содержания: “Иисус Христос, святой Николай, молитесь Бога, чтобы Он принял этого” (мужчину или женщину)» [37, с. 63].

Манипуляции с телом Лжедмитрия были противопоставлены «правильным». По данным Маржерета, русские «никогда не оставляют покойников на сутки, будь то Государь или раб... надевают новую рубаху, гетры, туфли наподобие тапок и колпак» [22, с. 130–131]. Лжедмитрий же оставался непогребенным 3–4 суток и лежал на Лобном месте голым. Вместе с тем отношение к покойному зависело от его образа жизни и обстоятельств смерти [38, с. 166]. Современники порицали образ жизни Лжедмитрия, несхожий с

русскими традициями, его самозванство. Уже одна насильственная смерть незаконного государя позволяла причислить его к так называемым нечистым покойникам, а по научной терминологии «заложным» [39, с. 116–124], а его остальные прижизненные поступки только усугубляли прегрешения. Все это объясняет готовность толпы присоединиться к поруганию уже неживого Лжедмитрия. Его принадлежность к «заложным» покойникам в глазах современников подтверждается последующей историей. Сначала новый царь, Василий Шуйский, велел самозванца «зарыть за городом у большой дороги», но, когда вслед за его погребением наступили небывалые холода, погубившие «все хлеба, деревья и даже траву на полях, ... Дмитрия вырыли, сожгли и обратили в пепел» [22, с. 172]. Это вполне согласуется с мнением ученых, что «тела заложных не принимает земля и они не подвержены тлению до сих пор, пока преждевременно усопший не доживет за гробом положенного ему века (70 лет) и не умрет естественной смертью» [39, с.43–46]. Поэтому в средневековый период существовала практика изымания таких тел из гробов для сожжения [38, с.163]. Именно так, по устоявшейся традиции, и поступили с телом Лжедмитрия.

Результаты исследования и их обсуждение. Судя прежде всего по информации иностранных авторов, причиной пародийных действий над новгородским архиепископом Пименом и Лжедмитрием стали политические конфликты, спровоцированные в первом случае Иваном Грозным, а во втором — претендентом на царский престол Василием Шуйским. В ходе этих действий посредством подмены атрибутов, указывавших на статус персонажа, на нем появлялись аксессуары скомороха, менялся вектор его движения с праведного на «бесовской» и семантика действия. Сами приемы осмеяния относятся к низовым формам культуры с «карнавальным развенчанием», сопровождавшимся руганью, побоями и даже осмеянием покойника [6, с. 9–11]. Вместе с тем в рассмотренных пародийных обрядах отсутствует характерное для карнавальной культуры «перевертывание» мест «короля и шута», отмеченное М. М. Бахтиным [6, с. 411]. Причина отсутствия такого перево-

площения объясняется ролью князей в организации этих пародийных действий. Данное обстоятельство указывает на необходимость при изучении смеховой культуры различать и учитывать стандартный набор устоявшихся пародийных форм, использованных на протяжении столетий, и «заказных», осуществляемых для решения политических вопросов.

Заключение. Таким образом, проанализировав описание иностранцами пародийных обрядов в России, можно считать рассмотренные сюжеты особым типом пародий, режиссура которых осуществлялась сверху. Смысл осуществления таких действий подчинялся замыслу инициаторов зрелищ — развенчать и унижить политических противников московского престола, создать наглядное представление о неправомерности и незаконности их статуса и действий.

Чтобы пародийный обряд обрел зрелищность и назидательность, в него вовлекали как можно больше зрителей и непосредственных участников этой формы публичных церемоний. Иллюзия ее привычности достигалась сочетанием элементов знакомых широкому слою населения церковных уличных обрядов и ушедших в глубокую древность разнообразных игрищ скоморохов. Для придания зрелищам внешней привлекательности использовались специальные эффекты в виде потешных костюмов, невероятных поз и способов передвижения, пародирующих и осмеивающих наказуемых. Не последнюю роль в оформлении пародийных обрядов играли музыкальные инструменты, причисляемые к бесовским забавам, признаваемых властью незаконными. В данных пародийных обрядах даже музыкальные инструменты становились маркерами принадлежности их владельца к иному, неправомерному миру, достойному поругания.

Список источников

1. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. 293 с.

2. Федорова А. Н. Торговая казнь как мера юридической ответственности по судебникам XV–XVI вв. // Вектор Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. 2011. № 4 (7). С. 135–138.
3. Коваленко Г. Великий Новгород в иностранных сочинениях. XV – начало XX века. М.: Ломоносов, 2016. 208 с.
4. Белкин А. А. Русские скоморохи. М.: Наука, 1975. 192 с.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
7. Таубе И., Крузе Э. Великого князя Московского неслыханная тиранья вместе с другими поступками, совершенными им с 66-го по 72-й год, в то время бывшими его советниками, обстоятельно, как они сами видели, слышали и испытали... господину Иоанну Хоткевичу в особую честь / вступ. ст., пер. по рукописи с нем. М.Г. Рогинского; предисл. Ю.В. Готье // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 8–59.
8. Штаден Генрих. Записки о Московии / публ. нем. текста: Е.Е. Рычаловский; пер.: С. Н. Фердинанд; ред. пер.: Е. Е. Рычаловский при участии А. Л. Хорошкевич : в 2 т. Т. 1: Публикация. М.: Дрeвлехранилище, 2008. 582 с.; Т. 2: Статьи и комментарии. М.: Дрeвлехранилище, 2009. 587 с.
9. Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / пер. по рукописи, предисл., ред. и примеч. А. И. Малеина. 4-е изд., доп. и испр. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 15–96.
10. Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. = Matka moskovaan 1569–1572 / сост., вступ. ст., коммент., указ.: Г. М. Коваленко; пер. с фин. Л. Э. Николаева. СПб.: Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. 211 с.
11. Кириллин В. М. «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Прогресс-Традиция, 2004. Вып. 11. С. 293–437.
12. Гваньини Александр. Описание Московии / пер. с латин., ввод. ст. и коммент. Г. Г. Козловой. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. 172 с.
13. Тиран и заступник: Два взгляда иностранцев на Россию 1585 года // Родина. 2004. № 12. С. 18–22.
14. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1994. Т. 1. С. 320–332.
15. Опущенников Г., Великов М. (протоиерей). Чин шествия на осляти: история и последование // Труды Саратовской духовной семинарии. Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2018. Вып. 12. С. 312–339.

16. Стенникова П. А. Отечественная историография церковно-театрализованного действия «Шествие на осляти» // Культура и искусство в памятниках и исследованиях : сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. Вып. 2. С. 106–111.
17. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии: Исаак Масса, Петр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 151–464.
18. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.
19. Ляховицкий Е. А. Скоморохи и священники в свадебном обряде в изображении Стоглава // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. 2006. № 7. С. 124–130.
20. Бер М. Летопись московская // Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб.: Тип. имп. АН, 1859. Ч.1. С. 1–143.
21. Буссов К. Московская хроника, 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 11–158.
22. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М.: Языки славянских культур, 2007. 552 с.
23. Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории // Хроники смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 163–204.
24. Борша С. Поход московского царя Димитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 366–427.
25. Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 211–262.
26. Шаум М. Tragoedia Demetrio Moscovitica. История достопамятных происшествий, случившихся с ЛжеДимитрием, и о взятии шведами Великого Новгорода. Сочинение Матвея Шаума 1614 года / публ., предисл., комм. М. Оболенского // ЧОИДР. 1847/ 1848. Год третий. № 2. Отд. 3. С. I–III, 1–28.
27. Велевицкий Я. Дневник // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков / сост. М. М. Сухман. М.: Столица, 1991. С. 219–226.
28. Ту Ж.О. де. Сказания о Димитрии Самозванце / пер. с латин., предисл. и примеч. Н. Г. Устрялова // Сказания современников о Димитрии Самозванце. 3-е изд., испр. СПб., 1859. Ч. 1. С. 319–353, 453–457.
29. Руссель В. Московская резня 1606 года // Русский заграничный сборник (Часть 3, тетрадь 4). Berlin; Paris; London, 1959. 40 с.
30. Патерсон П. // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М.: Столица, 1991. С. 227–228.

31. Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX—XVI вв. Изд. 2-е, доп. М.: Индрик, 2006. 432 с.

32. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер., примеч. и вводная ст. А. А. Морозов; ред. Н. Рубинштейн. М.: Соцэкгиз, 1937. 206 с.

33. Легенда о жизни и смерти Димитрия, последнего великого герцога Московского // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1840. Т. 25. № 100. 1840. С. 462–490.

34. Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек / пер. и вступ. ст., с. 5–21 В. Н. Козлякова; комм. В. Н. Козлякова, А. А. Севастьянова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 199 с.

35. Английский источник о правлении и гибели Лжедмитрия // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: АН СССР, 1991. С. 45–75.

36. Флетчер Дж. О государстве русском / пер. кн. М. А. Оболенского. М.: Захаров, 2002. 168 с.

37. Гюльденштерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Москву. 1602 г. / пер. по рукописи с датск.; публ. Ю. Н. Щербачева // ЧОИДР. 1911. Кн. 3 (238). Отд. 2. С. 1–63.

38. Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 3. С. 153–170.

39. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 430 с.

References

1. Horoshkevich A. L. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij konca XV — nachala XVI v.* [The Russian state in the system of international relations of the late XV — early XVI century]. Moscow: Nauka, 1980. 293 p. (In Russ.).

2. Fedorova A. N. Commercial penalty as a measure of legal responsibility according to the law courts of the 15th-16th centuries. *Vektor Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: yuridicheskie nauki* [Vector of Togliatti State University. Series: legal sciences], 2011, no 4 (7), pp. 135–138. (In Russ.).

3. Kovalenko G. *Velikiy Novgorod v inostrannykh sochineniyah. XV — nachalo XX veka* [Veliky Novgorod in foreign writings. XV — beginning of XX century]. Moscow: Lomonosov, 2016. 208 p. (In Russ.).

4. Belkin A. A. *Russkie skomorohi* [Russian buffoons]. Moscow: Nauka, 1975. 192 p. (In Russ.).

5. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. *Smekh v Drevnej Rusi* [Laughter in Ancient Rus']. Leningrad: Nauka, 1984. 295 p. (In Russ.).

6. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2-e izd. Moscow: Hudozh. lit., 1990. 543 p. (In Russ.).
7. Taube I., Kruze E. Unheard of tyranny of the Grand Duke of Moscow, along with other deeds committed by him from the 66th to the 72nd year, at that time his former advisers, in detail, as they themselves saw, heard and experienced ... to Mr. John Khotkevich in special honor / [Introduction. st., trans. by manuscript with him. M.G. Roginsky; foreword Yu. V. Gauthier]. *Russkij istoricheskij zhurnal* [Russian Historical Journal], 1922, no 8, pp. 8–59. (In Russ.).
8. Shtaden Genrih. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy] / Publ. nem. teksta: E. E. Rychalovskij; per.: S. N. Ferdinand; red. per.: E. E. Rychalovskij, pri uchastii A. L. Horoshkevich. V 2 t. vol. 1: Publikaciya. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. 582 p.; vol. 2: Stat'i i kommentarii. Moscow: Drevlekhranilishche, 2009. 587 p. (In Russ.).
9. Shlihting A. Brief Tale of the Character and Cruel Rule of the Moscow Tyrant Vasilyevich. "The Tale" of Albert Schlichting / Per. according to the manuscript, foreword, ed. and note. A.I. Malein. *Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. «Skazanie» Al'berta SHlihtinga* / Per. po rukopisi, predisl., red. i primech. A. I. Maleina [New News about Russia in the Time of Ivan the Terrible]. 4-e izd., dop. i ispr. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1934, pp. 15–96. (In Russ.).
10. Yusten P. *Posol'stvo v Moskoviyu 1569-1572 gg.* = Matka moskovaan 1569-1572 [Embassy to Muscovy 1569-1572] / Pavel Yusten; [Sost., vstup. st., komment., ukaz.: G. M. Kovalenko]; Per. s fin. L. E. Nikolaeva. St. Petersburg: Balt. inform. centr BLIC, 2000. 211 p. (In Russ.).
11. Kirillin V. M. "The Tale of the Novgorod White Klobuk": the time of origin and the ratio of the first editions. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2004. Vyp. 11, pp. 293–437. (In Russ.).
12. Gvan'ini Aleksandr. *Opisanie Moskovii* / Per. s latin., vvod. st. i komment. G. G. Kozlovoj [Description of Muscovy]. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina, 1997. 172 p. (In Russ.).
13. Tyrant and protector: Two views of foreigners on Russia in 1585. *Rodina*. [Motherland], 2004, no 12, pp. 18–22. (In Russ.).
14. Uspenskij B. A. *Anti-povedenie v kul'ture Drevnej Rusi Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Anti-behavior in the culture of Ancient Rus' Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1994, vol. 1, pp. 320–332. (In Russ.).
15. Opushchennikov G., Belikov M. (protoierej). The rite of procession on a donkey: history and succession. *Trudy Saratovskoj duhovnoj seminarii* [Proceedings of the Saratov Theological Seminary]. Saratov: Izd-vo Saratovskoj mitropolii, 2018, vyp. 12, pp. 312–339. (In Russ.).

16. Stennikova P. A. Domestic historiography of the church-theatrical action "Procession on a Donkey". *Kul'tura i iskusstvo v pamyatnikah i issledovaniyah: Sb. nauch. tr.* [Culture and Art in Monuments and Research: Sat. scientific tr.]. Chelyabinsk: Izd-vo YUUrGU, 2003, vyp. 2, pp. 106–111. (In Russ.).

17. Petrej P. History of the Grand Duchy of Moscow. *O nachale vojn i smut v Moskovii: Isaak Massa, Petr Petrej* [On the beginning of wars and unrest in Muscovy: Isaac Massa, Peter Petrey]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, 1997, pp. 151–464. (In Russ.).

18. Kazakova N. A., Lur'e Ya.S. *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV — nachala XVI veka* [Anti-feudal heretical movements in Rus' in the 14th — early 16th centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1955. 544 p. (In Russ.).

19. Lyahovickij E. A. Buffoons and priests in the wedding ceremony in the image of Stoglav. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History], 2006, no 7, pp. 124–130. (In Russ.).

20. Ber M. [Letopis' moskovskaya]. *Skazaniya sovremennikov o Dimitrii Samozvance* [Legends of contemporaries about Dimitri the Pretender]. St. Petersburg: Tip. imp. AN, 1859. Part 1, pp. 1–143. (In Russ.).

21. Bussov K. Moscow Chronicle, 1584–1613. *Hroniki Smutnogo vremeni*. [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 11–158. (In Russ.).

22. Marzheret Zh. *Sostoyaniye Rossiyskoy imperii* [State of the Russian Empire. J. Margeret in documents and research: (Texts, comments, articles)] / Ed. An. Berelovich, V. D. Nazarova, P. Yu. Uvarov. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 552 p. (In Russ.).

23. Arsenij Elassonskij. Memoirs from Russian history. *Hroniki smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 163–204. (In Russ.).

24. [Borsha S.]. The campaign of the Moscow Tsar Dimitri to Moscow with the Sandomir governor Yuri Mnishk and other persons from the knighthood of 1604 *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1872, vol. 1. Stb. 366–427. (In Russ.).

25. Gerkman E. The historical narrative of the most important troubles in the Russian state. *Hroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, 1997, pp. 211–262. (In Russ.).

26. Shaum M. Tragoedia Demetrio Moscovitica. The history of memorable incidents that happened to False Demetrius, and about the capture of Veliky Novgorod by the Swedes. Matthew Shaum's work of 1614 / [Publ., preface, comm. M. Obolensky]. *CHOIDR*. 1847/ 1848. God tretij. № 2. Otd. 3, pp. I–III, 1–28. (In Russ.).

27. Velevickij Ya. [Diary]. *Inostrantsy o drevney Moskve: Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about ancient Moscow: Moscow XV–XVII centuries] / Comp. M. M. Sukhman. Moscow: Stolica, 1991, pp. 219–226. (In Russ.).

28. Tu Zh. O. de. Tales of Demetrius the Pretender / [Trans. from Latin, preface and note. N.G. Ustryalova]. *Skazaniya sovremennikov o Dimitrii Samozvance* [Tales of contemporaries about Dimitri the Pretender]. 3-e izd., ispr. St. Petersburg, 1859. Ch. 1, pp. 319–353, 453–457. (In Russ.).

29. [Russel V.] Moscow massacre of 1606. *Russkij zagranichnyj sbornik (Chast' 3, tetrad' 4)* [Russian foreign collection (Part 3, notebook 4)]. Berlin; Paris; London, 1959. 40 p. (In Russ.).

30. [Paterson P]. *Inostrancy o drevnej Moskve (Moskva XV-XVII vekov)* [Foreigners about ancient Moscow (Moscow XV-XVII centuries)]. Moscow, Stolica, 1991, pp. 227–228. (In Russ.).

31. Darkevich V. P. *Svetskaya prazdnichnaya zhizn' Srednevekov'ya IX–XVI vv. Izd. 2-e, dop.* [Secular festive life of the Middle Ages of the IX–XVI centuries]. Moscow: Indrik, 2006. 432 p. (In Russ.).

32. Massa I. *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [Brief news about Muscovy at the beginning of the 17th century / [trans., note. and introductory article. A. A. Morozov; ed. N. Rubinstein]. Moscow: Socekgiz, 1937. 206 p. (In Russ.).

33. The legend of the life and death of Demetrius, the last Grand Duke of Moscow. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij* [A magazine for reading to students of military educational institutions], 1840, vol. 25, no 100, pp. 462–490. (In Russ.).

34. [Rozhnyatovskij A.] *Dnevnik Mariny Mnishek* [Diary of Marina Mnishek / Per. [and intro. Art., p. 5–21] V. N. Kozlyakova; [Comments by V. N. Kozlyakov, A. A. Sevastyanov]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1995. 199 p. (In Russ.).

35. English source on the reign and death of False Dmitry. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda* [Studies in source studies of the history of the USSR in the pre-October period]. Moscow, AN SSSR, 1991, pp. 45–75. (In Russ.).

36. Fletcher Dzh. O gosudarstve russkom [About the Russian State] / [transl. book. M. A. Obolensky]. Moscow: Zaharov, 2002. 168 p. (In Russ.).

37. Gyul'denstierne A. Journey of His Princely Grace Duke Hans of Schleswig-Holstein to Moscow. 1602 / [Trans. according to a Danish manuscript; publ. Yu. N. Shcherbacheva]. *CHOIDR*, 1911, Kn. 3 (238), Otd. 2, pp. 1–63. (In Russ.).

38. Gruznova E. B. Funeral customs in Rus' at the end of the 15th-16th centuries. *History. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 2], 2005, vyp. 3, pp. 153–170. (In Russ.).

39. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii: umershie neestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian mythology: those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow: Indrik, 1995. 430 p. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the author

Черный Валентин Дмитриевич

Valentin D. Chernyy

доктор культурологии, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия

Doctor of Culture Studies, Professor of
Russian State Humanitarian University,
Moscow, Russia

125047, Россия, Москва, Миусская
площадь, д. 6.

6 Miuskaya Square, Moscow, 125047,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

11.01.2023
11.04.2023
23.05.2023

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Article

УДК 7.011.4

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-79>

Художественная синестезия в контексте проблемы кризиса искусства и культуры

Татьяна Витальевна Пушкарева

Университет «Синергия», Москва, Россия, ap-bib@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена анализу исторического и современного опыта, а также перспектив развития художественной синестезии, понимаемой как использование художниками взаимосвязи и взаимовлияния разных чувств при создании и восприятии произведения искусства.*

Вслед за Николаем Бердяевым, обозначившим в своей работе «Кризис искусства» (1918) диалектику синтетических и аналитических тенденций в художественном сознании первых десятилетий XX века, художественная

синестезия рассматривается нами как проявление кризиса искусства и культуры и одновременно как способ преодоления этого кризиса.

На основе использования сравнительно-исторического метода, *case study*, а также феноменологического метода анализируются художественные опыты синестезии и демонстрируются перспективы реализации принципов художественной синестезии в современном искусстве, музейной медиации, дизайне.

Делается вывод о том, что поиски авангардного искусства первых десятилетий XX века в области синестезии, осуществляемые преимущественно как синтез визуальной и музыкальной составляющих при доминировании последней, продолжают в современном постмодернистском искусстве. При этом современные проекты художественной синестезии развивают и расширяют возможности перекодирования различных сенсорных систем восприятия произведений искусства, предлагая проекты, основанные также на использовании тактильных, ольфакторных, сенсорно-моторных и других ощущений. Выявлено прикладное значение художественной синестезии в современной культуре, в частности использование сложившегося опыта художественной синестезии в тифло- и образовательных программах современных музеев, а также в промышленном и средовом дизайне.

В целом выделяется две волны художественной синестезии, способствующих преодолению визуального солипсизма и антигуманизма в развитии современной культуры и искусства.

Ключевые слова: синтез искусств, синестезия, кризис искусства, кризис культуры, современное искусство, постмодернизм, мультисенсорный дизайн, мультисенсорный музей, музейная медиация

Для цитирования: Пушкарева Т. В. Художественная синестезия в контексте проблемы кризиса искусства и культуры // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 79–100. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-79>

Artistic Synesthesia in the Context of the Problem of the Crisis of Art and Culture

Tatiana V. Pushkareva

Synergy University, Moscow, Russia, ap-bib@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of historical and contemporary experience as well as the prospects for the development of artistic synesthesia, understood as the use by artists of the relationship and mutual influence of different feelings when creating and perceiving a work of art.*

*Following Nikolai Berdyaev, who in his work *The Crisis of Art (1918)* outlined the dialectic of synthetic and analytical trends in the artistic consciousness of the first decades of the 20th century, we consider artistic synesthesia as a manifestation of the crisis of art and culture and at the same time as a way to overcome this crisis.*

Based on the use of the comparative historical method, case study, as well as the phenomenological method of "epoch", the artistic experiences of synesthesia are analyzed and the prospects for the implementation of the principles of artistic synesthesia in contemporary art, museum mediation, and design are demonstrated.

It is concluded that the search for avant-garde art of the first decades of the 20th century in the field of synesthesia, carried out mainly as a synthesis of the visual and musical components with the dominance of the latter, continues in contemporary postmodern art. At the same time, modern projects of artistic synesthesia develop and expand the possibilities of recoding various sensory systems for perceiving works of art, offering projects based also on the use of tactile, olfactory, sensory-motor and other sensations. The applied significance of artistic synesthesia in modern culture is revealed, in particular, the use of the established experience of artistic synesthesia in the tiflo- and educational programs of modern museums, as well as in industrial and environmental design.

In general, two waves of artistic synesthesia stand out while contributing to the overcoming of visual solipsism and anti-humanism in the development of modern culture and art.

Keywords: *art synthesis, synesthesia, art crisis, culture crisis, contemporary art, postmodernism, multisensory design, multisensory museum, museum mediation*

For citation: Pushkareva T. V. Artistic Synesthesia in the Context of the Problem of the Crisis of Art and Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 3:79–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-79>

Введение. Искусство появляется везде, где есть человек и человеческое общество, однако образы искусства существенно менялись и меняются от века к веку. Зародившись в эпоху первобыт-

ности как синкретичный феномен, в последующие культурно-исторические эпохи искусство переживало процессы дифференциации и постепенного разрушения синкретичного единства, что становится определенно значимым к XVII веку, когда искусство секуляризуется и начинает подчиняться внутренней логике стилового развития. К концу XIX века процессы дифференциации, своеобразного раздробления, которые проявляются в обостренном интересе к форме и цвету в отрыве от содержания, проникают уже в самый художественный язык, обнаруживая все более явную тенденцию к беспредметности (это находит отражение прежде всего в экспериментах импрессионистов).

В начале XX века произошла, пожалуй, самая мощная трансформация искусства, состоящая в переходе от миметического к беспредметному искусству, что самими художниками объяснялось как следствие исчерпанности художественного языка, а философами было оценено как проявление кризиса искусства, переставшего быть органичным, человеческим и чувственным, но приобретшим черты визуального солипсизма и антигуманизма [1].

Проблема исчерпанности языка искусства, вставшая перед художниками в конце XIX — начале XX века и приведшая к появлению беспредметного искусства, к освоению в конечном счете новых путей художественной деятельности, была раньше всего замечена и проанализирована Николаем Бердяевым, который в 1918 году в своей работе «Кризис искусства» описал этот кризис как противоречивое развитие двух тенденций — аналитических и синтетических [2, с. 4]. Аналитические тенденции в развитии искусства по Бердяеву можно проследить в творчестве гениального, по словам философа, Пабло Пикассо, футуристических опытах Маринетти, литературе Андрея Белого. Синтетические тенденции, исторически составлявшие основу религиозного искусства, в современном Бердяеву мире пытается воссоздать сначала Рихард Вагнер в своей концепции *Gesamtkunstwerk*, Вяч. Иванов в поэзии, а затем Александр Скрябин в светомузыкальной поэме «Прометей». «И стремления к синтезу искусств, к слиянию их в единую мистерию, и противоположные стремления к аналитическому рас-

членению внутри каждого искусства одинаково колеблют границы искусства, одинаково обозначают глубочайший кризис искусства», — пишет Бердяев, отмечая, однако, что «искания синтеза искусства, искания мистерии... в них многое сохраняется от старого и вечного искусства» [2, с. 6]. И в опытах художественной синестезии, которые стали одним из приемов синтеза искусств, философ видит проявления не только кризиса, но и его преодоления. Не случайно, по мнению Бердяева, аналитические тенденции оказываются тесно связаны в начале XX века с губительным милитаризмом, а синтетические — со спасительной идеей божественной мистерии.

Предложенные координаты осмысления кризисных художественных процессов, на наш взгляд, оказываются эвристически значимы и для осмысления развития современного искусства и культуры, в том числе художественного постмодернизма и практик медиации.

Цель статьи — рассмотреть феномен художественной синестезии в контексте проблемы кризиса искусства и культуры.

Задачи статьи — рассмотреть исторические истоки художественной синестезии и опыты ее теоретической концептуализации; сопоставить понятия «синтез искусств» и «художественная синестезия»; проанализировать опыты художественной синестезии в современном искусстве; раскрыть роль художественной синестезии в практиках культурной медиации: раскрыть значение художественной синестезии в массовой культуре.

Проблеме художественной синестезии были посвящены работы самих художников-синестетов, прежде всего В. Кандинского [3; 4] и мастеров Баухауса, которые последовательно развивали идею взаимосвязи разных чувств в процессе восприятия. Первыми, кто проанализировал опыты А. Скрябина с точки зрения проекта синтеза искусств, стали уже упоминаемый выше Н. Бердяев и также Л. Сабанев [5], заложившие основы теоретического подхода к этому явлению. Золотой век использования и осмысления синестезии приходится на 20-е годы XX века, когда научный факт синестезии, понимаемой как взаимовлияние чувств в процессе восприятия сигналов разных модальностей, получил развернутое экспе-

риментальное обоснование в работах Д. Н. Узнадзе [6, с. 196]. Именно в это время возникают международные ассоциации синестетов и начинают проводиться научные синестетические конгрессы. Попытку продолжить использование и изучение явления предпринимает в 70-х годах XX века творческая группа Б. Галеева, однако попытка осталась незавершенной [7, с. 125].

С 80-х годов XX века происходит подъем интереса к изучению культурной обусловленности чувственного восприятия, что позволило говорить о «сенсорном повороте» в гуманитарных науках. Наиболее последовательно этот тренд реализуется в работах научного сообщества Concordia¹ под руководством антрополога Дэвида Хоувза и историка Констансы Классен.

Несмотря на возрастающий интерес к теме художественной синестезии, до сих пор не получили ответа вопросы, впервые поставленные еще Н. Бердяевым: насколько синтез искусств, художественная синестезия способствуют разрешению кризиса искусства, насколько способны синестетические опыты преодолеть визуальный солипсизм и антигуманистические эффекты в развитии современного искусства и культуры.

Обнаружение и исследование кросс-модальных эффектов восприятия в искусстве и культуре

Само слово «синестезия» происходит от древнегреческих слов «вместе» и «ощущение» — συναίσθησις, *synaisthánesthai* — «чувствовать, воспринимать одновременно». Понятие используется для обозначения феномена восприятия, состоящего в том, что впечатление, специфичное для определенного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением, характерным для другого органа чувств. Понятие синестезии имеет две сферы применения. В нейрофизиологии понятие используется для определения произвольной реакции в каналах восприятия («сенсорной модальности»), изначально не стимулируемых, которая возникает лишь у людей-синестетов («истинная синестезия» [8], или «синестезия естественного развития»). В широком смысле поня-

---

¹ URL: <https://centreforsensorystudies.org/centre-for-sensory-studies> (дата обращения: 7.02.2023).

тие синестезии используется для определения взаимодействия разных чувств при восприятии, в том числе в искусствознании для определения художественного приема по задействованию разных каналов восприятия при создании произведения искусства (что мы предлагаем обозначать понятием «художественная синестезия»). В современной нейростетике эти исследования оказываются все более связанными друг с другом.

В процессе художественной синестезии, таким образом, задействуются несколько каналов восприятия художественного образа, причем художественная синестезия за счет привлечения разных каналов восприятия усиливает, акцентирует чувственное выражение какой-либо идеи или же расширяет спектр выражаемых идей в одном произведении искусства. Таким образом, художественную синестезию можно рассматривать как основной прием осуществления синтеза искусств (понимаемого нами как межвидовое взаимодействие разных видов искусств как с сохранением видовой самостоятельности задействованных в синтезе искусств, так и без ее сохранения).

Осмысление художественной синестезии как феномена началось в 10-х годах XX века вместе с самими художественными практиками, применявшими этот прием. В 1910 году Василий Кандинский пишет классическую работу «О духовном в искусстве» (1910), где в V и VI главах показывает связи восприятия цвета с осязанием, вкусом, говорит о звучании и слышании красок, даже о вкусе цвета. Многочисленные ссылки на работы по изучению синестезии, приводимые в книге Кандинского, говорят о том, что исследования в этом направлении велись с разных сторон: речь идет о хромотерапии, об исследованиях музыкантов о соотношении звука и цвета. Кандинский подчеркивает, что, несмотря на родство всех искусств и ощущений человека, особенно близки по взаимодействию оказываются музыка и живопись. Человеческая душа, по Кандинскому, подобна роялю, в котором роль клавиши играет цвет [3].

В 1912 году В. Кандинский в статье «О сценической композиции», вышедшей в альманахе «Синий всадник», полностью посвя-

щенном новым трендам в искусстве, проводит критический анализ идеи и воплощения синтеза (гезамткунстверк) Рихарда Вагнера. Подчеркивая незавершенность и ограниченность вагнеровского проекта, Кандинский предлагает свою модель театрального искусства, где разные виды искусств интегрируются не на основе механического соединения, а из «внутренней необходимости». В этой модели интеграции разные виды искусств поочередно доминируют в процессе развертывания сценического действия и, таким образом, поочередно выступают в качестве основы синтеза [4].

Проблема основы для синтеза искусств в этом же альманахе поднимается, но решается иначе Л. Сабанеевым, который делит искусства на доминирующие (музыка, слово, пластические движения) и подчиненные, сопровождающие (свет, аромат). Сабанеев один из первых проанализировал цветомузыкальную поэму Александра Скрябина «Прометей», рассматривая ее как попытку восстановить мистериальное единство разделенных в процессе развития цивилизации искусств путем объединения двух искусств — доминирующей музыки и подчиненной «цветовой игры» [5].

Попытки теоретической концептуализации художественной синестезии проводились в тесной связи с первыми опытами по синтезу искусств. Начиная с симфонической поэмы «Прометей» Александра Скрябина с партией света (Luce) (написанной для специальных цветомузыкальных клавикордов), осуществляется целая череда ставших уже классическими опытов создания «фонизмов» (музыки, созданной как специфическое отражение образов визуального искусства) и «фотизмов» (визуальных произведений, возникших как специфическое отражение музыкальных образов). Интересно, что существующие данные до сих пор не позволяют определенно сказать, была ли синестезия поэмы «Прометей» проявлением собственно «истинной синестезии» или только художественным приемом.

К таким опытам относятся также живописные произведения Василия Кандинского, в частности акварель «Незнакомый голос», написанная под впечатлением разговора с молодой женщиной по телефону, «Впечатление III. Концерт» (рис. 1), картина, созданная

после концерта струнных квартетов и пьес для фортепиано Арнольда Шенберга. Принцип атональной музыки и додекафонии композитора-реформатора стали проявлением беспредметного искусства в музыке и сразу же вызвали отклик у художников-абстракционистов. Творческая дружба В. Кандинского и А. Шенберга способствовала расширению и музыкального языка: под влиянием русского художника австрийский композитор осуществляет свой светомузыкальный проект — сценическую драму «Счастливая рука», русский художник создает проект синестезийной сценической композиции «Желтый звук».

Таблицы цветослуховых соответствий, которые составляли и В. Кандинский, и А. Скрябин, были дополнены теоретическими обобщениями феномена художественной синестезии в альманахе «Синий всадник», изданном в Мюнхене в 1912 году, о котором уже шла речь.

Последовательно и успешно продвигалась идея художественной синестезии и мастерами Баухауза, которые включали в свои исследования дизайна, архитектуры, живописи другие виды искусства — театр, музыку, танец. Были осуществлены попытки графического перевода тактильных ощущений, Кандинский исследовал соответствие определенных углов цветам, цветов и форм. Создавались мультисенсорные произведения искусства, как, например, световой музыкальный спектакль «Рефлекторная световая игра» Людвиг Хиршфельд-Мака [9, с. 7]. В современном дизайне идея художественной синестезии была практически реализована в парадигме мультисенсорного подхода, который стал базовым.

Первые опыты синестезии наиболее последовательно проводились композиторами и живописцами — синестетами, то есть людьми, обладающими природными способностями воспринимать одни и те же раздражители разными сенсорными системами (чаще всего в синестетическом восприятии участвуют звук и цвет). Однако эти практики сознательного использования и осмысления принципов синестезии в творчестве композиторов и живописцев одновременно стали одним из путей обретения нового художе-

ственного языка [10] и попытками создания «мистерии, в которой синтезировались бы все искусства» [2, с. 6].

Рис. 2. В. Кандинский. Впечатление III. Концерт. 1911. Городская галерея в доме Лембаха, Мюнхен.

Источник: <https://ar.culture.ru/ru/subject/impressiya-iii-konzert>
(дата обращения: 7.03.2023)

С попытками институционализации художественной синестезии как концепции, нацеленной на создание человека нового типа, способного в том числе воспринимать мир во всей его целостности, характерной для первого десятилетия развития советского общества, связаны проекты художников и изобретателей: Владимира Баранова-Россине, создателя оптофонического искусства (от греческого «оптофон» — «зримый звук»), и Григория Гидони, экспериментирующего в области светохореографии, светотеатра, светодекламации, светоархитектуры, включающего в синтез также обоняние [11].

Французский композитор-реформатор Эрик Сати примерно в это же время создает новый жанр — «меблировочная музыка». Эта музыка не предназначена для специального прослушивания, но призвана негромким фоном сопровождать повседневную жизнь человека в общественных пространствах. Основанная на повторениях, зачастую не имевшая тактов в нотописи, она стала одним из

первых опытов минимализма и одновременно своеобразным проявлением художественной синестезии уже в области дизайна.

Собственно научный факт синестезии, понимаемой как взаимовлияние чувств в процессе восприятия сигналов разных модальностей, получил развернутое экспериментальное обоснование в 20-х годах XX века в работах Д. Н. Узнадзе [11, с. 196]. И уже в 1927–1936 годах в Гамбурге состоялось четыре международных конгресса, объединивших музыкантов, художников, педагогов, психологов, по цветотоновым исследованиям, которые заложили научную базу для регулярных исследований синестезии в разных областях. До сих пор материалы конгресса представляют научную значимость. Для обоснования особой связи музыки и изображения подчеркивалось значение нотной звукозаписи с ее графическим выражением звуковысотности [12]. Активизация научного исследования синестезии не в последнюю очередь была связана с развитием звукового кино и поисками художественного языка, использующего визуальный и звуковой образы одновременно.

Таким образом, первые опыты художественной синестезии и ее научного осмысления возникли в художественных практиках авангарда и касались прежде всего взаимосвязи, взаимовлияния двух модальностей восприятия — слуха и зрения. Дальнейшее развитие практик художественной синестезии проходило путем расширения спектра задействованных модальностей и также социальных сфер использования эффектов художественной синестезии.

На пути к мультисенсорной парадигме культуры

Современные художественные и в целом социокультурные процессы позволяют нам сегодня говорить о второй волне художественной синестезии, приводящей к развитию *универсальной мультисенсорности* во многих областях социокультурной практики. Это касается как производства арт-объектов (искусство, дизайн, массмедиа), так и их восприятия и потребления (культурная медиация, педагогика).

Постмодернизм, как известно, стал новой вехой развития искусства: деконструировал привычные рамки художественного,

смешал центр и периферию, знак и референт, главное и второстепенное, жанры и виды искусств, превратив игру, коллаж и цитирование в новый художественный язык. Однако в современных постмодернистских художественных практиках, в бесконечном процессе «пересборки» художественных образов мы можем обнаружить и основания для нового художественного единства, попытку найти и закрепить утерянную органику культуры, о которой разными словами заявляли философы начала XX века.

Хорошим примером для иллюстрации нового тренда стала деятельность новой культурной институции ДК ГЭС-2, которая с 2019 года осуществила несколько проектов в рамках идей художественной синестезии. Само здание московского дома культуры, ставшее результатом реконструкции и перепрофилирования объекта культуры регионального значения — электростанции (архитектор проекта Ренцо Пьяно), визуально напоминает средневековый готический храм (обустроенный одновременно в эстетике минимализма), отсылая нас к идее мистерии, о которой говорили Бердяев и Скрябин.

Серия проектов «Настройки» (2020–2022) была призвана исследовать отношения между музыкой, визуальным искусством и архитектурой. В проекте «Настройки-3»¹ в масштабном выставочном пространстве дома культуры были представлены семь инсталляций, в каждой из которых были объединены произведения изобразительного искусства и музыкальной классики. Кураторы обратились к архиву классики и выбрали из него семь имен с XII по XX век: Штраус/Шенберг, Бетховен, Шостакович, Хильдесгарда Бигенская, Шуман, Лист, Вагнер. Для каждого имени композитора и прослушивания одного произведения отводился зал особой конфигурации, снаружи оформленный как контейнер для переезда (рис. 2), а внутри представляющий собой особый интерьер с оригинальными произведениями графики, декоративно-прикладного искусства, живописи, фотографии из московских музеев. Графическое изображение траектории звуковых волн стало брендом всего

---

¹ Проект «Настройки». URL: <https://v-a-c.org/projects/tuning> (дата обращения: 7.03.2023).

проекта и также отражало его синестетическую наполненность (рис. 3).

Рис. 2. Павильон проекта «Настройки-3. Общество частных музыкальных представлений». ГЭС-2 и фото мусорного контейнера

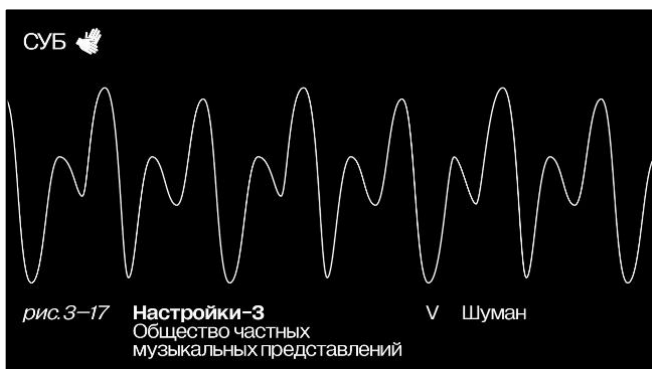

Рис. 3. Настройки-3. Общество частных музыкальных представлений. ГЭС-2. Источник: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1bj4aNiThHg> (дата обращения: 7.03.2023)

В проекте «Настройки-3» задействуется не только зрение и слух, но также и моторно-сенсорная модальность. В зале «Шуберт» последнее произведение композитора, умершего в клинике для душевнобольных, звучит на фоне работ Михаила Врубеля, художника с похожей судьбой, и дополняется инсталляциями, которые (например, за счет шаткого пола) обращаются к «непривычным регистрам чувствительности», вызывают «состояние неустойчи-

ности и сбивают с толку вестибулярный аппарат» [13, с. 27]. Интересно, что именно стигматизированная тема душевной болезни здесь разрабатывается и обнародуется путем обращения к моторно-сенсорной модальности посетителя в целях развития эмпатии и сопереживания этому состоянию человеческой души.

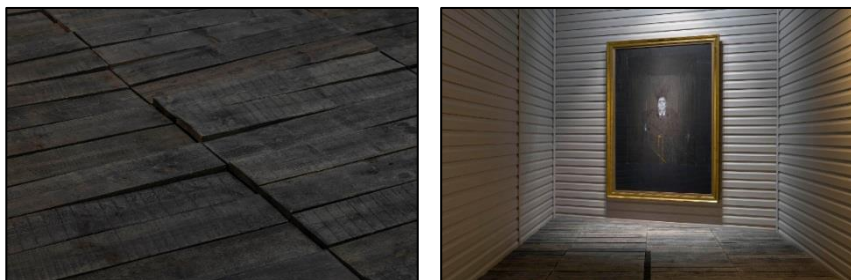

Рис. 4. Настройки-3. Общество частных музыкальных представлений.
ГЭС-2. Павильон «Шуман».

Источник: URL: <https://v-a-c.org/ges2/tuning-3-schumann>
(дата обращения: 7.03.2023)

Эти синтетические, синестетические эффекты постмодернистского искусства еще не вполне замечены и осознаны научной мыслью, однако в среде синестетов-исследователей встречаются их описания. Так, бразильский исследователь и художник Сержио Басбаум говорит о том, что тело в постмодернистскую эпоху «восстановило свое единство», исправив модернистский уклон в сторону гипертрофии зрения [14, с. 164].

Художественный опыт синестезии находит также отражение в современных дизайн-проектах. Получает распространение идея мультисенсорного дизайна, в котором бы ощущения, получаемые человеком от разных раздражителей, не противоречили, а дополняли друга друга и отвечали на интуитивные ожидания. Яркий пример приводит немецкий исследователь синестезии и дизайнер интерьера автомобилей Михаэль Хаверкамп: при создании дверной ручки следует учитывать не только форму, но и звук защелки:

в случае низкого звука предлагается использовать защелку более массивную, чем в случае более изящной конструкции (рис. 5).

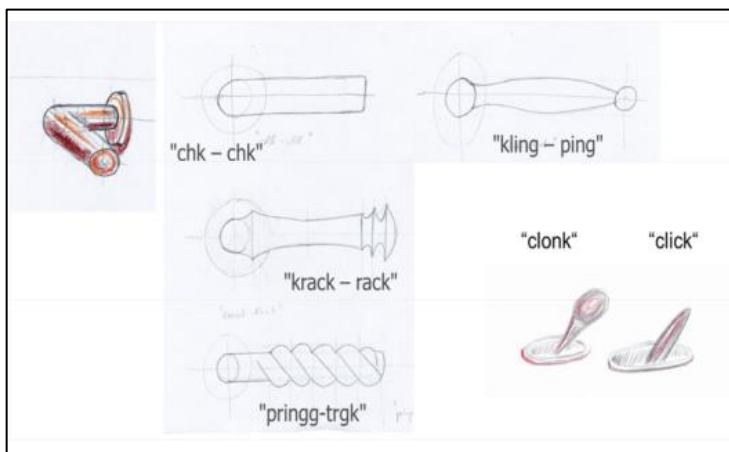

Рис. 5. Эскизы конструкций выключателей и дверных ручек, связанных со звучанием замков [9, с. 9]

Такие «сенсорные ожидания», которые могут быть определены благодаря синестезии, — аспект, который все более включается в современный дизайн. «В будущем в работе дизайнера будет необходимо умение работать со всеми чувствами, а не только разрабатывать внешний вид проекта», уверен исследователь [14, с. 186].

Таким образом, дизайн на наших глазах благодаря осмысленности и использованию художественной синестезии уверенно выходит за пределы визуального солипсизма. Поиск интуитивных соответствий между разными модальностями становится приоритетным направлением дизайна и основой эргономики, тем самым все более тонко настраиваясь на потребности и чувства человека.

Наиболее последовательно мультисенсорный подход сегодня развивается в музейной сфере. Происходит это по трем направлениям: произведения искусства становятся доступными не только для созерцания, но и для осязания; для посетителей с особенно-

стями здоровья предлагается перекодирование и компенсация отсутствующих или сниженных ощущений (за счет осязания, обоняния и других модальностей, преимущественно в тифлопрограммах); музейная медиация предполагает воссоздание контекста эпохи через все разнообразие ощущений, которые дополняют визуальные образы.

Одной из распространенных практик ведущих музеев (Британского музея, Музея Виктории и Альберта в Лондоне) стали «тактильные сессии», во время которых посетители могут в специальных перчатках прикоснуться к экспонатам. В Метрополитен музее собрана специальная тактильная коллекция оригинальных экспонатов, которая предназначена для осязания. Все чаще говорят о необходимости создания целого «тактильного фонда» музейных экспонатов, которые могли бы состоять из объектов меньшей исторической и художественной ценности или вовсе реплик [15, с. 63]. С 1990-х годов силами незрячих активистов образуются тифломузеи с экспонатами для осязания — музей Гомера в Анконе, тифлологический музей в Мадриде, музей осязания общества «Маяк слепых» в Афинах, тактильная галерея в Лувре, музей для слепых в городе Каунас в Литве.

Несколько российских музеев имеют оригинальные тифлопрограммы, основанные на принципах художественной синестезии. Так, Музей русского импрессионизма создал к ряду экспонатов тактильные станции, которые включают картину, выполненную в виде рельефа, специально разработанный парфюмерами аромат и какой-либо дополнительный элемент. К примеру, для картины Сантьяго Русиньоля «Эрик Сати, играющий на фисгармонии», представленной на выставке «Импрессионизм и испанское искусство» в 2019 году, был предложен аромат «Кедр», рельеф картины было дополнен клавишами фортепиано в натуральном размере (рис. 5). В музее «Гараж» используются тактильные макеты для восприятия произведений архитектуры (рис. 6).

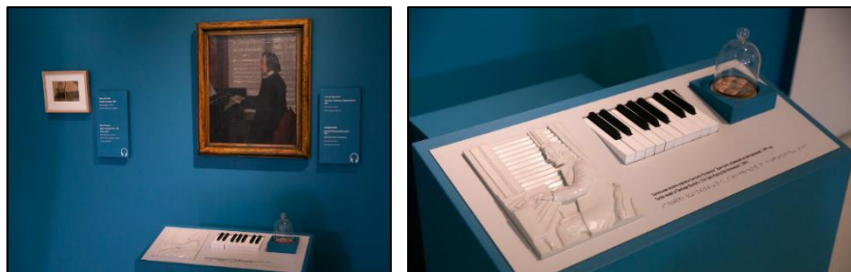

Рис. 5. «Тактильная станция» к картине «Эрик Сати, играющий на фисгармонии».

Источник изображений: <https://www.rusimp.su/ru/news/220>
(дата обращения: 7.03.2023)

Рис. 6. Тактильный макет часовни темпѣтто Донато Браманте, который используется в музее «Гараж» [16, с. 64]

Согласно современным научным исследованиям, область визуального восприятия наиболее тесно связана с тактильным. И современные компьютерные хептические технологии, устройства (сенсорные мыши, перчатки, стилусы, джойстики) предоставляют неограниченные возможности для развития художественной синестезии также в виртуальном и гибридном мире. Одним из воплощений таких технологий стал проект виртуального Музея чи-

стой формы¹. В него вошли виртуальные копии скульптур, с которыми можно было взаимодействовать, ощущая форму, вес, текстуры. Как заметил уже упоминавшийся выше С. Басбаум, «современная цифровая культура с её сверхстимуляцией нашего сенсорного аппарата сделала синестезию актуальным концептом для интерпретации нашего современного культурного опыта» [14, с. 161].

Целостную концепцию мультисенсорного музея развивают Нина Левент и Альваро Паскуаль-Леоне в книге «Мультисенсорный музей: междисциплинарный взгляд на осязание, звук, запах, память и пространство» [17], здесь исследуется значение тактильных, слуховых, пространственных, обонятельных и вкусовых ощущений в музеях настоящего и будущего. Появляется понятие ольфакторного произведения искусства. Идеи мультимодального подхода, реализуемые в разных областях социально-культурной деятельности — в образовании, художественном творчестве, музейной сфере, инклюзивной сфере, дизайне, — развивает с 2000-х годов фонд Artbeyondsight².

Мы видим, таким образом, что художественная синестезия как концепция творчества и восприятия произведения искусства, зародившись в первые десятилетия XX века, по прошествии ста лет переживает новый подъем. Число кросс-модальных соответствий, которые программируются в произведениях искусства и массовой культуры, становится больше: задействуются, помимо слуха и зрения, тактильное восприятие, обоняние, сенсорно-моторное восприятие, формируются сложные регистры чувствительности, не сводимые однозначно к одной модальности. В целом речь идет о снижении роли зрения и визуальных образов за счет восстановления целостности восприятия. Художественная синестезия расширяет сферу распространения и, помимо художественных проектов, синестетические принципы распространяются на области дизай-

---

¹ URL: <http://www.v-must.net/virtual-museums/vm/museum-pure-forms> (дата обращения: 7.03.2023)

² Art beyond sight. URL: <http://www.artbeyondsight.org/mei/multimodal-approaches-to-learning-international-conference> (дата обращения: 7.03.2023).

на, музейную медиацию (включая тифлопрограммы), все тоньше настраиваясь на потребности и чувства человека.

Таким образом, можно сказать, что художественная синестезия как проявление синтетических тенденций, согласно предвидению Николая Бердяева, способствует преодолению кризиса культуры и искусства, выводя их пути из тупиков визуального солипсизма и антигуманизма.

Список источников

1. Чакина Л. Л. «Новая визуальность» в свете теории кризиса искусства // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. №1. С. 278–280.
2. Бердяев Н. А. Кризис искусства: (Репринтное издание). М.: СП Интерпринт, 1990. 48 с.
3. Кандинский В. О духовном в искусстве. URL: <https://predanie.ru/book/218910-o-duhovnom-v-iskusstve/> (дата обращения: 3.03.2023).
4. Кандинский В. О сценической композиции // Кандинский В., Марк Ф. Синий всадник. Мюнхен, 1912. URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva47.html> (дата обращения: 3.03.2023).
5. Сабанеев Л. «Прометей» Скрябина // Кандинский В., Марк Ф. Синий всадник. Мюнхен, 1912. URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/siniy-vsadnik12.html> (дата обращения: 3.03.2023).
6. Узнадзе Д. Н. Общая психология. СПб.: Питер, 2004. 417 с.
7. Коляденко Н. П. Художественная синестезия и ее осмысление в зарубежной и отечественной науке // Вестник музыкальной науки. 2021. Т. 9. № 1. С. 119–128.
8. Cytowic R. E. Synesthesia, A Union of the Senses. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. 146 p.
9. Haverkamp M. Synesthetic versus Multi-Sensory Design — Differences and Benefits Michael Haverkamp Köln / Germany Paper presented at the 2nd symposium of the International Association of Synaesthetes, Artists, and Scientists (IASAS): Synaesthesia, Cross-sensory Aspects of Cognition across Science and Art. October 17 — 20, 2019, Moscow State University of Psychology and Education, Russia URL: https://www.researchgate.net/publication/343878808_Synesthetic_versus_Multi-Sensory_Design_-_Differences_and_Benefits (дата обращения: 3.03.2023).
10. Проблемы синестезии и поэтика авангарда : сб. ст. / отв. ред.-сост. Н. В. Злыднева. М.: Государственный институт искусствознания, 2020. 254с.

11. Колганова О. В. Светоцветовые проекционные устройства В. Баранова-Россине и Г. Гидони (1920-е–1930-е годы) // Наука телевидения. 2021. 17 (4). С. 33–62. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2021-17.4-33-62>
12. Haverkamp M. Die „Farbe-Ton-Forschung“ in Hamburg 1925-1936 URL: https://www.researchgate.net/publication/322635356_Die_Farbe-Ton-Forschung_in_Hamburg_1925-1936 (дата обращения: 3.03.2023).
13. Настройки-3. Общество частных музыкальных представлений. 10 ноября 2022 — 12 марта 2023. Путеводитель по выставке. М.: V-a-c.org., 2022. 39 с.
14. Сидоров-Дорсо А. В., Дэй Э. Ш. Синестезия: мнения и перспективы. М.: МГППУ, 2019. 277с.
15. Организация инклюзивной среды в учреждениях культуры : науч.-практ. пособие. Екатеринбург — Берлин: InKultur, 2019. 174 с.
16. Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители, опыт музея современного искусства «Гараж». М.: Музей современного искусства, 2018. 103с.
17. Левент Н., Паскуаль-Леоне А. Мультисенсорный музей: междисциплинарный взгляд на осязание, звук, запах, память и пространство. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 496 с.

References

1. Chakina L. L. "New visuality" in the light of the theory of the crisis of art. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no 1, pp. 278–280. (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. *Krizis iskusstva. (Reprintnoe izdanie)* [Crisis of art. (Reprint edition)]. Moscow, SP Interprint, 1990. 48 p. (In Russ.)
3. Kandinskij V. *O duhovnom v iskusstve* [On the spiritual in art]. Available at: <https://predanie.ru/book/218910-o-duhovnom-v-iskusstve/> (accessed: 3.03.2023). (In Russ.)
4. Kandinskij V. O scenicheskoj kompozicii. [On stage composition]. Kandinskij V., Mark F. *Sinij vsadnik*. [Blue rider]. Myunhen, 1912. Available at: <http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva47.html> (accessed: 3.03.2023). (In Russ.)
5. Sabaneev L. «Prometej» Skryabina ["Prometheus" Scriabin] Kandinskij V., Mark F. *Sinij vsadnik*. [Blue rider]. Myunhen, 1912. Available at: <http://www.kandinsky-art.ru/library/siniy-vsadnik12.html> (accessed: 3.03.2023). (In Russ.)
6. Uznadze D. N. *Obshchaya psihologiya* [General psychology]. St. Petersburg: Piter, 2004. 417p. (In Russ.)

7. Kolyadenko N. P. Artistic synesthesia and its comprehension in foreign and domestic science. *Vestnik muzykal'noj nauki* [Bulletin of Musical Science], 2021, vol. 9, no 1, pp. 119–128. (In Russ.)
8. Cytowic R. E. *Synesthesia, A Union of the Senses*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. 146 p.
9. Haverkamp M. Synesthetic versus Multi-Sensory Design — Differences and Benefits Michael Haverkamp Köln / Germany Paper presented at the 2nd symposium of the International Association of Synaesthetes, Artists, and Scientists (IASAS): Synaesthesia, Cross-sensory Aspects of Cognition across Science and Art. October 17 — 20, 2019, Moscow State University of Psychology and Education, Russia. Available at: https://www.researchgate.net/publication/343878808_Synesthetic_versus_Multi-Sensory_Design_-_Differences_and_Benefits (accessed: 3.03.2023).
10. *Problemy sinestezii i poetika avangarda. Sbornik statej* [Problems of synesthesia and the poetics of the avant-garde. Digest of articles] / Otv. red.-sost. N. V. Zlydneva. Moscow: Gosudarstvennyj institut iskusstvovznaniya, 2020. 254p. (In Russ.)
11. Kolganova O. V. Light-color projection devices by V. Baranov-Rossine and G. Gidoni (1920s–1930s). *Nauka televideniya* [TV Science], 2021, 17 (4), pp. 33–62. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2021-17.4-33-62>. (In Russ.)
12. Haverkamp M. *Die „Farbe-Ton-Forschung“ in Hamburg 1925-1936* ["Colour-Ton-Research" in Hamburg 1925-1936]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322635356_Die_Farbe-Ton-Forschung_in_Hamburg_1925-1936 (accessed: 3.03.2023). (In German).
13. Nastrojki-3. *Obshchestvo chastnyh muzykal'nyh predstavlenij. 10 noyabrya, 2022 — 12 marta 2023* [Settings-3. Society for Private Musical Performances. November 10, 2022 — March 12, 2023]. Putevoditel' po vystavke. Moscow: V-a-c.org, 2022. (In Russ.)
14. Sidorov-Dorso A. V., Dej E. Sh. *Sinesteziya: mneniya i perspektivy*. [Synesthesia: opinions and perspectives]. Moscow: MGPPU, 2019. 277 p.
15. *Organizaciya inklyuzivnoj sredy v uchrezhdeniyah kul'tury. Nauchno-prakticheskoe posobie* [Organization of an inclusive environment in cultural institutions. Scientific and practical guide]. Ekaterinburg — Berlin: InKultur. 2019. 174 p. (In Russ.)
16. *Muzej oshchushchenij: slabovidyashchie i nezryachie posetiteli, opyt muzeya sovremennogo iskusstva «Garazh»* [Museum of Sensations: visually impaired and blind visitors, the experience of the Garage Museum of Contemporary Art]. Moscow: Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2018. 103 p. (In Russ.)
17. Levent N., Paskual'-Leone A. *Mul'tisensornyj muzej: mezhdisciplinarnyj vzglyad na osyazanie, zvuk, zapah, pamyat' i prostranstvo* [Multisensory Museum: An Interdisciplinary View of Touch, Sound, Smell, Memory and Space]. Moscow: Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2022. 496 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Пушкарева Татьяна Витальевна

Tatiana V. Pushkareva

кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры дизайна и архи-
тектуры Университета «Синергия»

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor of the
Department of Design and Architecture
of Synergy University, Moscow

125190, Москва, Ленинградский про-
спект, 80Г

80G Leningradsky Av., Moscow, 125190

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

08.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

19.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

14.05.2023

УДК 7.01: 111

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-101>

Экзистенциально-феноменологический подход к пониманию творческого процесса

Елена Людвиговна Яковлева

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия
mifoigra@mail.ru

Аннотация. Целью исследования избран творческий процесс, в результате которого появляется произведение искусства. Наиболее полное понимание проблемы возможно благодаря применению экзистенциального и феноменологического подходов. Методологическая основа анализа — идеи Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, М. Анри и В. Кандинского. В результате экзистенциально-феноменологического анализа выяснилось, что импульсом к появлению произведения искусства оказывается погруженность художника в жизнь. Эмоциональная включенность позволяет творцу зафиксировать феномены/личность/события/ситуации в памяти и проникнуть в сущность (не)мысленного/(не)виденного/(не)слышанного. Заинтересовавшись объектом, художник старается не упускать из вида его мельчайших деталей. Гений обнаруживает нюансы, нередко ненаблюдаемые всеми и относимые к Ничто. Впечатления и связанные с ними переживания перерабатываются сознанием творца, которое совмещает в себе импрессионально-аффицированную, интеллектуальную и креативную модальности. К процессу подключаются воображение и интуиция, выводя автора в трансцендентальное, развертываемое перед взглядом сознания. Творческая функция сознания раскрывает перед художником мир художественных образов. Внутреннее видение (не)мыслимого/(не)зримого/(не)слышимого иницирует творческий процесс. Само появление шедевра представляет собой определенный разрыв бытия: на месте Ничто появляется Нечто в виде произведения искусства. При его создании происходит метаморфоза: видимое/слышимое объективное в сознании художника и в его творении приобретает субъектив-

ную окраску. Произведение искусства, демонстрируя реальную/фантазийную жизнь, позволяет познать Я/творца/бытие.

Результаты представленного анализа расширяют научные исследования в области онтологии, феноменологии и психологии искусства, позволяют анализировать творческий процесс и формо-/смыслообразование произведения искусства на конкретных примерах и в жизни творческой личности.

Ключевые слова: искусство, творческий процесс, импрессиональные переживания, субъективное видение, интенциональность, гиле, сознание творца, трансцендентальность, воображение, творческая интуиция

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Экзистенциально-феноменологический подход к пониманию творческого процесса // Человек. Культура. Образование. 2023. №3. С. 101-119. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-101>

Existential and Phenomenological Approach to understanding a Creative Process

Elena L. Iakovleva

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia
mifoigra@mail.ru

Abstract. *The aim of the study is a creative process producing a work of art. The most complete understanding of the problem is possible through the use of existential and phenomenological approaches. The methodological basis of the analysis was the ideas of J.-P. Sartre, M. Heidegger, E. Husserl, M. Henri and V. Kandinsky. As a result of existential and phenomenological analysis, it turned out that the impulse towards a work of art is an artist's immersion into life. Emotional involvement allows a creator to fix phenomena /personality/events/situations in memory and penetrate into the essence of the (not)thought /(not) seen /(not)heard. Being interested in the object, an artist tries not to lose sight of its smallest details. Genius discovers nuances that are often unobserved by everyone and attributed to Nothing. Impressions and related experiences are processed by the consciousness of a creator which combines impressionistic-affective, intellectual and creative modalities. Imagination and intuition are connected to the process while bringing the author into the transcendental, unfolding before the gaze of consciousness. The creative function of consciousness reveals to the artist the*

world of artistic images. The inner vision of the (not)conceivable/(not)visible/(not)audible initiates a creative process. The very appearance of a masterpiece represents a certain rupture of being: in the place of Nothing, Something appears in the form of a work of art. When it is being created, a metamorphosis occurs: the visible/audible objective in the artist's mind and in his/her creation acquires a subjective coloring. A work of art, demonstrating (real/fantasy) life, allows you to know the Self/creator/being.

The results of the presented analysis may expand scientific research in the fields of Ontology, Phenomenology and Psychology of art, give way to analyzing the creative process and the form/meaning formation of a work of art on concrete examples and in the life of a creative personality.

Keywords: art, creative process, impressionistic experiences, subjective vision, intentionality, gile, consciousness of a creator, transcendence, imagination, creative intuition

For citation: Iakovleva E. L. Existential and Phenomenological Approach to understanding a Creative Process. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Cul-ture. Education.* 2023; 3: 101–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-101>

Введение. Искусство как символическую форму культуры можно отнести к числу таинственных и труднодостижимых феноменов. С древности создано достаточное количество теорий искусства, но ни одну из них нельзя считать исчерпывающей. Научные изыскания, связанные с теоретизацией искусства, ставят еще большее количество вопросов, требующих расширения аналитической базы для понимания феномена. До сих пор до конца не проясненными оказываются многие аспекты искусства: сам творческий процесс, механизмы и операции, приводящие к возникновению замысла произведения и его художественных образов, выбор средств при фиксации объекта в художественной форме, восприятие аудиторией созданного и пр. Перечисленное обусловило выбор объекта исследования, которым стал творческий процесс, механизмы его инициирования и формо-/смыслообразования.

Методы исследования. Анализ сущностных оснований творчества осуществляется с точки зрения экзистенциального и феноменологического подхода. Аналитической базой исследования

стали идеи экзистенциалистов Жан-Поль Сартра и Мартина Хайдеггера, феноменологов Эдмунда Гуссерля и Мишеля Анри, а также художника и теоретика изобразительного искусства Василия Кандинского. Подобный выбор не случаен. Каждый из них пытался понять сокровище в художнике творческое формо- и *смыслообразование с нуля* (О. Строева) и возвести опыт в теорию. Как известно, экзистенциалисты рассматривают творчество как один из экзистенциалов человеческого бытия. Феноменологи обращаются к сфере не только внешнего/видимого, но и внутреннего/невидимого, пытаясь описать суть тактик креативного сознания и выявить их черты. В этом же русле теоретизировал об искусстве и создавал полотна В. Кандинский, сосредоточив внимание на невидимых процессах сознания, обусловленных восприятием реальности, творческой переработкой материала и поиском способов его передачи в произведении искусства. Его беспредметная живопись есть появление *рода композиционного*, в котором «произведение возникает преимущественно или целиком "из художника"» [1]. Не случайно творчество В. Кандинского исследователь О. Строева называет *визуальной иллюстрацией феноменологии*. Абстрактная живопись пыталась передать невидимые алгоритмы творческого процесса. А. В. Ямпольская считает, что творчество В. Кандинского служит «парадигмальным примером явленности жизни» в ее рождении, позволяя пережить ситуацию появления нового [2]. Создав особый язык живописи, В. Кандинский изобразил «"эйдосы" из области трансцендентального поля чистого "я"» [3, с. 169], продемонстрировав наполнение материи (видимого) духом (невидимым) [4]. Опираясь на теорию экзистенциализма, феноменологии и взгляды теоретизирующего художника В. Кандинского, осуществим реконструкцию творческого процесса как (незримой для Других) феноменологической субстанции/феномена-субстанции [5], в результате чего появляется произведение искусства.

Результаты исследования и их обсуждение. Начнем с того, что *искусство витально* [6] и способно отразить всю многообразную палитру человеческого существования посредством художе-

ственных средств. Даже фантастическому сюжету и образу присуща связь с действительностью, а в реалистическом сюжете присутствует определенная доля воображаемого творцом. Ж.-П. Сартр подчеркнул, что «всякое воображаемое появляется "на фоне мира", и наоборот, всякое схватывание реального в качестве мира подразумевает скрытую возможность превзойти его в направлении к воображаемому» [7, с. 308]. Произведение создается творцом, исходя из его жизненного мира и горизонта. Как гласит хайдеггеровский тезис, *в художнике исток творения* [8]. Любые художественные миры и измерения, демонстрируемые в шедевре, созданы человеком и связаны с его личным переживанием мира. Гений, оказываясь носителем приобретаемых в бытии эмоций, знаний и опыта, воплощает их в своих произведениях. Как справедливо замечает О. А. Кривцун, «возможность опосредованной передачи объективнореального через художественно-человеческое — выдающаяся способность искусства, питающая к художественному творчеству неослабный интерес» [6, с. 169].

Включенный в жизнь художник представляет собой восприимчивую личность. Для творца жизнь связана с впечатлениями, восприятиями и *импрессиональными переживаниями*, формирующими содержание (не)мыслимого/(не)зримого/(не)слышимого. Само «импрессиональное явлено интенциональности как содержание», потому что «импрессия заключает в себе сущность жизни» [9, с. 28, 31]. Восприятие жизни сопровождается не только переживанием событийности, но и само-переживанием себя-в-бытии, развивая субъективность. Жизнь творца, погруженного в жизненный поток и в себя, являет *абсолютную субъективность* как непосредственное само-переживание. Оно свидетельствует об интенциональности и направленности сознания на Я и его бытие в мире. Для художника переживания жизненных эпизодов оказываются довольно действенными. Они определяют внутреннюю жизнь творца и способствуют индивидуальному творческому процессу. По мнению В. Кандинского, открытость жизни и ее созерцание можно считать *внешним условием* творческого процесса.

Жизненный поток способствует накоплению и осмыслению разнообразного опыта и впечатлений, благодаря которым осуществляется не только *приход к Я*, но и субъективное видение всего, что *кажет/экспонирует/выставляет себя* в бытии. Жизнь впечатляет художника феноменами/личностями/событиями/ситуациями, дающими увидеть себя. Творческая свобода «позволяет услышать дух», «с необычайно *силой* обнаруживаемый... в предметах» [10]. Взгляд художника осуществляет попытку внутренней фиксации *текущей современности* (З. Бауман), а его «бодрствующее сознание, бодрствующая жизнь есть жизнь-навстречу, жизнь от Теперь навстречу новому Теперь» [11, с. 119]. Импрессиональные переживания есть реакция на конкретно происходящее в обозримом пространстве личности — на Теперь как *здесь-и-сейчас-свершаемое*. Другое дело, что *здесь-и-сейчас-свершаемое* постоянно становится прошедшим временем, что затрудняет точную фиксацию впечатлений и эмоций того, что *здесь и уже-не-здесь*. В этом аспекте мы сталкиваемся с проблемой постоянно ускользающего Нечто (Теперь/*здесь-и-сейчас-свершаемое*) в Ничто. Очевидность творца оказывается точечной, исчезающей в потоке времени: все мыслимое и чувствуемое (видимое, слышимое, осязаемое) художником пропадает в небытии.

Но творец в своем потоке сознания выделяет и фиксирует потрясающий его момент, а также связанные с ним импрессиональные переживания, задевающие сердцевину Я. Творец спонтанно/осознанно выхватывает определенный объект и (мгновенно/постепенно) проникает в его сущность, воспринимая (не)мыслимое/(не)видимое/(не)слышимое. При этом «вещи целиком меняются в зависимости от того, погружены ли они в пафós жизни, где сами по себе не видимы никогда, или, напротив, находятся прямо перед взором» [9, с. 12]. Вглядывание/вслушивание/вчувствование художника в объект оказывается многогранным и многоаспектным. Творец, погруженный в жизненный поток, видит «не вещь в ее наличном (в-себе) бытии», а «вещь, готовую к тому, чтобы быть увиденной, беременную — и принципиальным образом, и фактически — всевозможными точ-

ками зрения, из которых и можно ее увидеть» [12, с. 182]. Проникновение в объект субъективно, и это всегда проекция только взгляда творца. К бытию он «приближается, только ощупывая его взглядом», а объекты в нем воспринимаются *окутанными и одетыми взглядом* [12, с. 196], то есть его *субъективным видением*. Наблюдая эпизод бытия, художник пытается удержать в памяти созерцаемое, у(о)хватить его своим взглядом и зафиксировать впечатления, уходящие каждое мгновение в прошлое. Забота художника заключается в том, чтобы созерцаемое им оказалось усмотренным, породив адекватную мысль.

Эмоциональная включенность в бытие позволяет прочувствовать проживаемое, мыслимое/видимое/слышимое в нем, раствориться в феноменах/личностях/событиях/ситуациях, осуществить мысленный перенос происходящего с позиций своего Я и открыть/познать немислимое/невидимое/неслышимое, ощущаемое субъективно/интуитивно. При этом творец в сознании экспериментирует даже с негативным/чуждым, примеряя к себе. Растворение в жизни подразумевает *расщепление, разрушение, рассеяние* Я в переживаемом и вместе с ним. Художник в своем (сокрытом от Других) эмоциональном созерцании увиденного/услышанного впечатляется не только внешними формами, но и мысленно проникает внутрь феномена/личности/события/ситуации, открывая их потаенную/незамечаемую жизнь/суть, что и позволяет уловить немислимое/невидимое/неслышимое. Творец оказывается в *онто-онтологическом объятии* жизни (М. Анри). Для него все сущее живет собственной жизнью, дает возможность увидеть/услышать себя и перенести собственное Я на увиденное/услышанное, что способствует не только переживанию, но и «пониманию реальности и самопониманию этого понимания» [9, с. 13].

Переживание потока жизни и помысленного/увиденного/услышанного в нем, связанное с интенциональностью, свидетельствует о внутренней активности художника. Заинтересовавшись объектом, он старается не упускать из вида мельчайших деталей его бытия. Между творцом и созерцаемым им завязывается определенная фундирующая связь, что позволяет впо-

следствии сконструировать новую реальность — художественный мир, *то, чего еще нет*. Существование творца благодаря включенности в жизненный поток позволяет схватыванию (не)мысленностей/(не)зримостей/(не)слышимостей. Художник черпает из жизни впечатления, обладающие реалистическим или абстрактным модусом. Между ними «располагается множество комбинаций разных созвучий абстрактного с реалистическим» [10], но все они ведут к одной цели — созданию произведения.

Одновременно с субъективным восприятием творец обладает свойством видеть универсальность бытия и метаонтологическую реальность, которая «принципиально ненаблюдаема ни в непосредственном чувственном опыте, ни в приборно вооруженном восприятии», постигаясь только умозрительным путем [13] или интуитивно. Вопрошания о *чтойности* бытия или его отдельных аспектах, осмысляемых в сознании художника, расширяют его горизонты. Творец начинает понимать, что «мир звучит», «он — космос духовно воздействующей сущности» и «такова мертвая материя живого духа» [10]. Гений обнаруживает бытие, нередко ненаблюдаемое всеми, а значит относимое к Ничто. Присущая сознанию творческая функция раскрывает перед художником *иное пространство* — мир его образов, и художник смело делает шаг к нему. Субъективность творческого акта всегда соизмеряется с объективностью. Неслучайно произведение искусства «в состоянии соперничать с жизнью в любом ее обличье» [6, с. 172].

Впечатления и связанные с ними импрессиональные переживания, играя роль гиле (в гуссерлианском понимании — *сырой материал переживаний*), перерабатываются *сознанием творца*. Сознание совмещает в себе *импрессионально-аффицированную* (М. Анри), интеллектуальную и креативную модальности. Согласимся с тезисом Ж.-П. Сартра, что «воспринимать, понимать, воображать — таковы на самом деле три типа сознания, посредством которых нам может быть дан один и тот же объект» [7, с. 58]. Обратим внимание, сознание гения интенционально: в нем «представлять означает представлять-как», «"явить" означает "явить-как", открыть являемое в его бытии и сказать, что это такое, то

есть придать ему смысл» [9, с. 153, 28]. Данный факт позволяет М. Анри охарактеризовать сознание как *смыслодающее*, рождающее идею/концепт произведения в результате восприятия, понимания и воображения витального материала. Сознанию художника необходимы впечатления и эмоции от феномена/личности/события/ситуации, элементами которых оно начинает играть, рождая впоследствии содержание и художественную форму. Воспринимающее сознание находится в движении: оно «не только выпускает из своего взгляда Только-что-бывшее... но и переходит от Теперь к Теперь и идет ему навстречу, предвосхищая» [11, с. 119], одновременно удерживая уже не-Теперь. Сознание творца активно: оно представляет собой «сознание изменения импрессии в ретенцию, в то время как здесь постоянно снова присутствует импрессия» [11, с. 131]. Творец живет страстно, пытаясь зафиксировать постоянно ускользящее от его оптики внимания *здесь-и-сейчас-свершаемое*.

Творец в своем сознании внимательно всматривается в *здесь* и *уже-не-здесь* и/или воображаемое на основе *уже-не-здесь*, видимое только его внутреннему взгляду. В сознание постоянно поступают импрессиональные переживания, подвергающиеся переработке. Этот внутренний невидимый процесс довольно сложен и напряжен. По М. Анри, получаемый художником материал/гиле дается ему дважды: первый раз феномен/личность/событие/ситуация воспринимается как *способ данности / само данное*, второй раз — «первое данное, которое всегда уже дано и предпослано, дается... в интенциональности и посредством нее» [9, с. 26]. К процессу подключаются собственное видение и воображение, что стирает различие между данным и субъективно воспринятым. Существует раскол между начальными впечатлениями и их модификациями, рождаемыми в результате интенсивной работы сознания. Безусловно, художник пытается придерживаться того, что он реально мыслит/видит/слышит, но воображение и импрессия увлекают его, рождая отклонения от конфигураций феномена/личности/события/ситуации.

Воспринимая окружающий мир через впечатления и эмоции, творец выстраивает ноэватический коррелят, выводимый впоследствии в очевидность. Происходит метаморфоза: являемое как объективность предстает в его сознании и затем в творении в качестве являемого как субъективность. Как справедливо заметил О. А. Кривцун, «в самой природе художественного означивания таится секрет овладения художника окружающим миром» [14], указывая на субъективность видения. В этом отношении можно говорить об определенной *трансцендентальности* творца, в которой его интенциональность выходит за пределы реальности, его сознание достраивает мыслимое/видимое/слышимое, а мысль оказывается экстатичной. Трансцендентальность есть внутреннее движение сознания личности, в котором фиксируются и обрабатываются акты впечатлений и импресии, мысленно конституируются представления об объекте искусства — феномене/личности/событии/ситуации, что отражается на переживании самого сознания. Художник в акте творения в своем сознании оказывается вне реальности, за пределами усматриваемого и схватываемого. Как справедливо заключает М. Анри, «сознание, изначально дающее реальное бытие в настоящем, не дает ничего реального, не дает реальности импресии, выбрасывает ее в ирреальность» [9, с. 39]. Внутреннее видение выводит творца за пределы присутствия и видимого, приводя к еще-невидимому.

Трансцендентная жизнь художника субъективна и развертывается в себе, перед взглядом сознания. Художник в сознании одновременно разъединяется от бытия и соединяется с ним. Он обладает способностью к внутреннему расщеплению и самотрансцендированию. Творец в своем сознании раздваивается, оставаясь собой и сливаясь с воображаемо-(до)мысли(вае)мым феноменом/личностью/ситуацией/событием как в бытии подле них и с ними. Он в своем творческом видении удваивает мир, наслаивает мысленное/виденное/слышимое на воображаемое (еще немысленное/невиденное/неслышимое). В подобном раздвоении внутри творческого процесса переплетаются *далекое и близкое, там и здесь, внешнее и внутреннее, общее и единичное, чужое и свое*, что

являет некое единство. Для творца в мыслительных операциях сознания о впечатляемой реальности происходит движение в ее плоть и открывается незримое измерение. В этой невидимой жизни художник постоянно расширяет границы в Ничто, что позволяет «услышать новые откровения духа» [10]. Его трансцендентальный опыт свидетельствует о разомкнутости в сознании границ внутреннего и внешнего мира, их взаимопереходах друг в друга. Сам художник вследствие раздвоенности сознания живет в пограничной зоне между «миром объективации, детерминизма, отчужденности, вражды, закона» и «миром духовности, свободы, любви, родственности» [15], свободно переходя между ними. Трансцендентальность сознания творца не усматривается окружающими людьми, отсутствует в реальности. Она есть Ничто. Но субъективная трансцендентальная жизнь сознания творца объективируется в творении, переводя Ничто как возможность в Нечто как реальность.

Обратим внимание еще на один компонент творчества — *воображение*. Оно в процессе обработки материала помогает не только восстановить и воспроизвести детали уже отсутствующего/неданного, но и домыслить многое перед взглядом сознания. Работа воображения художника представляет акт довольно противоречивый, включающий в себя конституирующий, изолирующий и уничтожающий компоненты. Воображение соотносено с объектом и отнесено к *трансцендентальному* (по Ж.-П. Сартру, оно есть *трансцендентальное условие сознания*). В творческом процессе воображение способствует изоляции объекта произведения искусства как своеобразной трансцендентальности и достраиванию забытого/некачественного/неудовлетворяющего в нем, что свидетельствует об определенной *неантизирующей* способности. Заметим, творческий процесс начинается с Ничто/ничтожения как создания нового, результатом чего является реально-воображаемый объект, рождающийся в Ничто сознания. Художественный объект «должен включать в свою структуру ничтожащее положение», «он несет в себе двойное отрицание: он есть вначале ничтожение мира (поскольку он не есть мир, кото-

рый давал бы в настоящем в качестве действительного предмета восприятия предмет, рассматриваемый в образе), затем — ничтожение предмета образа (поскольку он полагается как нереальный) и тут же ничтожение самого себя (поскольку он не является конкретным и полным психическим процессом)» [16, с. 63]. Как мы отмечали, объект, видимый и мыслимый художником, субъективен. Вследствие этого в художественном творении присутствуют черты, отличные от действительности и восприятия другими людьми.

Особую роль в творческом процессе при охваченности впечатлениями и импрессиональными переживаниями играет *творческая интуиция* автора. Она не только поставляет информацию о (не)мыслимом/(не)зримом/(не)слышимом, но и интенсивно работает с ней, свободно комбинируя различные ее элементы, что рождает совершенно новое. Художник мысленно и/или в черновиках осуществляет наброски будущего произведения, постоянно переставляя его составляющие. В осуществлении выбора лучшего ракурса/композиции/звучания ему помогает интуиция.

В творческом процессе благодаря функционированию сознания, подключения к нему воображения и интуиции расширяются не только границы пространства, но и времени. У творца происходит совмещение прошлого, настоящего и будущего, истории и современности: «прошлое "осовременивается" в сознании через интенцию *воспоминания*», «"осовременивается" и будущее через интенцию *ожидания*», «*реальным* оказывается текучесть извечно настоящего, данного... во всей полноте горизонта» [17, с. 129–130]. Вся бесконечная полнота бытия (его бывших/настоящих/будущих свершений) стягивается в сознании в единое поле, служащее основой создания произведения.

Творец в своем сознании, стимулируемом эмоциями, воображением и интуицией, играет с реальным, идеальным, еще-несуществующим, (не)мыслимым, (не)зримым, (не)слышимым. Находясь в потоке сознания, художник переживает реальность в особом, художественном измерении, выходя в трансцендентальность и выворачивая *субъективность наизнанку* (Э. Левинас). Тво-

рец буквально овладевает привлекая его внимание феноменом/личностью/событием/ситуацией и начинает конституировать (не)мыслимое/(не)зримое/(не)слышимое. Его импрессиональные переживания, воображение и интуиция формируют смысл и структурируют хаос гиле в художественный текст, приводя гения в сферу поэзиса [5].

Впечатления, импрессиональные переживания, воображение и интуиция оказываются основанием для нозматического акта. Рано или поздно *заговорившее чувство* в сознании (В. Кандинский) приведет художника от мысленного конструирования к реальному творческому процессу. При этом для художника важен *срок созревания идеи/концепции*. В крайней своей стадии созревания творческий дух становится «источником страстного томления, внутренней взволнованности» [10]. В этот момент, по В. Кандинскому, *зов творческого духа как внутреннего условия* творческого процесса выступает побудителем к деятельности. Хаос импрессиональных переживаний и интуиций в сознании художника — исток будущего порядка и гармонии. Внутреннее накопление силы творческого духа и вызревание идеи приводит к началу творческого процесса, в котором художник облекает обдуманый/переработанный в сознании материал в форму. В художественном процессе создания произведения увиденная и прочувствованная творцом материя облекается в форму. В процессе создания осуществляется метаморфоза преобразования гиле в морфе, аморфной стихии бытия/(не)видимости мира в художественную явленность. «Видимому требуются особые условия, чтобы войти в это поле видимого, и условия отличаются невидимой сущностью» [4]. Материя жизни, схваченная взглядом творца, дается ему для интенционального формирования, чтобы в итоге быть явленной в произведении. Сознание художника начинает увиденные/воображаемые реальности организовывать в художественный мир. Посредством сознания художник конституирует «некий мир, объекты которого полностью подобны объектам внешнего мира, но просто подчиняются иным законам» [7, с. 56]. Гиле жизни обрабатывается сознанием художника в единстве чувственности и

рациональности, интуитивности и логичности и благодаря интенциональности, обретая форму, *про-двигается в свет*, оказываясь *от-брошенным от собственного бытия* и *вы-брошенным вовне*, в *оче-видность* — из ничтожного в нечто, в произведение (*про-из-ведение* как внешнее формирование действия из среды). Материал из сокрытого, *от-брошенного в Ничто*, в результате интенсивной обработки сознанием художника, оказывается *вы-брошенным в Нечто*, роль которого играет *про-из-ведение* искусства. Вследствие этого феномен/личность/событие/ситуация, зафиксированные в творении, дают себя увидеть, становясь явленными бытию.

В процессе творения как сказывании художник выносит собственное видение еще-не-бывшего бытия в мир. Ничто/*еще-не-существующее-произведение-искусства* постепенно превращается в *Нечто/уже-существующее-произведение-искусства*. Другое дело, что сказывание может осуществляться и посредством пространств, линий и точек, как в живописи В. Кандинского, выразившего таким образом свое постижение сущего и его рождение в искусстве. «Предмет в его живописи "растворяется"», что позволяет появиться образу-картине, где акценты расставляются на композиции и цвете, отражающих духовную сущность внутреннего рождения [4]. В этом заключается уникальность творения. Субъективность импрессии и гиле влияют на материальные конститuenty, предписывая форме определенную модальность. Как подчеркнул В. Кандинский, форма как «внешнее выражение внутреннего содержания» обладает индивидуальным голосом — душой, которая у каждого творца и произведения неповторима: «дух отдельного художника находит свое отражение в форме», которая «несет на себе отпечаток *личности*» [10]. Индивидуализация художественного текста, его формальная и содержательные константы связаны с импрессией, характерной для Я.

Произведение искусства демонстрирует результат функционирования сознания, квинтэссенцию осмысленного/увиденного/услышанного и творчески переработанного им. Произведение представляет художественный способ *само-*

откровения жизни, ее сущности и истины. Детище творца из-за субъективности восприятия и преобразований материала реального являет собой художественное *существование без существующего, невозможный объект опыта* [18, с. 173]. Само рождение шедевра есть определенный разрыв бытия, из глубин Ничто которого появляется произведение искусства. Как заметил М. Хайдеггер, творческий процесс приводит «сущее... к разрыву и расколу» [8, с. 185]. Художник изымает из сущего объект и затем в художественной форме заполняет разрыв, произведенный им. Содержание произведения нередко не отражает в полном объеме действительность. В своем произведении художник демонстрирует еще *немыслимое/невидимое/неслышимое Другими*, являя внутреннюю реальность и умопостигаемую им эмоциональность объекта (феномена/личности/ситуации/события). Объект в художественном творении есть «просветляющая середина», которая «окружает все сущее, кружа вокруг сущего, как ничто, которое мы почти не ведаем» [8, с. 161]. Даже если творец относится к реалистическому направлению искусства, его произведение заново *переоткрывает* мир для воспринимающих, заставляя по-иному взглянуть на привычное/уже-мыслимое/уже-виденное/уже-слышимое, приобретшее художественную форму.

Логос, извлеченный творцом из бытия (укрытия), оказывается в произведении искусства несокрытым, давая себя увидеть, принять и понять. Сам шедевр демонстрирует художественный способ доступа к сути объекта, а если брать шире — к сути бытия. Текст, показывая жизнь в само-явлении, открывает доступ к постижению Я/творца/бытия. Все ускользающее от взора обывателя в повседневности оказывается запечатленным и разворачивающимся в сказывании творца. При этом художник в своем тексте демонстрирует знание жизни, помогая читателю/зрителю/слушателю через художественное воздействие и переживание прикоснуться к нему. Откровение творца в тексте вызывает переживания со стороны публики, открывающей нечто новое для себя. Благодаря переживанию аффектов зрители приобщаются к разнообразным сторонам бытия, постигая природу жизни и ее явлений, осуществляя

самоидентификацию и социализацию. Другое дело, что творение художника не всегда находит отклик у воспринимающих его. По справедливому замечанию В. Кандинского, «новая ценность очень медленно покоряет себе людей» [10]. Тем не менее адресат «должен идти за художником, он не должен опасаться того, что его ведут ложной дорогой» [10]. Воспринимая произведение искусства, он испытывает от него не только внешнее воздействие, но и внутреннее, в котором проступают голос творца/бытия и аура произведения искусства.

Заключение. Главным действующим лицом при создании произведения искусства становится творец. Побудительными импульсами к творению художественного текста выступают встроенность в жизненный поток, многочисленные впечатления и импрессиональные переживания, воображение и интуиция о сущем. Благодаря им художник в своем сознании размыкает границы бытия, смешивает временные пласты и впечатления, выходя в особое, трансцендентальное измерение, способствующее появлению художественного мира. В сознании творца происходит интенсивная работа всем полученным материалом и его компонентами, в том числе воображаемыми, рождая новые модусы (не)мыслимого/(не)зримого/(не)слышимого. Перечисленное инициирует высказывание художника в творческом процессе, в результате которого Ничто/еще-не-существующее трансформируется в Нечто/уже-существующее в виде произведения искусства, приобретая форму, содержание и смысл. Само произведение искусства, не затерявшееся во времени и пространстве, оказывается *вечным настоящим Жизни, ее живым Настоящим* (М. Анри), укрывающая секреты создания и особенности творческого процесса.

Список источников

1. Кандинский В. Ступени. Текст художника. М.: Отдел изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению, 1918. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000043_435?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 19.02.2023).
2. Ямпольская А. В. Революция в искусстве: эстетическая теория Кандинского в интерпретациях Мишеля Анри и Анри Мальдине // Einai: Филосо-

фия. Религия. Культура. 2016. № 1–2 (9–10). С. 107–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28350845> (дата обращения: 19.02.2023).

3. Строева О. Искусство и философия. Удивительные параллели, необычные интерпретации. СПб.: Страта, 2019. 260 с.

4. Малинина Н. Л. Антиномии видимого и невидимого в художественном образе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25026880> (дата обращения: 19.02.2023).

5. Кутырев В. А. Бытие человека в постчеловеческом мире (Пролегомены к философии феноменологического субстанциализма) // Философия и культура. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytie-cheloveka-v-postchelovecheskom-mire-prolegomeny-k-filosofii-fenomenologicheskogo-subshtantsializma> (дата обращения: 19.02.2023).

6. Кривцун О. А. Витальность искусства как тема человекомерности творчества // Человек. 2022. Т. 33. № 4. С. 165–181. DOI: 10.31857/S023620070021633-3

7. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. СПб.: Наука, 2001. 319 с.

8. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический Проект, 2008. 528 с.

9. Анри М. Материальная феноменология. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.

10. Кандинский В. К вопросу о форме. URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/siniy-vsadnik14.html> (дата обращения: 19.02.2023).

11. Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени // Э. Гуссерль. Собрание сочинений. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. 162 с.

12. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.

13. Анисов А. М. Формальная метаонтология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Vol. 21. № 2. С. 166–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnaya-metaontologiya> (дата обращения: 19.02.2023).

14. Кривцун О. А., Беспалов О. В., Проклов И. Н. и др. Витальность искусства: подходы к исследованию // Художественная культура. 2021. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/vitalnost-iskusstva-podhody-k-issledovaniyu> (дата обращения: 19.02.2023).

15. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Berdyayev-NA/o-rabstve-i-svobode-cheloveka-1939.html> (дата обращения: 19.02.2023).

16. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. 925 с.

17. Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М.: Академический проект, 2010. 206 с.

18. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.: Университетская книга, 2000. 416 с.

References

1. Kandinskii V. *Stupeni. Tekst khudozhnika* [Steps. Artist's text]. Moscow, Publication of the Department of Fine Arts of the People's Commissariat for Education, 1918. Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000043_435?page=1&rotate=0&theme=white (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
2. Iampol'skaia A. V. Revolution in Art: Kandinsky's Aesthetic Theory interpreted by Michel Henri and Henri Maldinet. *Einai: Filosofii. Religii. Kul'tura* [Einai: Philosophy. Religion. Culture], 2016, no. 1–2 (9–10), pp. 107–118. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28350845> (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
3. Stroeveva O. *Iskusstvo I filosofii. Udivitel'nye paralleli, neobychnye interpretatsii* [Art and philosophy. Amazing parallels, unusual interpretations]. St. Petersburg, Strata, 2019. 260 p. (In Russ.)
4. Malinina N. L. Antinomies of the visible and invisible in the artistic image. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education], 2015, no. 2–3. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25026880> (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
5. Kutyrev V. A. Human Existence in the Posthuman World (Prolegomena to the Philosophy of Phenomenological Substantialism). *Filosofii i kul'tura* [Philosophy and culture], 2017, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytiecheloveka-v-postchelovecheskom-mire-prolegomeny-k-filosofii-fenomenologicheskogo-substantsializma> (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
6. Krivtsov O. A. The vitality of art as a theme of the human dimension of creativity. *Chelovek* [Human], 2022, Vol. 33, no. 4, pp. 165–181. DOI: 10.31857/S023620070021633-3 (In Russ.)
7. Sartr Zh.-P. *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaiia psikhologiiia vospriiatiiia* [Imaginary. Phenomenological psychology of perception]. St. Petersburg, Nauka, 2001. 319 p. (In Russ.)
8. Khaidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniia* [The source of artistic creation]. Moscow, Academic Project, 2008. 528 p. (In Russ.)
9. Anri M. *Material'naia fenomenologiiia* [Material phenomenology]. St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2016. 208 p. (In Russ.)
10. Kandinskii V. *K voprosu o forme* [To the question of the form]. Available at: <http://www.kandinsky-art.ru/library/siniy-vsadnik14.html> (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
11. Gusserl' E. *Lektsii po fenomenologii vnutrennego soznaniia vremeni* [Lectures on the phenomenology of the inner consciousness of time]. Gusserl' E. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Of vol. 1. Moscow, Gnosis, 1994. 162 p. (In Russ.)

12. Merlo-Ponti M. *Vidimoe I nevidimoe* [Visible and invisible]. Minsk, Logvinov, 2006. 400 p.
13. Anisov A. M. Formal meta-ontology. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2017, vol. 21, no. 2, pp. 166–178. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnaya-metaontologiya> (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
14. Krivtsun O. A., Bupalov O. V., Proklov I. N. i dr. The vitality of art: approaches to research. *Khudozhestvennaia kul'tura* [Artistic culture], 2021, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vitalnost-iskusstva-podhody-k-issledovaniyu> (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
15. Berdiaev N. A. *O rabstve I svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoi metafiziki* [About slavery and human freedom. The experience of personalistic metaphysics]. Available at: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Berdyayev-NA/o-rabstve-i-svobode-cheloveka-1939.html> (accessed 5.01.2023). (In Russ.)
16. Sartre Zh.-P. *Bytie I Nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness: The Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow, AST, 2009. 925 p. (In Russ.)
17. Svas'ian K. *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedeutika i kritika* [Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism]. Moscow, Academic Project, 2010. 206 p. (In Russ.)
18. Levinas E. Totality and the Infinite. Levinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Favourites. Totality and the Infinite]. Moscow, University Book, 2000. 416 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Яковлева Елена Людвиговна

Elena L. Iakovleva

доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань

Doctor of Philosophy Sciences, Candidate of Culture Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Россия, 420111, РТ, Казань, ул. Московская, 42

Kazan, Russia 42, Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication 21.05.2023

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК УДК 37.064

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-120>

Концептуальные подходы к исследованию профилактики агрессии

**Олег Михайлович Овчинников¹, Елена Евгеньевна Горина²,
Юлия Витальевна Юрова³**

^{1,2,3} Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
ВЮИ ФСИН России, Владимир, Россия

²elena-eegor@yandex.ru

***Аннотация.** Вопрос воспитания молодежи является важным фактором внутренней безопасности страны. В последние годы участились случаи агрессивного поведения молодых людей — учащихся образовательных организаций общего и профессионального образования. Специфичность объекта воспитания обуславливает необходимость выработки*

© Овчинников О. М., Горина Е. Е., Юрова Ю. В., 2023

концептуальных подходов к решению проблемы профилактики агрессии. При этом педагогика опирается на парадигмы, выработанные другими научными направлениями. Указанное подчеркивает актуальность выбранной темы. Целью исследования стало обоснование авторского подхода профилактики агрессии, выработанного на основе проведенного анализа существующих теоретических парадигм.

Наукой наработана значительная теоретико-методологическая база изучения агрессии и ее профилактики. Феномен агрессии исследуется представителями различных научных школ: психологии, педагогики, социологии и др. Педагогика активно использует результаты научных разработок психологии и социологии в этой сфере, при этом многие проблемы, связанные с профилактикой агрессии, могут быть решены именно в рамках педагогической науки.

Для реализации поставленной цели были выбраны соответствующие методы исследования. Авторами статьи проведен анализ имеющихся зарубежных и отечественных концепций профилактики агрессии. Особое внимание уделено раскрытию понятия «агрессия» и анализу педагогического подхода к изучению данного феномена. При построении авторской теоретической модели был использован метод неформализованного интервью.

Теоретическая и практическая значимость заключается в анализе существующих подходов к изучению агрессии и ее профилактики, выработанных различными научными направлениями, анализе педагогического подхода и построении собственной теоретической модели, которая может быть положена в основу разработки программ профилактики агрессивного поведения подростков.

Авторами статьи предложен ассертивно-филантропоцентричный подход, использование которого при разработке программ профилактики агрессии подростков предлагает формировать у школьников положительные социальные практики, в том числе через включение несовершеннолетних в различные благотворительные проекты.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, подросток, профилактика агрессии, превенция, предупреждение, междисциплинарные исследования, безопасность в образовательных учреждениях

Для цитирования: Овчинников О. М., Горина Е. Е., Юрова Ю. В. Концептуальные подходы к исследованию профилактики агрессии // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 120–137. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-120>

Conceptual Approaches to the Prevention of Aggression Study

Oleg M. Ovchinnikov¹, Elena E. Gorina², Julia V. Yurova³

^{1,2,3} Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovy,

VLI of the FPS of Russia, Vladimir, Russia

²elena-eegor@yandex.ru

Abstract. *The issue of educating young people is an important factor in the internal security of the country. In recent years, cases of aggressive behavior of young people — schoolchildren, students — have become more frequent. The specificity of the subject of education makes it necessary to develop conceptual approaches to solving the problem of preventing aggression. At the same time, pedagogy should be based on paradigms developed by other scientific directions. This emphasizes the relevance of the chosen topic. The purpose of the study was to substantiate the author's approach to the prevention of aggression, developed on the basis of an analysis of existing theoretical paradigms.*

Science has developed a significant theoretical and methodological base for the study of aggression and its prevention. The phenomenon of aggression is investigated by representatives of various scientific schools: psychology, pedagogy, sociology, etc. Pedagogy actively uses the results of scientific developments in psychology and sociology in this area, while many problems related to the prevention of aggression can be solved precisely within the framework of pedagogical science.

To achieve this goal, appropriate research methods were chosen. The authors of the article analyzed the existing foreign and domestic concepts for the prevention of aggression. Particular attention is paid to the disclosure of the concept of "aggression" and the analysis of the pedagogical approach to the study of this phenomenon. When building the author's theoretical model, the method of informal interviews was used.

Theoretical and practical significance lies in the analysis of existing approaches to the study of aggression and its prevention, developed by various scientific areas, the analysis of the pedagogical approach and the construction of its own theoretical model, which can be the basis for the development of programs for the prevention of aggressive behavior of adolescents.

The authors of the article proposed an assertive and philanthropic approach, the use of which in the development of programs for the prevention of teenage aggression proposes to form positive social practices among schoolchildren, including through the inclusion of minors in various charitable projects.

Keywords: *aggression, aggressive behavior, teenager, prevention of aggression, obviation, debarment, interdisciplinary studies, safety in educational institutions*

For citation: Ovchinnikov O. M., Gorina E. E., Yurova Ju. V. Conceptual Approaches to the Prevention of Aggression Study. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 3: 120–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-120>

Введение. В последнее время участились случаи проявления агрессии среди подростков, которые вызывают широкий общественный резонанс. К примеру, массовые убийства, которые произошли 11 мая 2021 года в гимназии № 175 г. Казани и 20 сентября 2021 года в Пермском государственном университете. Данные события можно характеризовать целым рядом аспектов. Во-первых, жестокая расправа совершена в отношении школьников и студентов непосредственно в учебных заведениях. Во-вторых, субъектом преступления являются лица в возрасте 18–19 лет, при этом на момент совершения преступления они или обучались в указанных учебных заведениях, или окончили их несколько лет назад. Все вышеобозначенное, безусловно, говорит об актуальности дальнейшего поиска концептуальных подходов решения проблемы профилактики агрессии различных групп населения в целом и молодежи в частности.

Данная цель становится невыполнимой без анализа существующей научной концептуальной базы изучения агрессии, который, в свою очередь, невозможен без решения ряда исследовательских задач: во-первых, выявления существующих научных направлений, объектом исследования которых стала агрессия и ее профилактика, во-вторых, определения сущности педагогического подхода к изучению профилактики агрессии и агрессивного поведения, в-третьих, на основе существующих концепций разработки авторской теоретической модели решения обозначенной проблемы.

Методы исследования, теоретическая база. Специфика исследования предопределила выбор методологии. Авторы статьи обращались к теоретическим методам научного познания: систем-

ный подход в совокупности с методом герменевтики и элементами педагогического моделирования позволили решить исследовательские задачи. Однако авторский подход к исследованию проблематики позволил также провести пилотажное исследование с использованием метода интервью.

Теоретической базой исследования выступили разработки представителей различных научных направлений [1–7; 9–14; 17–36]: анализировались концепции как зарубежных ученых, так и работы отечественных авторов.

Предложенный авторский подход позволит разработать программы профилактики агрессивного поведения подростков, что, несмотря на теоретический уровень педагогического исследования, говорит о наличии практической значимости работы.

Результаты исследования и их обсуждение. Понятие, причины, виды агрессии, особенности профилактики агрессивного поведения в настоящее время активно изучаются в рамках педагогической научной школы. Однако педагоги не были исторически первыми в данном вопросе. А учитывая междисциплинарность обозначенного предметного поля, педагогика активно использует разработки в первую очередь представителей психологии и социологии (хотя перечень научных направлений можно продолжить, включив в него, к примеру, биологию, криминологию). Соответственно, без изучения психологического и социологического подхода говорить о междисциплинарном исследовании на платформе педагогического знания не представляется возможным. По этой причине сначала необходимо провести анализ наработок по указанному вопросу в рамках соответствующих научных направлений.

Исторически первыми пристальное внимание данному феномену оказали именно представители психологической научной школы. Среди психологов в изучение проявлений агрессии наибольший вклад внесли: Р. Бэрн, Д. Ричардсон, А. Басс, Д. Доллард, Л. Берковиц, Б. Э. Торндайк, Дж. Уотсон и др.

Р. Бэрном и Д. Ричардсоном разработаны наиболее известные во всем мире работы по психологии агрессии, где даны определе-

ние и основы теории агрессии, методы систематического изучения агрессии, становление агрессивного поведения, социальные детерминанты агрессии, внешние и индивидуальные детерминанты агрессии.

По мнению А. Басса, агрессия представляет собой поведение лица, направленное на угрозу или причинение вреда другим. Он классифицировал агрессию по нескольким аспектам. В настоящее время психологами активно применяется тест-опросник Басса — Дарки, с помощью которого они определяют уровень агрессии и враждебности тестируемого.

Д. Доллард является основоположником фрустрационной теории агрессии, возникающей у лица при неосуществлении задуманного. Данного же подхода придерживался Л. Берковиц, особое внимание уделявший изучению личности преступника, которую подразделял на два вида: социализированную и индивидуальную.

Такие ученые, как Дж. Уотсон, Э. Торндайк, Б. Скиннер, Э. Толмен, являются представителями теории бихевиоризма, согласно которой агрессивная реакция человека возникает на основании различных факторов окружающей среды.

Отечественная психологическая школа также представлена значительным количеством работ, посвященных агрессии и агрессивному поведению, при этом анализировались различные виды агрессии, определялись психологические причины данного феномена. Именно психологи четко развели понятия агрессии как формы поведения и агрессивности как характеристики личности [7, с. 40].

Социологи в своих исследованиях также часто обращались к проблематике агрессии и агрессивного поведения. Рассмотрение феномена не через призму структуры личности, а через обусловленность конкретными социальными процессами и социальными явлениями позволило преодолеть недостатки, присущие психологическому рассмотрению проблемы.

Ярчайшим представителем в данном случае выступил Дж. Мид, основатель символического интеракционизма. Необходимо учитывать тот факт, что данная социологическая концепция относится к номиналистическим (микросоциологическим), что

обуславливает ее близость с психологическими концепциями. Однако в настоящее время активно развиваются также реалистические (макросоциологические) социологические концепции, позволяющие вырабатывать технологии использования агрессии, управления агрессией. Наиболее активно проблематика исследуется в рамках социологии конфликта (в частности, социологии войны), социологии девиантного поведения, социологии толпы и др.

Подобное пересечение социологии и психологии не является редкостью, зачастую предметная область лежит на пересечении двух парадигм, в связи с чем обосновано появление научных направлений, которые попытались синтезировать идеи обеих школ. Само появление номиналистических социологических теорий с одной стороны и социальной психологии с другой обусловили успешность междисциплинарных подходов.

Наиболее ярким примером в данном случае является Э. Фромм, который в своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» выделял два вида агрессии: доброкачественную, то есть ту, которая направлена на защиту своих интересов от постороннего посягательства, и злокачественную, основанную на желании личности подавить интересы другого лица. З. Фрейд создал теорию психоанализа, которая впоследствии стала основной для развития известнейшего научного направления в социологии — неофрейдизма: неофрейдисты анализировали вопросы агрессивного поведения в рамках созданных ими концепций.

Следует отметить, что вопросы профилактики агрессии в двух обозначенных парадигмах научного познания превалирующими не были. Проблемами профилактики агрессии заинтересовалась именно педагогическая научная школа, которая изначально стала осуществлять заимствование и переработку данных, полученных другими дисциплинами, с использованием собственного инструментария. Таким образом, в начале XX века к изучению агрессии подростков приступили известные педагоги-педологи [13, с. 40]. Прежде всего следует назвать таких ученых, как А. Б. Залкинд, А. С. Залужный, С. С. Моложавый.

Особое внимание А. С. Залужный и С. С. Моложавый уделяли детским дошкольным коллективам: по их мнению, коллектив существенным образом влиял на каждого его участника. При этом, по мнению А. С. Залужного, в любом коллективе каждый его представитель по истечении определенного периода времени занимает свое место, определяется лидер коллектива. В ходе проведенных исследований А. С. Залужный выделил четыре типа поведения: защитно-негативистическое, агрессивное, первично-социальное и коллективно-социальное [16]. Ученый определил, что агрессивное поведение с взрослением ребенка убывает, а социальное начинает преобладать.

При этом важно отметить, что педология — «направление в педагогике и психологии, ставившее целью объединить биологические, социологические, психологические и другие подходы к развитию ребёнка»¹, то есть педагоги изначально, поставив целью обобщить имеющиеся разработки коллег смежных направлений, были нацелены на междисциплинарность исследования проблем агрессии и агрессивного поведения.

Анализ значительного числа научных публикаций и диссертаций, разработанных в рамках педагогического научного направления, позволил сделать следующие выводы о современном состоянии педагогической науки в сфере исследования агрессии и агрессивного поведения:

- педагогическим научным направлением осуществляется активный поиск причин агрессивного поведения различных категорий детей и молодежи;
- осуществляется поиск методов профилактики агрессии ресурсами школы с привлечением возможностей семьи и различных общественных институтов;
- анализируются отдельные виды агрессии: множество публикаций посвящено проблемам вербальной агрессии детей и молодежи, активно в настоящее время исследуются проблемы виртуальной агрессии (через использование социальных сетей и т. д.);

---

¹ Педология: Педагогический терминологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/pedagogy_terms (дата обращения: 06.01.2023).

– разрабатываются методики профилактики агрессивного поведения дошкольников, школьников и студентов.

Данный перечень не является исчерпывающим, многогранность проблемы и ее актуальность обеспечили определенную полифоничность направлений изучения агрессии и ее профилактики педагогами. Однако наиболее актуальным остается мнение, в рамках которого педагоги реализуют технологичный подход, т. е. предлагают пути решения проблемы.

Авторов данной статьи интересовали возможности профилактики агрессии подростков в условиях средней школы. Было проведено пилотажное исследование с использованием метода интервью (в выборку включались учителя, психологи и социальные педагоги школ). Исследование носило качественный характер (количественные методы, а также метод педагогического эксперимента в настоящее время в процессе реализации). Задачей было получение первоначального среза причин агрессии школьников. По мнению опрошенных, причинами агрессии современных школьников являются:

- 1) влияние на психику ребенка виртуального мира, компьютерных игр, которые, как правило, носят агрессивный характер;
- 2) «бедный» внутренний мир школьника, причиной которого с учетом двухлетней пандемии стало отсутствие мероприятий как в школе, так и за ее пределами;
- 3) отсутствие контакта между родителями и детьми, отсутствие со стороны родителей необходимого количества внимания к своим детям, неправильное семейное воспитание;
- 4) гипертрофированные запросы у ряда детей, которые не могут быть удовлетворены государством с учетом их личных умений, навыков, образования и воспитания;
- 5) появление вредных привычек в раннем возрасте;
- 6) наличие отрицательного примера в семье, когда один или оба родителя ведут себя агрессивно в быту;
- 7) защитная реакция на негативные действия;
- 8) стремление ребенка стать лидером, авторитетом за счет отрицательных поступков;

9) влияние средств массовой информации, которые распространяют отрицательные сведения об окружающей действительности;

10) ответная реакция на отсутствие возможности реализации своих прав и на требования исполнить свои обязанности;

11) отсутствие серьезных форм ответственности за допущенное нарушение.

В основе профилактики агрессивного поведения, по мнению опрошенных учителей, должно лежать:

1) повышение качества семейного воспитания (с детства необходимо уделять своим детям должное внимание и читать детям добрые сказки);

2) необходимость проведения внеурочных мероприятий (экскурсий, выездов, вечеров), что в условиях пандемии стало реальной проблемой.

В настоящее время, по мнению респондентов, остро стоит вопрос недостатка времени, уделяемого воспитанию ребенка родителями по причине высокой занятости по месту работы. При этом ситуация осложняется тем, что отсутствуют общественные организации, которые смогли бы объединить людей на основе определенных жизненных смыслов, как это происходило в советский период (пионеры, октябрята, комсомольцы).

В связи с этим авторы данной статьи предлагают решать проблему профилактики агрессии подростков при реализации ассертивно-филантропоцентричного подхода.

В основе данного понятия лежат два других:

– ассертивность как форма положительного поведения, возможность решения собственных проблем путем одобряемых в социуме практик;

– филантропия как вид деятельности человека, означающий предоставление безвозмездной помощи другим (людям, животным).

Следует отметить, что включение в благотворительность с целью формирования определенных навыков не является для пе-

дагогике чем-то новым. Зачастую оно используется в профессиональной педагогике: к примеру, в процессе профессионального становления студентов таких специальностей, как социальная педагогика, социальная работа [8, с. 48; 15, с. 107].

При выстраивании внеклассной работы с подростками в условиях школы следует ориентироваться на формирование у подростков положительных практик преодоления фрустрационной агрессии. В основе подхода должны лежать «научение» несовершеннолетнего добру, формирование ценности положительного поведения в школьной среде. При этом данные задачи могут эффективно решаться путем включения школьника в различные виды благотворительной деятельности, через которую подросток приобретет опыт помощи другим, получив за это определенное социальное одобрение.

Заключение. Делая выводы, следует сказать, что наукой наработана обширная теоретико-методологическая база изучения агрессии и ее профилактики. Данная предметная область лежит в плоскости исследования различных научных направлений, но наиболее пристальное внимание агрессии уделялось со стороны психологической и социологической парадигм. Активно в процесс исследования феномена включились представители педагогической школы, и в первую очередь в направлении поиска путей профилактики агрессии. Однако современные реалии развития социума требуют от педагогов новых подходов к решению возникающих проблем, связанных с агрессивным поведением различных групп населения, в том числе подростков. Авторы статьи предлагают осуществлять разработку методик профилактики агрессивного поведения в рамках реализации ассертивно-филантропоцентричного подхода.

Список источников

1. Агапов П. В., Колодина А. А. Агрессия человека: понятийно-категориальные трудности теории // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2 (52). С. 204–209.
2. Агапов П. В. Человеческая агрессия в социальных науках: вопросы теории и методологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (34). С. 7–12.
3. Белокопытов В. В. Агрессия как форма девиантного поведения: теоретический анализ // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 350–356.
4. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии / пер. А. Боричев, Л. Царук, Л. Ордановская. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 510 с.
5. Брагина Н. Г., Шаронов И. А. «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 4. С. 975–993.
6. Воловикова В. В. Когнитивные детерминанты агрессии: адаптация методики «Опросник смещенной агрессии» // Философия и социальные науки. 2012. № 3–4. С. 84–87.
7. Еникополов С. Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.
8. Иванов М. А. Влияние волонтерской деятельности студентов в процессе обучения в вузе на формирование их профессиональной компетентности // Социальные отношения. 2016. № 1 (16). С. 48–56.
9. Кириленко И. Н. Профилактика и коррекция агрессии подростков // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 2. С. 150–156.
10. Кириленко И. Н. Теории агрессии в психологии // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 2. С. 67–72.
11. Кондракова И. Э. Предупреждение и педагогическая коррекция агрессивного поведения подростков в школе : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 167 с.
12. Красноперова Е. В. Технология преодоления проявлений агрессии учителей в педагогическом дискурсе : дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2006. 186 с.
13. Кубышкина М. Д. Психолого-исторический аспект изучения проявления агрессии // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2018. № 1. С. 38–43.
14. Левкова Т. В. Конструктивная агрессия в педагогических взаимоотношениях : дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2003. 164 с.
15. Лейко И. Г. Волонтерское движение в России и некоторые проблемы его развития // Социальные отношения. 2015. № 1 (12). С. 105–108.

16. Марцинковская Т. Д. История детской психологии. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/marc_ist/ (дата обращения: 08.12.2022).

17. Милковска-Олейничак Г. Социально-педагогические факторы агрессивного поведения учащихся современных образовательных учреждений: на примере средних школ Польши : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 481 с.

18. Мненков М. С., Гетманов А. М., Филатов К. Е. Профилактика и предупреждение деструктивного поведения путем реализации внутренней агрессии // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2021. № 3 (14). С. 45–52.

19. Окунева Н. В. Связь агрессии с уровнем эмпатии и особенностями темперамента учащихся подросткового возраста // Вопросы науки и образования. 2019. № 3 (47). С. 199–206.

20. Павлова Н. Н. Педагогические условия коррекции агрессивного поведения детей : дис. ... к. пед. н. Якутск, 2001. 164 с.

21. Протопопова В. А. Педагогическая профилактика агрессивного поведения подростков средствами музыкальной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2010. 196 с.

22. Риккер А. С. Динамика развития уровня агрессии у подростков // Проблемы образования в условиях инновационного развития. 2020. № 1. С. 124–128.

23. Рукавишникова Н. Г., Боярова Е. С. Возможности фасилитационного подхода в профилактике насилия и жестокости в подростковой среде // Образовательная панорама. 2017. № 2 (8). С. 15–20.

24. Самойлова Т. А. О формах проявления вербальной агрессии и стратегиях противодействия // Вопросы педагогики. 2021. № 10-2. С. 322–325.

25. Сманцер А. П. Подготовка будущего учителя к превенции агрессивного поведения подростков // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2012. № 5. С. 7.

26. Смирнов В. Д. Особенности исправления несовершеннолетних осужденных с различными типами агрессивного поведения : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 173 с.

27. Токарь И. Е. Гендерный подход в профилактике агрессивного поведения младших школьников : дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 155 с.

28. Фабриков М. С., Фортова Л. К. Правовая культура как инструмент предупреждения агрессии молодежи // Глобальный научный потенциал. 2020. № 11 (116). С. 129–131.

29. Федорова Н. В. Особенности проявления агрессии у подростков-делинквентов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26). С. 83–84.

30. Фирсов К. Н. Формирование умений самоконтроля агрессивного поведения подростков во внеурочной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Грозный, 2020. 242 с.

31. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 1973. 101 с.
32. Хагуров Т. А. Феномен агрессии в системе ценностей современного общества: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2000. 155 с.
33. Шестакова Е. Г., Дорфман Л. Я. Агрессивное поведение и агрессивность личности // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2009. № 7 (64). С. 51–66.
34. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия в школьной речевой среде : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 300 с.
35. Dewart C. N., Anderson C. A. The General aggression model // Human aggression and violence. Causes manifestations and consequences / Edited by P.R. Shaver, M. Mikulincer. Washington: DC. P. 15–33.
36. Khalfina R. R., Timerbulatov I. F., Shakirova E. R. Gender peculiarities of youth aggression manifestations // Psychophysiology News. 2020. № 2. С. 123–128.

References

1. Agapov P. V., Kolodina A. A. Human aggression: conceptual and categorical difficulties of theory. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow state university of culture and arts], 2013, no. 2 (52), pp. 204–209. (In Russ.).
2. Agapov P. V. Human aggression in the social sciences: questions of theory and methodology. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], 2014, no. 2 (34), pp. 7–12. (In Russ.).
3. Belokopytov V. V. Aggression as a form of deviant behavior: theoretical analysis. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2010, no. 6, pp. 350–356. (In Russ.).
4. Berkowitz L. *Agressiya : prichiny, posledstviya i kontrol' : luchshij v mire uchebnik po psikhologii agressii* [Aggression: causes, consequences and control: the world's best textbook on the psychology of aggression]; [transl. A. Borichev, L. Tsaruk, L. Ordanovskaya]. St. Petersburg: Prime EUROZNAC, 2007. 510 p. (In Russ.).
5. Bragina N. G., Sharonov I. A. "Pedagogical" aggression in Russian domestic communication. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, no. 4, pp. 975–993. (In Russ.).
6. Volovikova V. V. Cognitive determinants of aggression: adaptation of the methodology "Questionnaire of shifted aggression". *Filosofija i social'nye nauki* [Philosophy and social sciences], 2012, no. 3–4, pp. 84–87. (In Russ.).
7. Yenikoplov S. N. Topical problems of research into aggressive behavior. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* [Applied legal psychology], 2010, no. 2, pp. 37–47. (In Russ.).

8. Ivanov M. A. The influence of students' volunteer activities in the process of studying at a university on the formation of their professional competence. *Social'nye otnoshenija* [Social relations], 2016, no. 1 (16), pp. 48–56. (In Russ.).
9. Kirilenko I. N. Prevention and correction of adolescent aggression. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [News of the Southern Federal University. Pedagogical sciences], 2012, no. 2, pp. 150–156. (In Russ.).
10. Kirilenko I. N. Theories of Aggression in Psychology. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [News of Southern Federal University. Pedagogical sciences], 2013, no. 2, pp. 067–072. (In Russ.).
11. Kondrakova I. E. *Preduprezhdenie i pedagogicheskaja korrekcija agresivnogo povedenija podrostkov v shkole: diss. ... kand. ped. nauk* [Warning and pedagogical correction of the aggressive behavior of adolescents at school]. St. Petersburg, 2000. 167 p. (In Russ.).
12. Krasnoperova E. V. *Tehnologija preodolenija projavlenij agressii uchitelej v pedagogicheskom diskurse: diss.... kand. ped. nauk* [Technology to overcome manifestations of teacher aggression in pedagogical discourse]. Izhevsk, 2006. 186 p. (In Russ.).
13. Kubyshkina M. D. Psychological-historical aspect of the study of the manifestation of aggression. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chehova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov], 2018, no. 1, pp. 38–43. (In Russ.).
14. Levkova T. V. *Konstruktivnaja agressija v pedagogicheskikh vzaimootnoshenijah: diss.... kand. ped. nauk* [Constructive aggression in pedagogical relations]. Khabarovsk, 2003. 164 p. (In Russ.).
15. Leiko I. G. Volunteer movement in Russia and some problems of its development. *Social'nye otnoshenija* [Social relations], 2015, no. 1 (12), pp. 105–108. (In Russ.).
16. Marzinkovskaya T. R. *Istoriya detskoj psihologii* [History of child psychology] [Electronic resource]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/marc_ist/ (accessed. (In Russ.).
17. Milkowska-Oleyniczak G. *Social'no-pedagogicheskie faktory agresivnogo povedenija uchashhihsja sovremennyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij : na primere srednih shkol Pol'shi: diss.... doc. ped. nauk* [Socio-pedagogical factors of aggressive behavior of students of modern educational institutions: on the example of secondary schools in Poland]. St. Petersburg, 2001. 481 p. (In Russ.).
18. Mnenkov M. S., Getmanov A. M., Filatov K. E. Prevention and prevention of destructive behavior through the implementation of internal aggression. *Vestnik Jaroslavskogo vysshego voennogo uchilishha protivovozdushnoj oborony* [Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Air Defense], 2021, no. 3 (14), pp. 45–52. (In Russ.).

19. Okuneva N. V. Connection of aggression with the level of empathy and peculiarities of temperament of teenage students. *Voprosy nauki i obrazovanija* [Issues of science and education], 2019, no. 3 (47), pp. 199–206. (In Russ.).

20. Pavlova N. N. *Pedagogicheskie uslovija korrrekcii agressivnogo povedenija detej: diss. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical conditions for correcting the aggressive behavior of children]. Yakutsk, 2001. 164 p. (In Russ.).

21. Protopopova V. A. *Pedagogicheskaja profilaktika agressivnogo povedenija podrostkov sredstvami muzykal'noj dejatel'nosti: diss. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical prevention of aggressive behavior of adolescents by means of musical activity]. Volgograd, 2010. 196 p. (In Russ.).

22. Ricker A. S. Dynamics of development of the level of aggression in adolescents. *Problemy obrazovanija v uslovijah innovacionnogo razvitija* [Problems of education in conditions of innovative development], 2020, no. 1, pp. 124–128. (In Russ.).

23. Rukavishnikova N. G., Boyarova E. S. The possibilities of a facilitative approach in the prevention of violence and cruelty in the teenage environment. *Obrazovatel'naja panorama* [Educational panorama], 2017, no. 2 (8), pp. 15–20. (In Russ.).

24. Samoilova T. A. On the forms of manifestation of verbal aggression and strategies for countering. *Voprosy pedagogiki* [Questions of pedagogy], 2021, no. 10–2, pp. 322–325. (In Russ.).

25. Smancer A. P. Preparation of the future teacher for the prevention of aggressive behavior of adolescents. *Vestnik Vostochno-Sibirskoj Otkrytoj Akademii* [Bulletin of the East Siberian Open Academy], 2012, no. 5, p. 7. (In Russ.).

26. Smirnov V. D. *Osobennosti ispravlenija nesovershennoletnih osuzhdennyh s razlichnymi tipami agressivnogo povedenija: diss. ... kand. ped. nauk* [Features of correcting juvenile convicts with various types of aggressive behavior]. St. Petersburg, 2000. 173 p. (In Russ.).

27. Tokar I. E. *Gendernyj podhod v profilaktike agressivnogo povedenija mladshih shkol'nikov: diss. ... kand. ped. nauk* [Gender approach in the prevention of aggressive behavior of younger schoolchildren]. Moscow, 2009. 155 p. (In Russ.).

28. Fabrikov M. S., Fortova L. K. Legal culture as a tool to prevent youth aggression. *Global'nyj nauchnyj potencial* [Global scientific potential], 2020, no. 11 (116), pp. 129–131. (In Russ.).

29. Fedorova N. V. Features of the manifestation of aggression in teenage delinquents. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* [Psychopedagogics in law enforcement agencies], 2006, no. 2 (26), pp. 83–84. (In Russ.).

30. Firsov K. N. *Formirovanie umenij samokontrolya agressivnogo povedenija podrostkov vo vneurochnoj dejatel'nosti: diss. ... kand. ped. nauk* [Formation of skills for self-control of aggressive behavior of adolescents in extra-time activities]. Grozny, 2020. 242 p. (In Russ.).

31. Fromm E. *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destruction]. Moscow: AST Publishing House, 1973. 101 p. (In Russ.).

32. Khagurov T. A. *Fenomen agressii v sisteme cennostej sovremennogo obshchestva: diss. ... kand. sociol. nauk* [The phenomenon of aggression in the system of values of modern society]. Майкоп, 2000. 155 p. (In Russ.).

33. Shestakova E. G., Dorfman L. Ya. Aggressive behavior and aggressiveness of personality. *Obrazovanie i nauka. Izvestija Uro RAO* [Education and science. News of URAO], 2009, no. 7 (64), pp. 51–66. (In Russ.).

34. Shcherbinina Yu. V. *Verbal'naja agressija v shkol'noj rechevoj srede: diss. ... kand. ped. nauk* [Verbal aggression in the school speech environment]. Moscow, 2001. 300 p. (In Russ.).

35. Dewall C. N., Anderson C. A. The General aggression model. Shaver P. R., Mikulincer M., ed. *Human aggression and violence. Causes manifestations and*. Washington: DC. pp. 15–33.

36. Khalфина R. R., Timerbulatov I. F., Shakirova E. R. Gender peculiarities of youth aggression manifestations. *Psychophysiology News*, 2020, no. 2, pp. 123–128.

Сведения об авторе / Information about the author

Овчинников Олег Михайлович

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Россия

Oleg M. Ovchinnikov

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Personal Psychology and Special Pedagogy, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovy, professor of the Department of Investigation of Law School, VLI of the FPS of Russia, Vladimir, Russia

Горина Елена Евгеньевна

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Россия

Elena E. Gorina

Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Penitentiary Law of Law School, VLI of the FPS of Russia, Vladimir Russia

Юрова Юлия Витальевна

Julia V. Yurova

аспирант кафедры психологии личности и специальной педагогики, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

PhD student of the Department of Personal Psychology and Special Pedagogy, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovy, Senior Lecturer of the Department of Penitentiary Law of Law School, VLI of the FPS of Russia, Vladimir, the Russian Federation

600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е

67e Bolshaya Nizhegorodskaya St, Vladimir, 600020

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

14.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

11.05.2023

УДК 37.013

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-138>

Применение цифровых технологий при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и перспективы развития

Ольга Сергеевна Терентьева

Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники, Томск, Россия, Olga_Zhigalkovich@mail.ru

***Аннотация.** За последние несколько лет классическая концепция образовательного пространства существенно видоизменилась. В настоящее время учащиеся с помощью гаджета могут получить доступ к образовательным платформам в любой точке мира. Безусловно, применение информационных технологий в профессиональном образовании позволяет людям с инвалидностью и ограничениями по здоровью получить профессию более доступно.*

Цифровизация образовательного процесса в настоящее время является одним из главных направлений непрерывного образования студентов с ограниченными возможностями здоровья. Получение высшего образования, в свою очередь, выступает фактором социализации людей с инвалидностью и ограничениями здоровья в современном обществе. Соответственно, студенты с ограниченными возможностями здоровья должны иметь равные условия и доступ к образовательным ресурсам, информации, инструментам профессионального развития. Преподаватели должны обладать методами подачи материала в рамках цифрового образования, для того чтобы информация была доступной для студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Цифровизация образования сегодня обладает широким спектром методов подачи материала, осуществляемых посредством информационных технологий. В настоящее время лидирующие позиции в образовании занимает дистанционное обучение. Возможности дистанционного обучения в условиях интеграции, организационные аспекты технического и методи-

ческого обеспечения лиц с ограниченными возможностями здоровья должны предоставляться образовательным учреждением в полном объеме. Соответственно, преподаватели вузов также должны знать правила и особенности подачи информации в дистанционном формате, обладать умением доступно объяснить материал, размещать свои методические разработки в доступе для студентов с различными нозологиями.

В исследовании рассматриваются формы взаимодействия преподавателей со студентами с ограниченными возможностями здоровья посредством применения в педагогическом процессе информационных технологий. Эмпирическая база раскрывает положительные и отрицательные факторы при обучении студентов с особенностями развития посредством применения электронных технологий в системе образования.

Анализ адаптивных технологий, направленных на формирование образовательного процесса с учётом индивидуальных особенностей обучающихся, указывает на необходимость формирования единого подхода в обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: цифровизация образования, адаптивные технологии, социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья, дистанционное обучение, инклюзивное образование, образовательное пространство

Для цитирования: Терентьева О. С. Применение цифровых технологий при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и перспективы развития // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 138–151. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-138>

Information Technologies in Teaching Students with Disabilities: Issues and Future Considerations

Olga S. Terentyeva

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia
Olga_Zhigalkovich@mail.ru

Abstract. *Over the past few years, the classical concept of the educational space has changed significantly. Currently, students can use the gadget to access educational platforms anywhere in the world. Of course, the use of information technology in vocational education allows people with disabilities and health limitations to make a profession more accessible.*

Digitalization of the educational process is currently one of the main directions of continuing education of students with disabilities. Higher education, in turn, acts as a factor of socialization of people with disabilities and health limitations in modern society. Accordingly, students with limited health opportunities should have equal conditions and access to educational resources, information, and professional development tools. Teachers must have methods of presenting material within the framework of digital education in order for information to be accessible to students with disabilities.

Digitalization of education today has a wide range of methods of presenting material carried out through information technologies. Currently, distance learning occupies a leading position in education. Distance learning opportunities in the conditions of integration, organizational aspects of technical and methodological support for persons with disabilities should be provided by the educational institution in full. Accordingly, university teachers should also know the rules and features of providing information in a remote format, have the ability to explain the material in an accessible way, place their methodological developments in the access for students with different nosologies.

The study examines the forms of interaction between teachers and students with disabilities through the use of information technologies in the pedagogical process. The empirical base reveals positive and negative factors in teaching students with special needs through the use of electronic technologies in the educational system.

The analysis of adaptive technologies aimed at formation of the educational process while taking into account individual characteristics of the student, indicates the need to form a unified approach to teaching students with disabilities.

Keywords: *digitalization of education, adaptive technologies, social adaptation of students with disabilities, distance learning, inclusive education, educational space*

For citation: Terentyeva O. S. Information Technologies in Teaching Students with Disabilities: Issues and Future Considerations. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 3: 138–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-138>

Введение. В настоящее время в условиях реформирования российского образования в связи с переходом от традиционной формы обучения к активному использованию цифровых технологий в образовательном процессе одной из главных задач является

развитие действующей системы непрерывного образования для лиц с особенностями развития и инвалидностью. Соответственно, возникает необходимость в модернизации инклюзивного образования с учетом существующих технологических возможностей и ресурсов.

В современном обществе информационные технологии являются краеугольным камнем в педагогическом процессе, интеллектуальном развитии общества и культуры. По существу, в настоящее время общество стоит перед задачей научиться правильно, оптимально и безвредно применять компьютер во всей системе образования в целом [1, с. 28].

На данный момент пристальное внимание исследователей уделено разработке различных форм обучения, в основе которых лежит процесс адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья, в том числе и с применением дистанционных форм обучения.

Безусловно, цифровые технологии в педагогическом процессе предоставляют большое количество возможностей обучения для студентов с ограниченными возможностями здоровья. Существует широкий спектр дистанционного обучения, представленный в виде различных электронных платформ, курсов и т. д. Но при наличии этих возможностей для студентов, имеющих ограничение по здоровью, остаётся недоступным содержимое этих ресурсов, так как не всегда учитываются нозологии обучающихся.

В связи с этим в образовательном процессе большое значение приобретает высокий уровень подготовки преподавателей, индивидуальное сопровождение, взаимодействие и коммуникативная деятельность. В данном контексте адаптивное обучение будет выступать подходом, направленным на удовлетворение потребностей обучающегося с помощью создания обратной связи, возможностей и ресурсов [2, с. 65].

Адаптивные технологии ориентированы на использование возможностей включения в образовательный процесс индивидуальных особенностей обучающегося, т. е. опираются на принцип

адаптивности — формирования образовательного процесса с учетом индивидуальных особенностей обучающегося [2, с. 68].

Также данные технологии имеют много общего с когнитивными образовательными технологиями, поскольку внедрение в процесс обучения онлайн-лекций, электронных учебников, обучающих видеороликов изменяют когнитивную сферу обучающихся, вынуждая её трансформироваться. Известный российский философ Е. О. Труфанова верно отмечает, что «ресурсы нашей психики, занятые обработкой информации, не безграничны» [3, с. 94]. Но даже если обучающийся работает в автономной цифровой среде, то полностью избежать информационного перенасыщения также невозможно, так как ноутбук или смартфон обучающегося, с которого он заходил в цифровой образовательный курс, как правило, не защищен от неконтролируемой дополнительной информации, которая может его отвлекать, раздражать и т. д. [3, с. 97].

В. И. Колыхматов в своей работе отмечает: «Использование современных ИТ позволяет повысить технологичность, индивидуализацию образовательного процесса в соответствии с потребностями и возможностями каждого ребёнка, интерес и мотивацию современного поколения к обучению в школе, обеспечивая достижение нового качества образования в условиях цифровой экономики» [4, с. 118–120].

Н. Н. Селезнева [5] в своей статье «Трансформация адаптивных технологий обучения от педагогической технологии к обучающим системам с элементами искусственного интеллекта» делает акцент на основных характеристиках и методиках применения адаптивных технологий обучения и влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в целом.

Л. И. Долинер [6; 7] в своих исследованиях анализирует модели адаптивной методической системы, принципы построения данных моделей. Описывает технологию проектирования адаптивной методической системы, характеризует принципы адаптивности системы.

Таким образом, по данной проблеме исследования имеется большое количество публикаций, но малоизученной остаётся тема

применения адаптивных технологий при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Методы исследования, теоретическая база. В работе анализируется применение информационных технологий в педагогическом процессе при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья. Представлены положительные и отрицательные стороны форм обучения в режиме реального времени на различных обучающих платформах, описаны коммуникации посредством электронной почты. Отражена специфика подачи заранее записанного лекционного материала в процессе обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья. Проведен анализ открытых электронных курсов по различным дисциплинам. К их числу в русскоязычном секторе относятся «Лекториум», «Деловая среда», «Теории и практики», «ЮРАЙТ» и др. [14, с. 10].

Теоретической базой исследования послужили научно-исследовательские работы, в которых отображено применение различных технологий при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья. Например, С. С. Лебедева в статье «Актуальные социально-педагогические технологии работы с инвалидами» анализирует результаты применения образовательных технологий при работе со студентами, имеющими инвалидность, описывает участие в реализации конкретных программ коррекционных и реабилитационно-образовательных учреждений [8]. О важности образовательной среды, методах и подходах обучения студентов с особенностями развития и инвалидностью идет речь в работах Н. П. Жигаревой и В. С. Ларионовой [9].

Изучением именно адаптационных технологий для обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья занимались такие исследователи, как В. Д. Менделевич [10], Л. И. Солнцева, С. М. Хорош и др. [11]. В своих работах авторы выделяют несколько подходов обучения и анализируют их.

Большой вклад в развитие теории адаптивного обучения внесла А. С. Границкая. Она утверждала, что адаптивное обучение заключается в развитии умений и навыков, способствующих максимальной адаптации обучающегося к условиям образовательной

системы, и в адаптации учебного процесса к индивидуальным особенностям обучающегося [2, с. 67].

Л. Р. Вотякова [12] в своей статье описывает адаптивные технологии, применимые для обучения студентов с инвалидностью в вузе. Автор также отмечает важность кадрового обеспечения, обучения преподавателей и создания необходимого уровня технического состояния учебных аудиторий.

А. А. Хилько, Л. А. Филимонюк [13] приводят статистические данные проблем, с которыми чаще всего сталкиваются студенты с инвалидностью при получении профессионального образования. Авторы отмечают важность индивидуального консультирования обучающихся с инвалидностью и их родителей для преодоления трудностей в обучении.

Под адаптивным обучением предполагается гибкий подход к определению инструментов, средств и методов обучения. Это возможно за счёт корректирующей обратной связи, предоставления дополнительных учебных ресурсов [2, с. 68]. Безусловно, для реализации данного процесса обучения нужно использовать специальный адаптивный электронный образовательный курс.

Результаты исследования и их обсуждение. Обучение в дистанционном формате при всей своей простоте требует определенных навыков работы и серьезных знаний программного обеспечения как от студентов, так и от преподавателей. При работе в данном режиме нужно видоизменять инструменты совместной работы, методику подачи материала в целом.

Более простым в дистанционном формате является подготовка лекции при условии заранее записанных электронных лекционных курсов. Зачастую данные лекции могут использоваться в сочетании с учебником или методическим пособием. Безусловно, такой способ подачи материала удобен как студентам, так и преподавателям.

Однако недостатки у данного процесса обучения тоже присутствуют. Во-первых, происходит исключение живого человека из образовательного процесса, вследствие чего какой-то материал может быть непонятен обучающемуся или не так интерпретиро-

ван. Во-вторых, сокращается возможность обновления текущего курса лекций, а новая информация, указанная в комментариях к лекционным материалам, не всегда может быть замечена и своевременно изучена. В-третьих, подобный формат в определенной степени затрудняет возможность появления в будущем новых, альтернативных курсов [14, с. 11].

Также одной из распространенных форм дистанционного обучения является проведение вебинаров. В рамках данных занятий студент может задавать вопросы преподавателю и получать какие-либо разъяснения по изучаемой теме. Такая форма проведения занятий является более предпочтительным вариантом. При помощи различных приложений («Яндекс.Телемост», «Сферум», «ВКонтакте») и других программных систем студенты и преподаватели в реальном времени, не выходя из дома, могут совместно работать.

Но и в таком виде образовательной деятельности также существуют свои недостатки:

- нестабильность интернета и, как результат, отсутствие целостности восприятия информации;
- организовать качественную онлайн-трансляцию из дома преподавателю довольно затруднительно, особенно если курс достаточно тяжёлый;
- преподаватель лишён живого общения со студентами, «не видит глаза», что само по себе для лектора является некомфортным: он не может отследить момент, когда слушатели перестают понимать происходящее [14, с. 9].

Еще одним недостатком образовательного процесса в дистанционном формате выступает временной разрыв. Например, преподаватель отвечает на письмо в электронной почте сразу, а студент читает его в лучшем случае только на следующий день. И наоборот, преподаватель слишком поздно видит сообщение от студента, соответственно, ответ на волнующий вопрос может оказаться уже не актуальным.

Применение цифровых технологий при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья, помимо вышеперечисленных сложностей, имеет ряд трудностей, связанных с особенно-

стью восприятия информации, психологическими особенностями и т. д.

Указанные проблемы возможно решить при помощи создания специальных адаптированных программ, которые соотносятся с проблемами и потребностями студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Что касается реализации адаптивных программ посредством цифровизации обучения, они представляют собой образовательные информационно-коммуникационные технологии, в реальном времени реагирующие на действия обучающегося с ограниченными возможностями здоровья и позволяющие корректировать траекторию обучения [2, с. 66].

Также адаптивное обучение должно перекликаться с индивидуальным подходом и сопровождением каждого студента с ограниченными возможностями здоровья. В данной траектории образовательного процесса возможно применение психосоциального подхода в обучении. Сущность данного подхода заключается в развитии потенциала и способности личности к ее росту и развитию.

Немаловажную роль в обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья играет помощь специалиста-сопроводителя. Целью его работы должны являться психологическая адаптация и консультативная помощь. Это позволит студенту с ограниченными возможностями здоровья преодолеть трудности по восприятию учебного материала, пониманию специфики выполнения заданий в рамках электронного обучения и т. д.

Для более глубинного усвоения материала можно использовать образовательные платформы, такие как Moodle, «Открытое образование» и др. На данных платформах возможно размещение интерактивных учебных изданий, которые помогают студентам с ограниченными возможностями здоровья выполнять практические задания. Для текущего контроля знаний можно проводить тестирование по результатам самостоятельного изучения лекционного материала. Заключительный контроль знаний может про-

водиться как в письменной форме (в режиме oof-line), так и в устной (в режиме on-line) [13, с. 81].

Также наиболее часто проблемой дистанционной формы обучения выступают отсутствие самодисциплины и низкий уровень мотивации обучающихся. К сожалению, учащиеся не всегда могут получить доступ к платформе дистанционного обучения. Основным выходом из сложившихся обстоятельств может стать повышение мотивации обучающихся с помощью различных и доступных форм подачи материала. Например, это могут быть открытые электронные курсы по различным дисциплинам. К их числу в русскоязычном секторе относятся «Лекториум», «Деловая среда», «Теории и практики», «ЮРАЙТ» и др. [14, с. 12].

Кроме того, помимо внешней мотивации, нужно повышать и внутреннюю мотивацию студентов. Преподаватель должен постоянно поддерживать обратную связь со студентами для понимания результатов деятельности и оценки их работы [15, с. 28].

Заключение. Цифровизация образования на данный момент является приоритетным направлением во всём образовательном процессе. Важным вопросом остаётся алгоритм применения цифровых технологий, содержательная составляющая и материал, который будет предложен для обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Безусловно, дистанционный формат обучения может способствовать более легкому процессу адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям образовательной системы. Однако следует иметь в виду, что при таком формате обучения тоже существует ряд проблем. В первую очередь они связаны с восприятием информации, правильностью подачи материала, умением работать с различными электронными образовательными программами и платформами.

Для решения указанных проблем нужна определенная система сопровождения студентов с ограниченными возможностями здоровья. Данная система может быть реализована на базе сопроводительного центра. В центре также должны работать специалисты по социальной работе, тьюторы, психологи. Они могут оказать вы-

сококвалифицированную помощь, которая будет направлена на снятие психологических барьеров, выработку таких личностных качеств, как решительность, уверенность в себе, активность. Также в рамках работы данного центра специалисты могут создавать и разрабатывать специальные условия для обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья, которые будут отображены в адаптивных образовательных программах.

Для эффективного обучения посредством применения цифровых технологий важно учитывать внутреннюю и внешнюю мотивацию студентов. Если будет происходить превалирование внешней мотивации над внутренней, это приведет к отсутствию самоконтроля. Студент с таким типом мотивации будет трудиться в том случае, если его принуждают обстоятельства, но он не видит ценности в самом обучении, а при высокой автономности студенческой жизни это может приводить к быстрому падению успеваемости, пропускам занятий и т. д.

Поэтому важным является поддержание обратной связи со студентами. Эта деятельность может проявляться в проведении информационно-разъяснительных мероприятий, создании проблемно-ориентированных методических материалов для преподавателей, обучении студентов основам тайм-менеджмента. Также в работе преподавателю дисциплины следует использовать различные обучающие электронные платформы, где он будет размещать дополнительные материалы по лекционным и практическим занятиям. Данные материалы помогут студентам лучше изучить и освоить предмет.

Подобная деятельность будет способствовать формированию новых подходов в обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Список источников

1. Евтушенко И. В. Основные направления государственной политики в области специального (коррекционного) образования // Современные про-

блемы науки и образования. 2017. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26825> (дата обращения: 12.11.22).

2. Муллер О. Ю. Применение адаптивных технологий при обучении студентов с особыми образовательными потребностями // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 8. С. 65–69.

3. Ткаченко Е. Н. Цифровое будущее образование // *Труд и социальные отношения*. 2022. Т. 33. № 3 (171). С. 90–98.

4. Кольхалов В. И. Развитие системы непрерывного педагогического образования в условиях цифровизации образования // *Человек и образование*. 2018. № 4 (57). С. 118–121.

5. Селезнева Н. Н. Трансформация адаптивных технологий обучения от педагогической технологии к обучающим системам с элементами искусственного интеллекта // *Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования*. 2022. № 3 (61). С. 113–123.

6. Долинер Л. И. Адаптивные методические системы как системообразующая компонента дистанционного обучения // *Образование и наука: Известия Уральского отделения Российской академии образования*. 2003. № 1. С. 48–67.

7. Долинер Л. И. Модель адаптивной методической системы для подготовки будущих преподавателей к использованию информационных и коммуникационных технологий // *Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования*. 2004. № 6 (30). С. 46–51.

8. Лебедева С. С. Актуальные социально-педагогические технологии работы с инвалидами // *Ученые записки СПбГИПСР*. 2011. № 1. Т. 15. С. 7–10.

9. Жигарева Н. П., Ларионова В. С. Трудовое обучение инвалидов в контексте образовательной среды в реабилитационном пространстве // *Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы*. 2010. № 2. С. 63–69.

10. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. Практическое руководство. М.: Медпресс. 1998. 592 с.

11. Солнцева Л. И., Хорош С. М. Советы родителям по воспитанию слепых детей раннего возраста. М.: ВОС, 1998. 162 с.

12. Вотякова Л. Р. Использование адаптивных технологий в процессе обучения студентов с инвалидностью в образовательной организации высшего образования // *Инновационная наука: международный научный журнал* 2018. № 2. С. 81–83.

13. Хилько А. А., Филимонюк Л. А. Современные проблемы профессионального обучения молодежи с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 5(78). С. 81–83.

14. Гельман В. Я. Проблемы перехода на дистанционное обучение // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 7. С. 8–12.

15. Дронова Е. Н. Технологии дистанционного обучения в высшей школе: опыт и трудности использования // Преподаватель XXI век. 2018. № 3. С. 26–34.

References

1. Yevtushenko I. V. The main directions of state policy in the field of special (correctional) education. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2017. (In Russ.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26825> (accessed 12.11.2022).

2. Muller O. Yu. The use of adaptive technologies in teaching students with special educational needs. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the Higher School)], 2022, no. 8, pp. 65–69. (In Russ.)

3. Tkachenko E. N. Digital future education. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya* [Labor and social relations], 2022, vol. 33, no. 3 (171), pp. 90–98. (In Russ.)

4. Kolykhalov V. I. Development of the system of continuous pedagogical education in the conditions of digitalization of education. *Chelovek i obrazovaniye* [Man and education], 2018, no. 4 (57), pp. 118–121. (In Russ.)

5. Selezneva N. N. Transformation of adaptive learning technologies from pedagogical technology to learning systems with elements of artificial intelligence. *Vestnik MGPU. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Informatics and informatization of education], 2022, no. 3 (61), pp. 113–123. (In Russ.)

6. Doliner L. I. Adaptive methodological systems as a system-like component of distance learning. *Obrazovanie i nauka: Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Education and science: Proceedings of the Ural branch of the Russian Academy of Education], 2003, no. 1, pp. 48–67. (In Russ.)

7. Doliner L. I. Model of adaptive methodological system for training future teachers to use information and communication technologies. *Obrazovanie i nauka: Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Education and science: Proceedings of the Ural branch of the Russian Academy of Education], 2004, no. 6 (30), pp. 46–51. (In Russ.)

8. Lebedeva S. S. Actual socio-pedagogical technologies of work with the disabled. *Uchenye zapiski SPbGIPSR* [Scientific notes of SPbGIPSR], 2011, no. 1, vol. 15, pp. 7–10. (In Russ.)

9. Zhigareva N. P., Larionova V. S. Labor training of disabled people in the context of the educational environment in the rehabilitation space. *Vestnik UMO vuzov Rossii po obrazovaniyu v oblasti social'noj raboty* [Vestnik UMO universities of Russia on education in the field of social work], 2010, no. 2, pp. 63–69. (In Russ.)

10. Mendeleevich V. D. *Klinicheskaya i medicinskaya psihologiya. Prakticheskoe rukovodstvo* [Clinical and medical psychology. Practical guide]. Moscow: Medpress. 1998. 592 p. (In Russ.)

11. Solntseva L. I., Khorosh S. M. *Sovety roditelyam po vospitaniyu slepyh detej rannego vozrasta* [Tips for parents on educating blind children of early age]. Moscow: VOS, 1998. 162 p. (In Russ.)
12. Votyakova L. R. The use of adaptive technologies in the process of teaching students with disabilities in an educational organization of higher education. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaya nauka»* [International Scientific Journal "Innovative Science"], 2018, no. 2, pp. 81–83. (In Russ.)
13. Khilko A. A., Filimonyuk L. A. Modern problems of vocational training of youth with disabilities and disabilities. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2019, no. 5(78), pp. 81–83. (In Russ.)
14. Gelman V. Ya. Problems of transition to distance learning. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the Higher School)], 2020, no. 7, pp. 8–12. (In Russ.)
15. Dronova E. N. Technologies of distance learning in higher education: experience and difficulties of use. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI century], 2018, no. 3, pp. 26–34. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Терентьева Ольга Сергеевна

Olga S. Terentyeva

старший преподаватель, Томский
государственный университет систем
управления и радиоэлектроники

Senior Lecturer, Tomsk State University
of Control Systems and Radioelectronics

**634050, Россия, г. Томск, пр-т Ле-
нина, 40**

40 Lenin Av., Tomsk, 634050, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

12.04.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

10.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

02.07.2023

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная дискуссия / Scientific discussion

УДК 303.01

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-152>

**Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана.
Фундаментальные основания российской культурологии
(посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со
дня рождения)**

Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского
международного культурологического симпозиума
(20 ноября 2021 года)

Часть 4

Ведущий круглого стола: **Забулионите Аудра Кристина Иосифовна**,
д-р филос. наук, доцент факультета свободных искусств и наук, Санкт-
Петербургский государственный университет; профессор института

© Забулионите А. К. И., Ардашкин И. Б., Бадмаев В. Н., Балакина Е. И., Барнашова Е. В., Винокурова У. А., Жерносенко И. А., Круглова Л. К., Коробейникова Л. А., Липский Б. И., Мамыев Д. И., Мосолова Л. М., Попова И. Ф., Рындина О. М., Тишкина А. Г., 2023

музыки, театра и хореографии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Участники:

Ардашкин Игорь Борисович, д-р филос. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия);

Бадмаев Валерий Николаевич, д-р филос. наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия);

Балакина Елена Ивановна, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);

Барнашова Елена Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, д-р социол. наук, канд. псих. наук, профессор, Арктический государственный университет культуры и искусств (Якутск, Россия);

Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, канд. культурологии, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия);

Круглова Лариса Константиновна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и культурологии, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия);

Коробейникова Лариса Александровна, д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Липский Борис Иванович, д-р филос. наук, профессор, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Мамыев Данил Иванович, Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати» (Барнаул, Россия);

Мосолова Любовь Михайловна, д-р искусствоведения, почетный профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, заслуженный работник высшей школы РФ (Санкт-Петербург, Россия);

Попова Ирина Федоровна, член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия);

Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Тишкина Анна Григорьевна, канд. филол. наук, доцент, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

Аннотация. *В заключительной части дискуссии обсуждаются перспективы развития двух классических подходов — системного и целостного — в исследованиях культур и цивилизаций в ситуации современного глобального мира. Отмечаются возможности соотношения и дополнительности двух научных программ с перспективными зарубежными исследованиями глобальной культуры, ибо в реалиях современного мира кардинально меняются процессы культурогенеза: формируется третья реальность — мир виртуальных феноменов, выходящий за пределы двух традиционных миров — природы и культуры. Для исследования третьей реальности требуется теоретически выразить взаимосвязь глобального и локального в современных исследованиях культур. На этой проблематике и сосредоточены ряд концептов в западных исследованиях культур (cultural studies).*

В ходе обсуждения перспектив развития дисциплинарности культурологии была отмечена перспективность проблематики, обсуждаемой в зарубежных теориях терминологического планирования, особенно в коммуникативной теории терминологии. Теоретическое моделирование профессиональной коммуникации является актуальной областью науки о культуре, но весьма мало исследованной. В то же время она может оказаться весьма перспективной, как формируя общее интеллектуальное пространство коммуникации разных культурологических дискурсов (индологии, китаеведения, арабистики, африканистики, а также культурологических дискурсов этнокультур) внутри российской науки о культуре, так и расширяя международные связи российской науки о культуре, особенно в случае межцивилизационной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: *дисциплинарность науки о культуре, механицизм, органицизм, системность, целостность, уникальность культуры, философия культуры, региональные онтологии, глобальное и локальное, теории терминологического планирования*

Для цитирования: Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения).

Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 4 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 152–180. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-152>

**The Relevance of the Polemics of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan.
Fundamentals of Russian Culturology
(Dedicated to the Memory of Prof. Yu. N. Solonin, on the Occasion
of his 80th Birthday)**

The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third
Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium
(November 20, 2021)

Part 4

Chairperson of the Roundtable Discussion: **Audra-Kristina I. Zabulionite**, PhD, DSc Associate Professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences Saint-Petersburg State University Professor of Department of the Performing Arts, Institute of Music, Theatre and Choreography Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Participants: **Igor B. Ardashkin**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia); **Valeriy N. Badmaev**, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Kalmyk State University (Elista, Russia); **Elena I. Balakina**, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Design, Altai State University (Barnaul, Russia); **Elena V. Barnashova**, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Uliana A. Vinokurova**, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russia); **Irina A. Zhernosenko**, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Culture Studies, Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia); **Larisa K. Kruglova**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Professor at the Department of philosophy, psychology and cultural studies, Admiral Makarov state University of Maritime and river fleet

(St. Petersburg, Russia); **Larisa A. Korobeynikova**, doctor of philosophical sciences, professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Boris I. Lipsky**, Doctor of Philosophy, Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia); **Danil I. Mamyev**, Ethno-Cultural Research and Educational Centre “AruSvati” (Barnaul, Russia); **Lubov M. Mosolova**, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture of Herzen State Pedagogical University of Russia, Honorary Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Irina F. Popova**, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg, Russia); **Olga M. Ryndina**, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Anna G. Tishkina**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia).

Abstract. *The final part of the debate discusses the prospects for the development of two classical approaches — systemic and holistic — in the research of cultures and civilizations in the current global world. The possibilities of correlation and complementarity of the two scientific programmes with promising foreign studies of global culture are noted, because the realities of the modern world radically change the processes of cultural genesis: a third reality — a world of virtual phenomena beyond the two traditional worlds of nature and culture — is being formed.*

The study of the third reality requires a theoretical expression of the relationship between the global and the local in contemporary cultural studies. This is the focus of a number of concepts in Western cultural studies. During the discussion on the perspectives for the development of cultural studies disciplinarity, the perspective of issues discussed in foreign theories of terminological planning, especially The Communicative Theory of Terminology, was noted. Theoretical modelling of professional communication is a relevant area of cultural science, but very little researched. At the same time, it can prove very promising, both forming a common intellectual space of communication between different cultural discourses (Indology, Chinese studies, Arabic studies, African studies, as well as cultural discourses of ethnic cultures) within Russian cultural studies, and expanding international links of Russian cultural studies, especially in the case of intercivilizational professional communication.

Keywords: *disciplinarity of culturology, mechanicism, organicism, consistency, integrity, uniqueness of culture, philosophy of culture, regional ontologies, global and local, theories of terminological planning*

For citation: Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 4. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* = Human. Culture. Education. 2023; 3: 152–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-152>

Л. А. Коробейникова: Российская культурология действительно является самостоятельной наукой, несмотря на то, что, как было отмечено, в нашей дискуссии звучат иностранные имена. Я присоединяюсь к мысли, высказанной на нашем сегодняшнем обсуждении А. Г. Тишкиной [1, с. 176], что было бы опасной тенденцией в развитии фундаментальной проблематики, дисциплинарности и методологических стратегий российской культурологии не видеть ее интеллектуальной связи с зарубежной интеллектуальной традицией. Российская философская и методологическая традиция складывалась в неразрывной связи с западной интеллектуальной традицией, имея общие истоки философской мысли в древней Греции. Но это не значит, что я не вижу разных подходов к исследованиям культур в российской культурологии и в современных западных культурных исследованиях (cultural studies), о чем я уже высказывалась [2, с. 160–161].

Если говорить о дисциплинарности российской культурологии, о понятийном аппарате, которым пользуются исследователи, то, на мой взгляд, оба методологических подхода, и системный, который применялся М. С. Каганом в процессе становления отечественной культурологии, и целостный, отстаиваемый Ю. Н. Солониным как метод изучения уникальности культур, были актуальны в процессе становления культурологии и такими остаются ныне. Оба выделенных методологических подхода сосуществуют в процессе эволюции культурологического знания, но в латентной форме, с доминированием на каждом определенном этапе развития культурологии того или иного подхода (системного или целостного, эссенциалистского). На первом этапе

развития культурологии системный подход был очень плодотворен: происходило накопление эмпирических знаний о культуре. Конечно, системный подход как первая парадигма культурологии, сложившаяся в рационалистической традиции философского знания, достаточно структурирован и логически выверен. В интерпретации М. С. Кагана первая парадигма российской культурологии обращается к изучению культуры на разных теоретических уровнях: культуроведения как комплекса частных наук о культуре; культурологии в собственном смысле слова как науки о формировании и развитии самого феномена культуры; философии культуры как высшего типа знания о культуре. Культуроведение как комплекс дисциплин, изучающих культуру (культурная, социальная антропология, история культуры, филология, социология культуры, психология и т. п.), исследует эмпирический материал развития культуры в качестве фундамента культурологического знания: конкретные артефакты, ценности, формы их связи, опредмеченные результаты культурной деятельности в их динамике. Культурология в собственном смысле слова включает в свое поле исследований анализ и интерпретации разных культурологических концепций, начиная с момента формирования научного знания о культуре в рамках философии истории Нового времени и Просвещения и кончая анализом новых и новейших культурологических теорий. Она также изучает онтологию и морфологию культуры. Философия культуры как «центр культурологического космоса», в определении В. Виндельбанда, дает квинтэссенцию знания о сущности культуры. На этом уровне знания рационалистическая парадигма культурологии понятийно строит целостность культуры как систему (системная целостность).

Иное представление о целостности культуры, ориентированное на научную парадигму познания культуры как уникальной целостности, результатом исследований которой стало формирование двух научных программ: культурознания и культурологии, сложилось в немецкой традиции в XIX веке (М. фон Лаверн-Пегильен). На эвристический потенциал этой научной программы, а также на традицию органицизма (И. Гердер) обратил внимание Ю. Н. Солонин. Эта, вторая, парадигма культурологии, понятийный аппарат которой имеет установку выразить уникальность культур, как мы сегодня все отмечаем, еще требует развития, но, безусловно, является интересной и пер-

спективной. Сейчас, в условиях перехода от монокультуры к культурному разнообразию, назрела необходимость философского осмысления происходящих культурных изменений. Поэтому на первый план выходит исследование уникальности разнообразных культур, направление методологического поиска которого задаст эссенциалистский подход Ю. Н. Солонина. Как я уже говорила, он не отменяет системного подхода М. С. Кагана, оба методологических подхода сосуществуют в культурологическом знании, но доминирует на определенном этапе развития культурологии один подход.

То есть в российской культурологии есть две парадигмы, принципиально по-разному строящие концепт целостности культуры — самый базовый концепт культурологии, выражающий ее предметную область. Отсюда проистекают разные методологические традиции и способы познания. Эти парадигмы дополнительные, но их понятия нельзя смешивать.

К эвристическим возможностям этих двух научных программ, развиваемых сегодня в российской культурологии и обсуждаемых на круглом столе, я подойду в контексте той проблематики, которой я занимаюсь, то есть обращусь к ним в контексте исследований глобальной культуры. Такой выбор темы моего выступления не случаен: парадоксально, но факт остается фактом — проблема культурного разнообразия наиболее изучена в политических науках, включая и теорию глобализации; в культурологии же эта тема до сих пор остается маргинальной.

Реалии современного мира — информатизация, цифровизация, сетевые структуры, гибридная культура, виртуальная культура, дополненная реальность — кардинально меняют процесс развития культуры, формируя третью реальность — мир виртуальных феноменов, созданный на основе развития высоких технологий и выходящий за пределы двух традиционных миров — природы и культуры. Подобного рода трансформация современной культуры требует теоретического осмысления, что невозможно без точки отсчета, которой является целостность и уникальность культуры. Это обуславливает интерес, обращение к целостному подходу, позволяющему уловить уникальность и разнообразие современной культуры. На что и ориентирована вторая парадигма отечественной культурологии.

Исследование уникальности разных культур (и западных, и восточных) особенно актуально в начале XXI века, когда процессы, включающие жизнь человека в тесные глобальные культурные, политические, экономические, социальные связи, взаимозависимости, переплетения и потоки, вызывают смешение культурных и социальных форм, формируя гибридный мир. Анализ современных культурных реалий гибридного мира требует не системного, а целостного подхода, позволяющего уловить невидимую ауру культурного разнообразия мира. Гибридный мир формируется не только в сфере политической культуры, хотя эта сфера наиболее изучена в современных исследованиях глобальной культуры. В таких науках, как международные отношения, геополитика, термины «гибрид», «гибридизация», «гибридность» используются для характеристики постмодернистских политических структур. Некоторые исследователи отвергают культурную и социальную гомогенизацию. Гомогенная, или евроцентристская, глобализация потерпела крах и в реальной жизни, и в научных теориях. Теории гибридной глобализации, согласно которым предметом изучения является гибридный мир, отражающий культурное разнообразие и уникальность разных культур, исследуют смешение культурных и социальных форм, а также смешение и интенсификацию взаимосвязей глобального и локального, например глокализация (в терминологии Р. Робертсона). Политические философы рассматривают смешение культурных и социальных феноменов в процессе глобализации в терминах постфилософии: транснационализм часто ассоциируется с гибридизацией политических структур. В концепции В. Вертовека транснационализм часто ассоциируется с текучестью конструированных стилей, социальных институтов и повседневной практики, что описывается в терминах синкретизма, креолизации, бриколажа, культурной трансляции, гибридности. Такое смешение политологического и культурологического дискурса, кажущееся на первый взгляд расплывчатым и проблемно-фрагментированным, заполняет вакуум современных культурологических исследований, в которых, как я уже говорила, изучение культурного разнообразия остается маргинальной темой. В рамках концепции глобализации как гибридизации Ж. Питерса процесс формирования глобальной культуры описывается как рост многообразия возможных социальных и культурных структур: транснациональных,

интернациональных, макрорегиональных, локальных. Другое проявление гибридизации связано с понятием смешанного времени: пре-модернизм, модернизм, постмодернизм. В границах этой концепции гибридизация интерпретируется как интеркультурализм. Таким образом, можно заметить, что современные культурные реалии не укладываются в традиционные схемы системного анализа культуры.

Гибридный мир очень сложно поддается логическому структурированию, скажем, в рамках жесткого системного подхода. Мне представляется, что исследование современных культурных реалий гибридного мира требует иного, эссенциалистского подхода, позволяющего уловить, как я уже говорила, невидимую ауру культурного разнообразия мира. Возможно, что традиция органицизма, актуализированная Ю. Н. Солониным, в силу ее эссенциалистского умонастроения, может открыть продуктивную исследовательскую перспективу для культурологических исследований гибридного мира, которые разработаны несопоставимо хуже, чем политологические, геополитические или международные.

И. Б. Ардашкин. Я продолжу тему современных зарубежных концепций, к которой обратилась Л. А. Коробейникова. Мы сегодня ведем речь о двух классических научных программах и о том, как выразить уникальность культур. При этом, мне кажется, эту проблематику свели к разговору об этнокультуре. С моей точки зрения, удачнее было бы использовать более широкие образы культур.

В обсуждении дисциплинарности культурологии я обращаюсь к этому вопросу сквозь призму семиотики. Оттолкнувшись в своих рассуждениях от хорошо известной семиотической концепции Умберто Эко, который говорил, что семиотика — это наука о коммуникации. Мы сегодня много говорим об этнокультурах. Этническая культура также представляет собой один из способов коммуникации. Особенно хорошо это заметно посредством изучения языка. Любой этнос имеет свой язык, и чаще всего язык является одним из фундаментальных параметров. Как правило, если язык утрачивается, этнос растворяется. Как это происходит? Л. М. Мосолова обратила внимание на миграции этносов [3, с. 173–174]. В этой связи, мне представляется, уместно задаться вопросом: что происходит с языками в тот момент, когда этносы начинают контактировать друг с другом? В процессе этих контак-

тов возникают попытки найти взаимопонимание, а для этого требуется язык, который исполняет функции установления взаимопонимания. Сначала это может быть какой-то профессиональный язык. Например, у купцов, встречающихся и контактирующих с каким-то этносом. Или другой пример, африканские, южноамериканские и европейские этносы находятся вместе на одной территории, как это происходило в Латинской Америке. Возникают так называемые контактные языки — пиджины, креольские языки и другие, которые исполняют наиболее значимые функции коммуникации. Смысл моих примеров заключается в следующем: когда мы ставим вопрос о целостности и уникальности культур, то с точки зрения семиотики, изучающей процессы коммуникации, в первую очередь надо уметь выражать эту целостность и уникальность через призму *значения*, потому что семиотика любую культуру рассматривает как знаковую систему, т. е. любая культура несет свое *значение*. Когда, допустим, коллеги из Якутии или Алтая говорят о том, что у них есть связь с землей, я не вполне согласен, что это именно этническая особенность. Поверьте, я тоже чувствую свою связь с этой землей: это для меня Родина, и это значение тоже передается соответственно.

Коммуникация возникает в самых разных сферах межэтнического, межличностного, междивизиационного общения, в том числе и в сфере профессиональной коммуникации. В изучении вопросов коммуникации я хотел бы обратить внимание на проблему, связанную с развитием терминологии, с развитием профессиональной коммуникации. То есть я буду говорить о достаточно новой области знания, претендующей на статус науки «Терминология». Что происходит в процессе профессиональной коммуникации, почему возникает терминология? Она возникает по той простой причине, что нужно как-то более-менее однозначно понимать друг друга. Эта новая наука — терминология — появляется в первой половине XX века, причем параллельно в трех географических регионах: Австрии, Советском Союзе и Северной Европе (Скандинавии). Смысл ее появления и все возрастающего значения в последние десятилетия в том, что в современном глубоко интегрированном мире профессиональная коммуникация требуется во многих областях: 1) в области технологий — чтобы пользовались промышленной продукцией и технологиями, необходимо выработать единые общие понятия, особенно связанные с ин-

женерным взаимодействием, разработкой технологий (без чего невозможно распространение технологий); 2) профессиональная терминология требуется в международных организациях (Лига Наций, ООН), где возникает необходимость построить профессиональную коммуникацию в различных сферах между различными культурами, этносами, нациями; 3) в области юридической терминологии (предпринимательство, гражданское право) и в других сферах современного глобального мира.

Какие решения сегодня предлагает эта новая наука и чем она может быть интересна для культурологии? Постараюсь продемонстрировать это на примере зарубежных теорий терминологического планирования, которые занимаются вопросами понимания того, что такое термин, терминология, терминологическая работа, терминологическое планирование, а также вопросами управления терминологической деятельности. Один из важнейших аспектов теорий терминологического планирования связан с проблемой установления значения термина, его взаимосвязи с концептом (понятием). На протяжении почти шестидесяти лет (30-е — нач. 90-х гг. XX века) в терминологии доминирует так называемая *Общая теория терминологии* (General Theory of Terminology — GTT) О. Вюстера, которая, если исходить из языка сегодняшнего круглого стола, ориентирована на системный подход. Это хорошо просматривается в способах установления значения термина. Главная задача терминологического планирования — стандартизация терминологии в международном формате. О. Вюстер предложил установить такое правило или способ стандартизации термина: один термин — один концепт [4]. Например, есть понятие «операция», а в зависимости от сферы применения оно обретает свое специфическое значение (финансовая операция, хирургическая операция и т. д.). Это означает, что в любой профессиональной сфере знаний один термин имеет одно значение, отражающее особенности этой специальной области знаний. Фактически такая схема реализуется тем, что в словаре за термином закрепляется значение последнего в виде определения, которое носит статический характер и не учитывает нюансы контекстов его применения в профессиональной коммуникации. Стандартизация сводилась к тому, что разрабатывались международные и профессиональные словари, справочники, которые имели необходимость быть записанными на разных языках, но так,

чтобы эти значения коррелировались друг с другом. Как это ни странно, первая научная концепция терминологии О. Вюстера была наукой не о терминах, не о специальных словах, имеющих профессиональное значение, а о концептах.

Если обратиться к проблематике культурологии с точки зрения О. Вюстера, то решение, предложенное им в общей теории терминологии, заключается в том, чтобы подвести под общий знаменатель языки разных культур и цивилизаций, то есть нужно искать те значения, которые можно было бы одинаково интерпретировать в разных культурных средах. Настоящая дискуссия, кстати, хорошо продемонстрировала идею О. Вюстера. Сегодня много раз речь заходила о концептах, сложившихся в системном подходе и в научной программе органицизма. Понятие «культура» есть концепт, и он по-разному понимается в альтернативных научных программах.

Долгое время концепция О. Вюстера преобладала в терминологической практике, поскольку нужно было провести огромную эмпирическую работу, но было очевидно, что такого рода подход установления значения эффективный, но не гибкий, поскольку очень много и синонимии, и других факторов, влияющих на значение. Поэтому в 90-е годы прошлого века *Общая теория терминологии* (ГТТ) О. Вюстера подвергалась серьезной критике, в результате чего появились новые теории терминологического планирования: *коммуникативная теория терминологии* (Communication Theory of Terminology — СТТ), *социокогнитивная теория терминологии* (Sociocognitive Theory of Terminology — СТТ), *теория терминологии, основанная на фреймах* (Frame-based Terminology — ФБТ). Указанные теории фактически формируются на основе, если использовать язык круглого стола, парадигмы органицизма, который выступил против универсалий, как уже отмечалось в сегодняшнем нашем обсуждении [1, с. 159–160], поскольку ключевыми в их рассмотрении становятся вопросы установления значения как незавершенного процесса, учитывающего не только аспект знания, но и аспекты коммуникации и языка.

Приведу пример, обращаясь к коммуникативной теории терминологии, в рамках которой появляется весьма интересная концепция — так называемая концепция *теории дверей* (Theory of the Doors), автор которой испанская исследовательница М. Т. Кабре. С позиций *коммуникативной теории терминологии* М. Т. Кабре критикует под-

ход О. Вюстера, обращая внимание на невозможность международной стандартизации терминологии в качестве задачи терминологической работы, поскольку значение термина носит открытый характер и это значение не может быть установлено предварительно, как это полагается в *общей теории терминологии* (ГТТ) О. Вюстера. Ключевым понятием *коммуникативной теории терминологии* (СТТ) становится понятие «терминологическая единица». В *теории дверей* М. Т. Кабре пытается продемонстрировать, что при работе с терминами невозможно привязывать один термин к одному концепту. Она полагает, что понятие «терминологическая единица» состоит из трех составляющих: когнитивная единица (концепт, знание), лингвистическая единица (термин), коммуникативная единица (ситуация общения). В данной ситуации как бы три основных фактора, с ее точки зрения, которые влияют на значение термина. К тому же она говорит о том, что это значение является неокончательным. Поскольку каждая единица представляет собой отдельный канал, через который может произойти изменение значения термина, и этот процесс носит открытый, т. е. незавершенный характер, то эта теория получает название *теории дверей*. Любая из этих дверей будет приносить какое-то влияние на это значение [5].

Мне представляется, что коммуникативный подход более близкий парадигме органицизма. И в перспективе можно подумать о дополнительности этих подходов в области изучения коммуникативных процессов в междивизиационной коммуникации. То есть коммуникативные подходы могут хорошо работать и в области терминологии культурологии, в том числе и в области проблем, обсуждаемых сегодня. Одно дело, когда мы говорим о диалоге, и другое дело, когда мы говорим о том, как этот диалог строить. У нас часто получается, что мы говорим о *локальной культуре* как о нечто состоявшемся, как и *глобальной культуре*, а ведь они достаточно динамичные. Следует отметить и еще один фактор: когда мы начинаем что-то изучать, мы изучаем уже не совсем тот феномен, который был сначала, ибо самим фактом своего изучения мы уже влияем на этот феномен. Это очень хорошо коррелирует в том числе и с идеей изучения культур. Например, мы говорим о том, что нужно преодолеть европоцентризм, но мы почему-то забываем сказать, что именно европейцы первыми поставили проблему преодоления европоцентризма, что как раз и началось

с органицистов (И. Г. Гердера) на рубеже XVIII–XIX вв. и немецких романтиков в первые десятилетия XIX века. Именно европейцы открыли нам китайскую, индийскую, африканскую и другие культуры. Это, конечно, не отменяет негативного контекста (колонизации), но не следует забывать, что мы говорим об этом категориями европейскими, следовательно, мы не можем охватить некоторые смыслы, которые в этих культурах имеют место быть. Поэтому только в диалоге, только в коммуникации возможно подобного рода взаимообогащение.

В этом плане мне хотелось бы высказать еще одно суждение. Когда речь идет о том, что в органицизме целостность достигается посредством категоризации (или через введение категорий), мне кажется, в таком видении присутствует некое заблуждение, потому что уникальность культуры, как и индивидуальность любого человека, мы можем фиксировать непосредственно, например, когда мы видим. Неслучайно, когда кто-то из нас пытается эту уникальность категориально выразить, мы используем понятие *этом*, то есть такое слово, которое имеет место только в ситуации, и больше никакого другого значения у этого слова нет. Когда мы в конкретной ситуации говорим *этом*, мы понимаем, о ком или о чем идет речь, но если абстрагируемся, то утрачиваем значение конкретного контекста. И в этом отношении, если мы говорим о научном подходе, то от нас требуется достаточно серьезная эмпирическая проработка и контекст коммуникации, потому что только через такого рода методологию (это фактически этнографическая методология) есть шанс развить эти идеи.

А. К. И. Забулионите. Игорь Борисович, я хотела бы отреагировать двумя соображениями. Первое: Вы говорите, что в первую очередь надо выражать целостность и уникальность через призму *значения*. Можно и так, но до этого *значение* уже должно быть, а семиотика не задается вопросами: откуда рождаются смыслы, в каком измерении и как формируются те *значения*, которые она собирается выражать. Когда я говорю о региональных онтологиях, меня интересует именно это измерение — как устроена метафизика культуры, ее уникальная картина мира. То есть речь идет не о науке, не о научном, но о философском подходе. Причем с точки зрения органицизма — гетеанской линии — уникальность невозможно выразить универсалиями. Поэтому я и предлагаю обратиться к идее региональных онтологий

Э. Гуссерля. Региональная онтология конкретной культуры должна быть выражена эйдетическими понятиями этой же культуры. А эйдетические понятия не категории.

Второе, что я хотела бы отметить: Вы говорите, что надо опираться на эмпирический опыт, а уникальность выражать «понятием *этот*». Но наука не может работать с указанием *этот*, да и к эмпирическому опыту вот просто так прямолинейно не подойти. Если говорить об онтологии культуры, то не из эмпирического опыта возникает картина мира, а наоборот, события и факты свои смыслы обретают исходя из мировидения, из уникальной картины мира. Эту уникальную целостность и намеревается постичь и выразить региональная онтология, причем не в категориях и не в универсалиях, а в эйдетических понятиях конкретной уникальной культуры. Поэтому в концепциях, сложившихся в гетеанской линии, речь и идет об интеллектуальной интуиции, герменевтических техниках познания, выражаемых разными терминами: «вживание», «погружение в изучаемую культуру», «схватывание» и другими. Если говорить уже не о метафизике, а о построении научного концепта в культурологии, то и здесь с опытом не так просто — научный концепт определяется научной программой (в которой самые фундаментальные понятия уже определены исходя из ее ориентации на ту или иную философскую традицию). Вы же знаете, что непосредственного опыта в науке нет, факт в науке уже является теоретически нагруженным. Чтобы подчеркнуть это, теоретики познания употребляют понятие *фактуальность*.

И. Б. Ардашкин. Я согласен, действительно, любой факт — интерпретация, и мы его уже задаем определенными особенностями, но в данной ситуации, чтобы задавать тогда какие-то универсальные значения, которые мы характеризуем как категории, нужно исходить из того смысла, который они должны нести. Соответственно, мы их будем задавать из ситуации той культуры, в которой мы находимся, и лишь только в процессе контакта мы можем приходиться к каким-то общим значениям, с помощью которых эти категории можем формировать. Поэтому, с моей точки зрения, важна эмпирическая составляющая.

Это отчетливо демонстрирует *теория терминологии, основанная на фреймах* (Frame-based Terminology — FBT) П. Фабер [6]. Фрейм, со-

гласно данной теории, это устоявшийся контекст, в рамках которого значение обретает определенную устойчивость для того или иного термина (языкового выражения). Согласно терминологии «региональных онтологий», последние применительно к тем или иным культурным и социальным образованиям выступают в качестве своеобразного семантического фрейма, в котором то или иное понятие (термин, языковое выражение) меняет свое значение. Поэтому есть очень большой потенциал у исследований, строящихся на взаимодействии культурологии, cultural studies и терминологии (как науки и практики). Такого рода концептуальное сотрудничество позволяет рассматривать культуру (культуры) в феноменальном и понятийном измерении.

А. К. И. Забулионите. Но эмпирическое составляющее по-разному вовлекается в разные концепты культуры, за которыми всегда стоят философские субструктуры. Говорить о научных концептах вне философских субструктур (к какой бы научной программе она ни принадлежала) — это не понимать их содержательного различия. Если я правильно поняла, Вы не предлагаете взамен научным программам коммуникативные стратегии. Или Вы все же говорите о новой парадигме культурологии?

И. Б. Ардашкин. Конечно, я не говорю о понятиях вне философских предпосылок, я говорю о методологии. Когда Вы говорите об органицизме и целостности, речь идет не о методологии, речь идет, с моей точки зрения, о принципах познания. Следовательно, для нас это является некой границей, некой ценностью, которой мы придерживаемся. А вопрос, как мы достигаем, — другой вопрос, и, опять-таки, как я могу на таком категориальном уровне это понять? Возьмем, допустим, опять категории в вопросах терминологии. Мы о категориях говорим в определенном смысле: в смысле категорий Аристотеля, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Б. Рассела или П. Сартра, а не о категориях вообще.

В данной ситуации я вижу в этом методологию, то есть способ. Для меня целостность (продолжу образ Б. И. Липского) [7, с. 173–174] — монолит атома, но надо добавить, как атомы существуют и в каком ландшафте. Они же сталкиваются друг с другом и постоянно обмени-

ваются своими микрочастицами. Собственно, это и есть хороший пример того, как культура, точнее монолиты, существуют: то есть, пока сосуществуют друг с другом, у них есть возможность развиваться, быть организмом, а как только они эту возможность утрачивают, они умирают.

А. К. И. Забулионите. Поставив вопрос о том, как теоретически смоделировать коммуникацию, связанную с профессиональной терминологией, Игорь Борисович, конечно, обратил внимание на очень непростой и принципиально важный аспект науки, в том числе и науки о культурах. Он также справедливо отметил, что в самой европейской мысли были предприняты усилия преодолеть европоцентризм, и мы говорим об этом категориями европейскими. Даже прилагая всевозможные герменевтические усилия, «вживаясь» в другие культуры, как бы мы ни хотели отделаться от своей картины мира, от себя не уйти. То есть речь не об идеологическом европоцентризме, но о гносеологическом. И это проблема не только европейской цивилизации: в каждой цивилизации научное сообщество конструирует свои дискурсы изучения европейской, китайской, индийской, африканской и других культур и цивилизаций. То есть культурологические дискурсы неизбежно отличаются в разных цивилизациях. Этот вопрос, конечно, не новый, уже давно и в российской, и в европейской интеллектуальной традиции (Н. Я. Данилевский, и О. Шпенглер, и А. Тойнби и другие) начинали формироваться представления о локальных системах: причем не только как онтологические постулаты об уникальности культуры и не только как методологические принципы ее познания, но также и как разные образы самой науки о культурах. Следовательно, вряд ли стоит надеяться, что возможно создать, хотя бы в отдаленном будущем, науку о культуре, оперирующую некими универсалиями. То есть вопрос профессиональной терминологии — это вопрос не просто о коммуникации культур/цивилизаций, как они контактируют. Речь с тех пор, видимо, следует вести о профессиональной терминологии, например, терминологии, формирующейся в культурологических дискурсах российской науки о культуре (дискурсах китаеведения, индологии, африканистики или этнокультуры), но также и о терминологии в профессиональной коммуникации между

разными научными сообществами — науке о культуре, которая складывается в Китае, Индии, России, в Европе или других цивилизациях.

С расширением научных межкультурных контактов многомерность проблем научной терминологии будет только нарастать. Науке о культуре придется это учитывать и научиться с этим работать. Актуальность этой проблематики сегодня, по мере расширения международных научных контактов российского культурологического научного сообщества, нам становится все более очевидной. Как известно, уже сегодня мы сталкиваемся с проблемой перевода. Речь идет прежде всего не о переводах внутри одной цивилизации, например, о переводе на русский язык с немецкого, французского, испанского, английского и других (или наоборот), но о переводах межкультурных. Например, сегодня мы сталкиваемся с серьезными трудностями в переводах терминологии научной статьи с китайского на русский и с русского на китайский. Как перевести не слова, а смыслы, которые есть в одной цивилизации и нет в другой? Ведь отличается не только научная терминология, существенно отличаются философское знание, сложившееся, например, в китайской или индийской цивилизации, от той традиции, которая берет свой исток в Древней Греции. В. Н. Бадмаев сегодня не случайно обратил внимание на то, что западный тип философствования не может быть единственным, что в последние десятилетия формируется межкультурная философия как новое направление, предполагающее трансформацию философии, исходя из принципа «когнитивной скромности» [3, с. 154].

Наконец, думая о проблематике профессиональной терминологии есть один весьма важный момент, который или не был сегодня отмечен, или он еще в принципе не учтен в ее теориях. Ведь наука есть один из феноменов культуры, и понятие науки укоренено в метафизике культуры (в ее картине мира). Феномен европейской науки, как она сложилась в результате научной революции Нового времени, отличается от античной или средневековой (есть множество исследований на эту тему), и тем более он отличается от феномена науки, сложившегося, например, в китайской цивилизации [8]. А если наука укоренена в метафизике конкретной цивилизации, то следует определять не просто отдельные научные термины, ибо термины и понятие науки — они все укоренены в уникальной картине мира, прорастают из метафизики уникальной культуры/цивилизации. То есть

проблематика культурологии — целостность культуры — как исток смыслов, значений становится весьма важным измерением в проблематике профессиональной терминологии.

Е. В. Барнашова. Вопрос о своеобразии, об уникальности отдельных культур, конечно, обретает особую и возрастающую актуальность в ситуации современного мира. У каждой культуры, говоря словами греков, есть своя мера, сложившаяся веками. Все мы согласны в том, что современная культурология должна выработать такой категориальный аппарат, инструментарий, который бы позволил схватывать, отражать и осмыслять эту уникальность и целостность культуры во всей сложности и динамизме. Это необходимо не только с практической точки зрения межкультурной коммуникации в современном гибридном мире, но и с точки зрения такой глобальной общечеловеческой стратегии, как сохранение уникального опыта каждой отдельной культуры в проявлении творческого самоутверждения человека и его выживания в тех или иных природных и социально-исторических условиях.

Сравнивая разные научные стратегии в культурологии — системный подход и органицизм, нельзя не признать, что восприятие культуры как системы уступает более гибкому и многомерному прочтению ее как сложного организма. Организма, в котором целое не сводится к сумме отдельных частей, где все диалектично переплетено, одно не может существовать без другого, где все процессы взаимосвязаны, перетекают друг в друга. Способность схватывать этот континуум в его сложности и уникальности должна лежать в основе развития современного культурологического знания.

В то же время во многих сегодняшних выступлениях речь идет не столько о взаимоисключении, сколько о дополнительности двух подходов: системного и органицизма. Их можно воспринимать как разные этапы, ступени восхождения к постижению такого сложного феномена, как культура. Сложность действительно удивительная (мы чувствуем это), иногда даже возникает ощущение, что невозможно договориться представителям Востока и Запада, отдельных этносов, отдельных регионов. В гносеологической перспективе эта сложность предмета исследования, вероятно, потребует новых подходов и мето-

дологий, которые дополняют системный подход и органицизм и снимают остроту полемики между ними.

Сама эта полемика двух рассматриваемых подходов к изучению культуры позволяет вспомнить о ситуации в понимании природы в XIX столетии, когда преодолевался механистический материализм и осваивалась специфика другого, более сложно организованного уровня материи — органического, на котором, собственно, начинается жизнь. Новый взгляд на природу давал мощный импульс развитию естественных наук: появление науки биологии, открытия Ж.-Б. Ламарка, Ж. Сент-Илера, Ж. Кювье, Ч. Дарвина, Л. Пастера. Биологические идеи оказывали влияние на философскую мысль: антропологию Л. Фейербаха, социологию Г. Спенсера, эстетику И. Тэна, находили отражение в художественной практике реализма и натурализма. Один из крупнейших мастеров реализма О. Бальзак писал в предисловии к своей «Человеческой комедии», что идея этого произведения родилась из сравнения человечества с миром животных. Появляются «физиологические очерки», «экспериментальные романы». В категориях организма мыслится и описывается все: общество, человек, культура. Этот биологический редукционизм и позитивистские крайности были неизбежны, поскольку ещё не были освоены более высокие уровни — социальный, психический, культурный. Дальше будет долгий путь развития социальных наук, психологии, философии, культурологии, путь отделения ноосферы от биосферы.

Хочется обратить внимание еще на один момент. Поиск целостности (и тоска о целостности) проступает не только в философских концепциях от натурфилософии И. В. Гете до современных холицистских теорий, но и в обращении философии к образному мышлению. Волны кризисов рационализма порождали образный, близкий к художественности стиль мышления и изложения в философии и науке. Он присущ философам эпохи романтизма (Ф. Шеллинг, Новалис, А. Шопенгауэр), эстетствующим рефлексиям С. Кьеркегора, «философии жизни» Ф. Ницше, русской философии Серебряного века («всеединство», София у В. Соловьева). Актуализация художественного (образного) мышления в эпоху головокружительного научно-технического прогресса — особая тема, но здесь важно вспомнить ее в связи с поиском целостности культуры во всей ее цветущей сложности. Я бы не стала с легкостью отбрасывать образ как что-то совершенно далекое

от науки и неприемлемое и обратила бы внимание на его гносеологический потенциал. Образ, в отличие от абстрактного понятия, имеет дело не с чистой сущностью, но представляет ее в конкретном явлении, не схематизирует предмет, не абстрагируется от его уникальных индивидуальных форм, а дает его во всем своеобразии проявления замысла в конкретном воплощении, схватывает его континуум — и в этом смысле обнаруживает выразительность и уникальность каждого предмета. В нашем случае — выразительность и уникальность каждой культуры. То есть я бы включила еще категорию выразительности для определения уникального выражения в каждой культуре — со всем комплексом климатических, природных и прочих особенностей ее формирования — возможностей выживания и творческого самодтверждения человека.

Органицизм обращается к образному восприятию. Ведь само видение культуры как организма — это уже образ, латентная метафора. Не случайно у О. Шпенглера каждая культура проясняется через прообраз, «душу». И не случайно рассмотрение отдельных культур неизбежно приводит к ключевому вопросу о картине мира, то есть к изначальному образу, воплощенному в мифе. Но в данном случае я говорю не о возвращении к мифу и даже не о лежащей в основе культуры картине мира, но об образе самой культуры, то есть о культуре, воспринимаемой как целостный образ. В свете таких рассуждений, гетеманская линия, которую актуализировал Ю. Н. Солонин в российской культурологии, мне представляется чрезвычайно интересной и продуктивной для разработки культурологических дискуссий.

Л. М. Мосолова. Мне представляется, очень хорошо, что мы обратились и обратились к проблематике, которая была заявлена Ю. Н. Солониным. Юрий Никифорович Солонин — золотое время на факультете философии СПбГУ, он как никто другой организовал множество культурологических исследований, форумов, самых разных встреч, выпестовал огромное количество кадров культурологов. Мы сегодня говорим на разных уровнях об одной и той же проблеме: и на уровне философии, и на уровне культурологии, и конкретных наук, и эмпирического опыта. Это всё, так сказать, разные аспекты этой проблемы. Ю. Н. Солонин работал прежде всего в области философии культуры и философии науки, и поэтому, наверно, концепции нужно

различать по уровням: одно дело — философия культуры и философия науки, совсем другое дело — культурология, работающая уже на среднем, не философском уровне. Культурология — это не философия культуры, совершенно другое дело — конкретные исследования частных наук. Мы иногда всё это смешиваем, а на самом деле о Ю. Н. Солонине надо говорить, строго исходя из того, что он сделал в философии культуры и философии науки, в логике — тут у него колоссальные завоевания, а мы об этом сегодня как-то не очень говорили. О его методе и концепции.

А. К. И. Забулионите. Смешивать, конечно, нельзя. Но изолировать культурологию от уровня философского знания, не замечать и не обсуждать философского компонента в дисциплинарности культурологии — это была бы опасная тенденция прежде всего для культурологии. Вопросы философского ранга, которые обозначил Ю. Н. Солонин и в своих исследованиях, и в полемике с М. С. Каганом, для культурологии трудно переоценить. Сверхзадачей дискуссии 90-х годов и было обратить внимание на компоненты философского знания — и философии культуры, и философии науки и логики — на то, как культурологами все уровни философского знания участвуют в организации дисциплинарности науки о культуре, ибо понимание этого и определяет логическую культуру исследователя. Поэтому и сегодня, выдвинув на обсуждение тему дисциплинарности, обращаясь к полемике, которую Ю. Н. Солонин инициировал, мы собрались не только почтить его память, но и актуализировать фундаментальные вопросы науки о культуре, которые были им поставлены, и размышляем о развитии того направления, которое было задано им как ученым.

Л. М. Мосолова. Но я не вижу особого развития его мысли пока. У него очень мало книг, он школу не создал. А постановка вопросов — гениальная, у него действительно своя методологическая программа, это всё верно. Хотелось бы, конечно, чтобы в дальнейшем его исследовали соратники.

А. К. И. Забулионите. Постараюсь ответить Любви Михайловне и подвести некоторые итоги нашего круглого стола. Относительно

школы и развития мысли. Не буду спорить по вопросу о том, создал ли школу целостности Ю. Н. Солонин, о которой он думал, но учеников, развивающих это направление, он оставил. Кроме меня сегодня здесь присутствует А. Г. Тишкина, и мы не единственные. Следует, наверное, отметить и то, что ученики Ю. Н. Солонина очень разные, не похожие друг на друга. Почему так? Как мне представляется из личного опыта, это определялось какой-то особой манерой общения Ю. Н. Солонина с учениками, общения на равных: он оставлял полную свободу, не давая советов и не предлагая путей поисков. Наверно, справедливо было бы сказать, что такая манера была присуща не только Ю. Н. Солонину, но и самой философии, не признающей аргумента «от авторитета». Отсюда множество примеров из истории философской мысли — какими непохожими могут быть ученики: Платон был учеником Сократа, Аристотель — учеником Платона, Э. Кассирер — Г. Когана, М. Хайдеггер — Э. Гуссерля... Быть учеником — это перенять манеру мысли и постановку вопросов при полной самостоятельности и свободе мысли. В этом смысле я и понимаю продолжение и развитие мысли Ю. Н. Солонина, пытаюсь развивать органицизм, гетеанскую линию, привлекая потенциал философской феноменологии, гуссерлевскую теорию региональных онтологий. В этом я вижу возможность продвинуться дальше в разработке гетеанской линии, проблематики метафизики культуры — того уровня, который О. Шпенглер называл уникальной «душой культуры» и выражал содержательно разными прообразами. Разумеется, продвижение в фундаментальной проблематике — дело непростое и неторопливое.

Если говорить о подведении итогов нашего круглого стола, то вряд ли слово «итог» подходит к открытой и поисковой мысли нашего обсуждения. Многие участники нашего круглого стола обратились к одному из самых дискутируемых вопросов в современном гуманитарном дискурсе: как понятийно выразить культурное разнообразие, уникальность культур. В полемике 90-х годов прошлого века и М. С. Каган, и Ю. Н. Солонин, исходя из тезиса о целостности культуры, по-разному понимали вопрос онтологии культуры. Возродив на проблемном поле культурологии две научные программы, конкурирующие еще с конца XVIII века, тем самым они и заложили две конкурирующие, но дополнительные линии российской культурологии. Однако в нашем обсуждении вопрос *как* надо понимать эту дополнитель-

ность двух альтернативных научных программ ответа не получил: мы дискутировали о том, являются ли эти научные программы/концепты очень близкими (или даже этапами одного пути развития) или же это принципиально разные способы построения базового понятия «культуры».

В разных выступлениях сегодня прозвучал вопрос о понятии культуры: «коренная культура», веньхуа, культура в африканском представлении и другие. Следует отметить, что этот изначальный вопрос науки о культуре сегодня обретает вполне конкретный смысл: он затрагивает сами основания культурологии, достигая ее онтологического уровня и снова заставляет внимательно присмотреться к базовым понятиям: что является предметом познания культурологии не в терминологическом, а в онтолого-объектном значении? Ответить на этот вопрос, поставленный в свое время Ю. Н. Солониным [9, с. 215], без обращения к философскому знанию скорее всего не получится.

Принципиально затрагивались и важные гносеологические вопросы науки о культуре. Poleмику вызвал вопрос об универсалиях культуры: способны ли они выразить по-разному организованные картины мира уникальных культур и цивилизаций? Могут ли универсалии служить таксономической единицей специфически структурирующей Всемирную историю и универсум культур и цивилизаций? Ставя вопрос об универсалиях культуры и их возможности познать уникальность культур и цивилизаций, сослаться на авторитета (напр., В. С. Степина, имя которого сегодня не раз звучало) недостаточно. Очевидно, что вопрос об универсалиях сегодня требует большей ясности: что такое есть универсалия культуры, возможно ли с ее помощью познать уникальность? Или она познает то, что является общим для всех, а индивидуальные аспекты остаются за пределами ее эвристических возможностей? До каких глубин проникновения в сущность и достижения уровней обобщения доходит исследователь, а что есть индивидуально несводимое в таком познании? Это и есть вопрос о рамках эвристической возможности универсалий. Наконец, что такое есть процедура «индивидуализирующей генерализации», предложенная Э. С. Маркаряном? Что есть общий знаменатель в такой генерализации? Как и откуда мы его получаем? И что представляет собой сама процедура индивидуализации, как она проводится в конкретном ис-

следовании? На эти вопросы сегодня также не удалось получить ясные ответы. А в то же время, следует подчеркнуть, что вопросы гносеологии и логики, последовательного алгоритма культурологического познания — не праздные: культурология как наука обязана рефлексировать над собственной методологией познания. Именно на эти вопросы методологической рефлексии Ю. Н. Солонин обратил особое внимание, посвятив анализу методологического кризиса и его оснований ряд основательных исследований [9].

На круглом столе была обозначена также тема диалога культур. Однако при всей актуальности исследования проблематики диалога, приходится признать, что вопросы концептуального моделирования диалога сегодня остаются не разработанными. Отчасти они были обозначены в трудах Ю. М. Лотмана (необходимость двух типологий в описании межкультурной коммуникации), но и ныне они ждут дальнейшего фундаментального осмысления и развития. Только прояснив вопрос о конкретном концептуальном выражении диалога, можно ставить вопрос: как в нем обеспечивается понимание, как решаются логико-философские, лингво-психологические и теоретико-познавательные задачи, связанные с эффективной организацией коммуникативных процессов, обеспечивающие понимание, меру переводимости или непереводимости в диалоге уникальных культур и цивилизаций. Таким образом, вопросы диалога снова отсылают нас к фундаментальным вопросам культурологии.

Весьма интересно в контексте обсуждаемых проблем на круглом столе была обозначена проблематика профессиональной терминологии в науке о культуре. Представляется, что она может оказаться актуальной в разных направлениях: как в ситуации межкультурной профессиональной коммуникации, так и в российской науке о культурах, формируя ее общее интеллектуальное пространство коммуникации разных дискурсов: индологии, китаеведения, арабистики, африканистики, а также культурологических дискурсов этнокультур. Участники сегодняшнего диспута обратили внимание на разные аспекты этой проблемы (в области философского знания — принцип «когнитивной скромности», в науке — теории терминологического планирования). Это важная и еще весьма мало исследованная область науки о культуре.

На круглом столе был поставлен вопрос о дополнительности двух классических парадигм российской культурологии и перспективных зарубежных исследований глобальной культуры в cultural studies, обратившихся к исследованию «третьей реальности» и современных процессов культурологеза.

Конечно, многое осталось невысказанным участниками круглого стола, тем не менее, мне представляется, что наше обсуждение получилось весьма плодотворным. В обсуждении были затронуты самые разные аспекты дисциплинарности культурологии, вопросы понятийного аппарата науки о культуре, мы увидели проблемы там, где, казалось бы, все очевидно и не вызывало сомнений. Нам удалось зафиксировать новые проблемные поля, проблематизировать ряд сюжетов, которые в культурологии воспринимались как само собой разумеющиеся. Поэтому, завершая, позвольте поблагодарить всех участников нашего диспута и выразить надежду, что он будет иметь продолжение.

Список источников

1. Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 3 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2023. № 2. С. 152–188. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-152>
2. Философия науки, философия культуры, культурология: взаимный интерес // Логико-философские штудии. 2015. № 13. С. 157–166.
3. Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Ч. 1 / Забулионите А. К. И., Ардашкин И. Б., Бадмаев В. Н. и др.; под. ред. А. К. И. Забулионите // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4 (46). С. 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>
4. Wuster E. Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography. Springer, Wien, 1979. 176 p.
5. Cabré Castellví M.T. Theories of terminology. Their description, prescription and explanation // Terminology. 2003. № 9 (2). P. 163–199.
6. Faber P. Frame as framework for terminology // Handbook of Terminology. 2015. Vol. 1. P. 14–33.

7. Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 2 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 160–187.

8. Духовная культура Китая: Энциклопедия в 6 томах / М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: «Восточная литература» РАН, 2006–2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование.

9. Солонин Ю. Н. Методологические проблемы изучения культуры (от системного подхода к целостному) // Солонин Ю. Н. Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. С. 192–224.

References

1. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 3. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 2:152–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-152>

2. Philosophy of science, philosophy of culture, cultural studies: mutual interest. *Logiko-filosofskiye shtudii* [Logical and philosophical studies], 2015, no 13, pp. 157–166. (In Russ.)

3. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 1 / A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:145–183 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>

4. Wuster E. Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography. Springer, Wien, 1979. 176 p.

5. Cabré Castellví M. T. Theories of terminology. Their description, prescription and explanation. *Terminology*, 2003, no 9 (2), pp. 163–199.

6. Faber P. Frame as framework for terminology. *Handbook of Terminology*, 2015, vol. 1, pp. 14–33.

7. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin).

The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 2. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:160–187 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>

8. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: Entsiklopediya v 6 tomakh* [Spiritual culture of China: Encyclopedia in 6 volumes] / Titarenko M. L., Kobzev A. I., Lukyanov A. E. Moscow: Eastern Literature RAS, 2006–2009. Vol. 5. Science, technical and military thought, health care and education. (In Russ.).

9. Solonin Yu. N. Methodological problems of studying culture (from a systematic approach to a holistic one). Solonin Yu. N. *Tselostnost' gumanitarnogo znaniya* [The integrity of humanitarian knowledge]. St. Petersburg: Nauka, 2015, pp. 192–224. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	13.05.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	19.06.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	21.06.2023